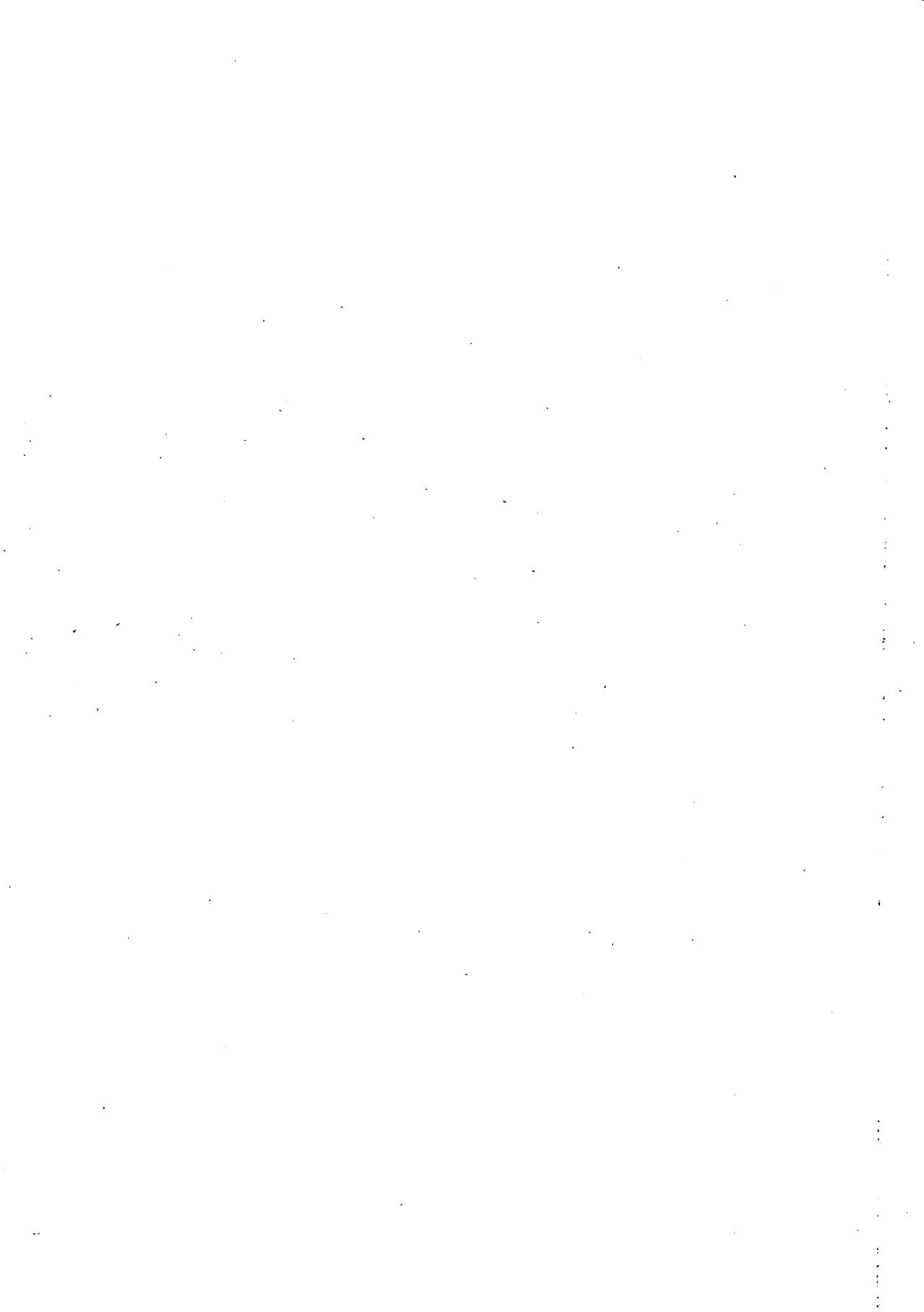

SZEGEDI BOLGARISZTIKA

СЕГЕДСКАТА БЪЛГАРИСТИКА

Szeged — Сегед 1994

SZEGEDI BOLGARISZTIKA

СЕГЕДСКАТА БЪЛГАРИСТИКА

Szeged — Сегед 1994

Hungaro-Bulgarica V.

Hungaro-Bulgarica V.

SZEGEDI BOLGARISZTIKA

СЕГЕДСКАТА БЪЛГАРИСТИКА

Szerkesztőbizottság:

Szádeczky-Kardoss Samu, Olajos Terézia,
H.Tóth Imre (szerkesztő), Ferincz István (technikai szerkesztő)

Редакционна колегия:

Шамуел Садецки-Кардош, Терезия Олайош,
Имре Х.Тот (редактор), Ищван Феринц (отговорен редактор)

Szeged — Cereд 1994

Ez a kiadvány a
Nyitott társadalom alapítvány (Szófia)
támogatásával készült.

Този сборник е издаден
с материалната подкрепа на
фондацията *Отворено общество* (София)

ПРЕДГОВОР

Изучаването на български език в Сегедския университет "Атила Йожеф", независимо от по-ранните опити, започва през първия семестър на учебната 1980/1981 година, когато като лектор по български език в Сегед идва Иван Харалампиев, доцент от Търновския университет "Св.Кирил и Методий". Интересът на нашите студенти и преподаватели към българистиката се изразява не само в изучаването на български език, но и в задълбочения интерес към определени области на българската филология. Първи проявиха интерес към тези проблеми славистите. Израз на този задълбочен интерес беше фактът, че с участието и с помощта на българските колеги-специалисти успяхме да организираме няколко международни българистични конференции, в които, заедно с нашите преподаватели, взеха участие и други специалисти от нашия университет – медиависти, византолози и нашите български гост-лектори, които съдействуваха за успеха на нашите конференции с техните високонаучни доклади и съобщения. Като израз на интерес към българистиката може да се оценят материалите, издадени във втория том на поредицата "Хунгаро-булгарика", в която бяха обнародвани докладите и съобщенията, прочетени на международното юбилейно научно заседание, посветено на 1100-годишнината от смъртта на Методий.

На международна българистична конференция (през 1991 година) в нашия университет беше разгледана научната дейност на сегедските българисти. На тази конференция ние имаме възможност да приветствуваме нашите български колеги д-р Екатерина Дограмаджиева, д-р Румяна Павлова и д-р Донка Петканова, изнесли ценните си доклади на нашето мероприятие. Издаването на материалите от нашата юбилейна конференция се сблъска с определени финансови трудности. Тук ни дойде на помощ българската фондация "Отворено общество", която даде възмож-

ност да се публикуват материалите от конференцията. Сборникът е допълнен с нови изследвания и материали. Нашата цел е да покажем научно-изследователската работа по българистика, която се извършва в Сегедския университет не само от славистите, но и от представителите на други научни дисциплини. Това е своеобразен отчет за нашата работа и едновременно с това израз на искрения интерес, който се проявява в Сегед към различните аспекти на българистичната наука.

Нашият сборник е един поклон пред тези починали вече български учени, които винаги с голямо внимание са следили българистичната наука в Сегед: проф. Емил Георгиев, проф. Владимир Георгиев, проф. Куйо Куев, акад. Петър Динеков, а също и израз на благодарност към нашите лектори по български език и култура Иван Харалампиев, рано отишлия си Константин Босилков, Лила Мончева.

Молим нашите читатели да приемат тази книга с такава обич, с каквата ние сме я писали и с която я предоставяме (макар и с известно закъснение) на вниманието и оценката на българската научна общественост.

Имре Х.Тот

DIE ONOGUREN UND MENANDROS PROTEKTOR

Samuel Szádeczky-Kardoss

1. Es kann wohl kaum zweifelhaft sein, daß die Onoguren ursprünglich ein zum bulgarisch-türkischen Sprachzweig gehörendes Volk waren. Ihre Geschichte hängt so mit der Vergangenheit der Protobulgaren zusammen.¹

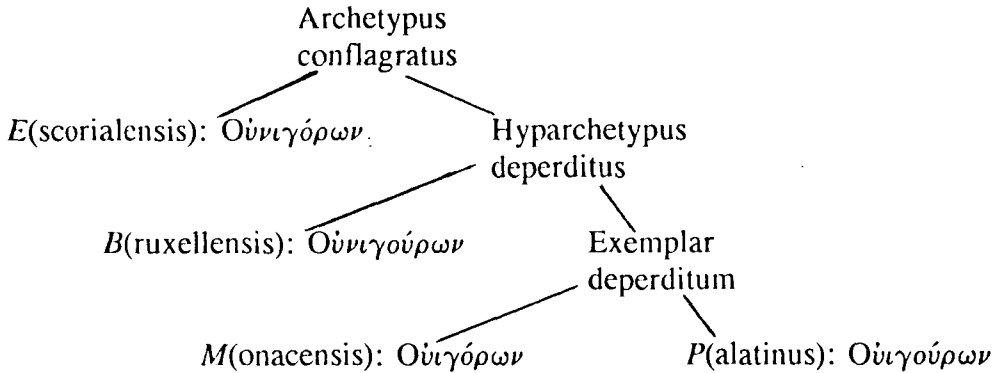
Die Veröffentlichungen der Fragmente des Menandros Protektor zwischen 1829 und 1903 enthielten einen gedruckten Text, in dem der Völkernamen "Onoguren" nicht vorkam.² C. de Boor hat in der kritischen Ausgabe der "Excerpta de legationibus" den Text in zwei Fragmenten des Menandros so festgelegt, daß dort die Onoguren erwähnt sind.³ Der neueste Editor des nämlichen byzantinischen Historikers R. C. Blockley war der Textrekonstruktion von C. de Boor gefolgt.⁴ Dessenungeachtet geben neuerdings ansehnliche Wissenschaftler wie z.B. Lajos Ligeti⁵ und P. B. Golden ihrem Zweifel über die Authentizität des Völkernamens "Onoguren" im Text des Menandros Ausdruck.⁶ Unter diesen Umständen⁷ ist es angebracht, sogar notwendig, die Tatsache gründlicher zu untersuchen.

2. Wie es durch die bezügliche eingehende Untersuchung von C. de Boor nachgewiesen worden ist, waren die auf die Anweisung des Kaisers Konstantinos Porphyrogennetos zusammengestellten "Excerpta de legationibus" in einem einzigen Kodex bis zum Zeitalter des Humanismus erhalten geblieben, der aber im Jahre 1671 in der Bibliothek des Escorial dem Feuerbrand zum Opfer fiel. Die zweite Hälfte der Exzerptensammlung ("Excerpta de legationibus gentium ad Romanos") wurde durch eine in Mailand aufbewahrte Abschrift (A) des vernichteten Archetyps für die Nachwelt gerettet. Diese Abschrift ist eine Arbeit von Andreas Darmarius.⁸ In diesem Kodex der Bibliotheca Ambrosiana steht eindeutig der Name der Onoguren in der Form als Οὐνιγούροις (Dativ Plural).⁹ Die Textüberlieferung zeugt so unmißverständlich dafür, daß die zur Frage stehende

Textstelle des Menandros Protektor auch über das Volk der Onoguren informiert.

Der Inhalt des erwähnten Fragmentes steht mit dem Bericht eines anderen Autors über die gegebene historische Situation in vollem Einklang. Theophylaktos Simokattes berichtet davon, daß die aus dem Osten ins kaukasisch-pontische Steppengebiet ziehenden Awaren auch die Onoguren in der Reihe von anderen Völkern unterwarfen,¹⁰ und im wesentlichen wird ja dasselbe auch in der zur Frage stehenden Textstelle des Menandros behandelt. Über das etwa auf die Jahre 558–560 datierbare Ereignis konnte der in den ersten Jahrzehnten des 7. Jahrhunderts schaffende Theophylaktos als nahezu zeitgenössischer Verfasser auf jeden Fall in den Besitz von authentischen Kenntnissen gekommen sein. So gilt sein mit dem überlieferter Text des Menandros gleichlaufendes Zeugnis an und für sich schon allein als Beweis für die über alle Zweifel stehende Authentizität der Erwähnung der Onoguren durch Menandros. Vermutlich handelt es sich aber um noch mehr. Für die angegebene Stelle kann Theophylaktos (wie für manch andere Textstellen auch) gerade Menandros als Quelle herangezogen haben.¹¹ So ist es wahrscheinlich, daß die Erwähnung der Onoguren im Bericht von Simokattes nichts als die von seinem Historiker-Vorgänger übernommene Information ist.

3. In einem Fragment von Menandros wird über den Besuch des byzantinischen Gesandten Valentinus beim Türkenkhagan Turxanthos im Jahre 576 berichtet. Der Nomadenfürst prahlt unter anderem damit, daß die Alanen und (nach der neuen Ausgabe des Textes) die Onoguren vergeblich auf die eigene Kraft vertraut haben, denn die Waffen der Türken haben sie doch zur Huldigung gezwungen.¹² Man liest dieses Fragment in den "Excerpta de legationibus Romanorum ad gentes". Hier gestaltet sich das Zeugnis der unmittelbaren Abschrift und der mittelbaren Deszendenten des im Feuerbrand des Jahres 1671 vernichteten Archetyps über den zur Frage stehenden Völkernamen wie folgt (Genetiv Plural):¹³

Die dem Archetyp unmittelbar entnommene *Lectio varia* (*E*) und die durch die Vermittlung eines einzigen Hyparchetyps erhalten gebliebene Lesung (*B*)¹⁴ stehen ohne Zweifel als Beweise für die Existenz einer Variante des Völkernamens "Onoguren" bei Menandros.¹⁵ Und Niebuhrs Konjekture *Οὐνιγούρων* wird auch gar nicht durch die in den Händen von weiteren Abschreibern sowieso verzerrten Textvarianten¹⁶ unterstützt (vom Konsonanten *τ* findet sich in diesen nicht die Spur).

Daneben können sich sachliche (inhaltliche) Erwägungen ebenfalls nicht ergeben, die für die Veränderung des überlieferten Völkernamens sprechen würden. Freilich scheint auch der Fürst der Utiguren An(a)gaios nach dem Bericht des Menandros als der Untertan von Turxanthos zu figurieren.¹⁷ Aber in dem uns beschäftigenden Satz des Menandros liegt die Betonung nicht auf der Tatsache der Unterworfenheit, sondern auf der Anmaßlichkeit, mit der die beiden Völker einen – allerdings erfolglosen – Versuch zur Abwehr der Eroberung durch die Türken unternehmen. Und der Textzusammenhang bietet keinen Anlaß zur Bezweiflung dessen, was der überlieferte griechische Text eindeutig ausspricht: die beiden ihre eigene Kraft überschätzenden Völker waren die Alanen und die Onoguren.

4. Menandros Protektor hat die Geschichte der Jahre 558–582 geschrieben. Damit hat er das Werk von Agathias fortgesetzt, und Theophylaktos Simokattes war der Fortsetzer seiner Arbeit. Sowohl im Bericht seines Vorgängers¹⁸ als auch in dem seines Nachfolgers werden die Onoguren erwähnt.¹⁹ So ist nicht die Tatsache auffallend und von zweifelhafter Authentizität, daß diese Nomaden auch bei Menandros vorkommen, vielmehr wäre es überraschend, vielmehr würde der Leser das Gefühl

haben, daß hier etwas vermißt wird, wenn er im Gegensatz zu Agathias und Simokattes über dieses Ethnikum der Kubangegend²⁰ in der Völkerwanderungszeit schweigen würde. Vom Zug der Awaren aus dem Inneren Asiens über die südrussische Steppe zur mittleren Donau²¹ und von der großen Expansion des Türkenreiches westwärts bis an die nördlichen Küsten des Schwarzen Meeres²² wurde der Boden der Onoguren gleichermaßen betroffen, und alle beiden Ereignisse haben sich während der von Menandros behandelten Periode zugetragen. Es ist nur natürlich, daß das Werk von Menandros Protektor eine der Quellen der Geschichte der Onoguren darstellt.

ANMERKUNGEN

¹ W.H. Haussig, Theophylakts Exkurs über die skythischen Völker in: *Byzantion* 23 (1953) S. 363–365; Gy. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, Berlin 1958, I. S. 65–67, II. S. 215–220.; M.I. Artamonov, *Istorija Hazar*, Leningrad 1962, S. 62–68, 75–78, 83–87, 91, 108, 114, 157, 162–172, 258, 336, 344; D. Sinor, *Introduction à l'étude de l'Eurasie Centrale*, Wiesbaden 1963, S. 267–268, vgl. 97–98; T. Lewicki-W. Swoboda, Onogurowie in: *Lexicon Antiquitatum Slavicarum* III., Wrocław 1967, S. 484; S. Szádeczky-Kardoss, Onoguroi in: *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa, Supplementband XII (Stuttgart 1970) S. 902–906; O.L. Maenchen-Helfen, *The World of the Huns*, Berkeley 1973, S. 297, 419, 431–432, 438–441; L. Waldmüller, *Die ersten Begegnungen der Slawen mit dem Christentum und den christlichen Völkern vom VI. bis VIII. Jahrhundert. Die Slawen zwischen Byzanz und Abendland*, Amsterdam 1976, S. 85, 365, 399–401, 471, 573–574; D. Angelov, *Die Entstehung des bulgarischen Volkes*, Berlin 1980, S. 77–79; V. Beševliev, *Die protobulgarische Periode der bulgarischen Geschichte*, Amsterdam 1981, S. 302–313; usw.

² Dexippi, *Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri historiarum quae supersunt* ed. I. Bekker et B.G. Niebuhr, Bonn 1829, S. 281–424, 438–444; J.-P. Migne, *Patrologiae Graecae* tom. CXII (Paris 1864) c. 792–928; C. Müller, *Fragmenta historicorum Graecorum* IV (Paris 1851; Neudruck: 1967) S. 200–269; L. Dindorf, *Historici Graeci minores* II (Leipzig 1871) S. 1–131.

³ *Excerpta de legationibus* edidit C. de Boor (*Excerpta historica iussu Imp. Constantini Porphyrogeniti confecta*. Vol. I.), Berlin 1903, S. 206. (Fr. 43 Müller, Dindorf), 443 (Fr. 5. Müller, Dindorf).

⁴ R.C. Blockley, *The History of Menander the Guardsman. Introductory Essay, Text, Translation and Historiographical Notes*, Liverpool 1985, S. 50–51, 174–175, 253, 276 (Fr. 5, 2; 19, 1).

⁵ Ligeti Lajos, *A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban*, Budapest 1986, 348.

⁶ P.B. Golden, *The peoples of the South Russian steppes in: The Cambridge History of Early Inner Asia* edited by D. Sinor (Cambridge 1990) S. 260.

⁷ W. Pohl (*Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa 567–822 n. Chr.*, München 1988, S. 39–40, 348) bevorzugt in beiden uns beschäftigenden Bruchstücken des Menandros die Konjektur, die den Völkernamen der Utiguren in den Text hineinliest. Ebenso nahm Stellung zu der Textrekonstruktion E. Doblhofer (*Byzantinische Diplomaten und östliche Barbaren. Aus den Excerpta de legationibus des Konstantinos Porphyrogenetos* ausgewählte Abschnitte des Priskos und Menander Protektor, Graz 1955, S. 91, 172). Auch V. Gyuzelev (*The Protobulgarians*, Sofia 1979, S. 20, 65) scheint derselben Meinung zu sein.

⁸ C. de Boor, *Excerpta de legationibus* (oben Anm. 3), S. VIII, XIII, XV. C. de Boor, *Zweiter Bericht über eine Studienreise nach Italien zum Zwecke handschriftlicher Studien über byzantinische Chronisten* in: *Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften* 1902 Nr. IX S. 1–19. – *A* = cod. Ambrosianus N 135 sup.

⁹ C. de Boor, *Excerpta de legationibus* S. 443; Blockley (oben Anm. 4) S. 174–175, 276 (Fr. 19, 1).

¹⁰ Theophylactus Simocatta, *Hist.* VII 8, 3 (ed. C. de Boor – P. Wirth, Leipzig 1972, S. 258, 20). – Die Quelle von Nicephorus Callistus Xanthopoulos, *Hist. eccles.* XVIII 30 (Migne, *Patrologia Graeca*, Tomus CXLVII, Paris 1865, c. 385 D) ist die angeführte Textstelle des Theophylaktos (G. Gentz – F. Winkelmann, *Die Kirchengeschichte des Nicephorus Callistus Xanthopoulos und ihre Quellen*, Berlin 1966, S. 175–176, 190), und bei Nicephorus liest man den Völkernamen *Οὐνγούροι*, während die Theophylaktos-Handschrift an dieser Stelle die Lesung *Οὐννονγούροι* bietet. In Theophyl. Sim., *Hist.* VII 8, 13 ist jedenfalls die überlieferte Namensform *Οὐννονγούρων* (Genitiv Plural).

¹¹ Th. Olajos, *Les sources de Théophylacte Simocatta* historien, Leiden 1988, S. 104, vgl. 96–106, 163.

¹² C. de Boor, *Excerpta de legationibus* S. 206; Blockley S. 50–51, 253 (Fr. 5, 2).

¹³ C. de Boor, *Excerpta de legationibus* S. XVI, vgl. IX–XII.

¹⁴ *E* = Codex Graecus Scorialensis R III 14. – *B* = Codex Graecus Bruxellensis 11301–16. – *Οὐνγούρων* liest man auch in *C* = Codex Graecus Cantabrigiensis Collegii Sanctae Trinitatis O. 3. 23. – Siehe Gy. Moravcsik in: *Ungarische Jahrbücher* 10 (1930) S. 63 (Neudruck: Gy. Moravcsik, *Studia Byzantina*, Budapest 1967, S. 93). – Alle angeführten Handschriften stammen aus dem XVI. Jahrhundert; *E* wurde von Andreas Darmarius geschrieben.

¹⁵ M. Krašeninnikov, *Novaja rukopis' Izvlečenij 'περί πρέσβων' 'Ρωμαίων πρὸς ἐθνικούς* (cod. Cantabrigiensis Coll. SS. Trinit. O. 3. 23) in: *Vizantijskij Vremennik* 21 (1914) Otdel' I. S. 74, 103 gibt ein von dem obigen abweichende Stemma Codicum; aber das übereinstimmende Zeugnis von *B C E* beweist auch laut dieses Stammbaumes der Handschriften, daß die Textüberlieferung das Vorhandensein der Onoguren bei Menandros Protektor eindeutig befürwortet.

¹⁶ *M* = Codex Graecus Monacensis 267 (ab Andrea Darmario scriptus). – *P* = Codex Graecus Vaticanus Palatinus 413 (partim a Darmario exaratus).

¹⁷ C. de Boor, *Excerpta de legationibus* S. 208 (vgl. 204); Blockley S. 178–179, 278, vgl. 172–173, 276 (Fr. 19, 1).

¹⁸ Agathias, *Hist.* III 5, 6 (*Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque. Recensuit R. Keydell*, Berlin 1967, S. 89. vgl. 69, 87, 90–91, 134, 136).

¹⁹ Theophylactus Simocatta, *Hist.* VII 8, 3 et 13.

²⁰ Siehe unter anderem J. Schnetz, *Onogoria* in: *Archiv für Slavische Philologie* 40 (1926) S. 157–160.

²¹ Siehe unter anderem Gy. Moravcsik, *Zur Geschichte der Onoguren* in: *Ungarische Jahrbücher* 10 (1930) S. 63–64 (Neudruck in: Gy. Moravcsik, *Studia Byzantina*, Budapest 1967, S. 93–94); S. Szádeczky-Kardoss, *Die Quellen der Awarengeschichte I. Von Mittelasien bis zur unteren Donau* (ungarisch mit deutschem Auszug) in: *Archaeologiai Értesítő* 105 (1978) S. 78–90.

²² Siehe unter anderem S. Szádeczky-Kardoss, *Über die Wandlungen der Ostgrenze der awarischen Machtsphäre* in: S. Szádeczky-Kardoss, *Avarica. Über die Awarengeschichte und ihre Quellen. Mit Beiträgen von Th. Olajos*, Szeged 1986, 157–159, 275.

LES KEAN DANS LE BASSIN CARPATIQUE

Gyula Kristó

Das les chroniques de Hongrie, le nom Keán (Keanus, Kean) paraît en liaison avec trois événements successifs. Anonymus fait figurer Keán le Grand (Keanus Magnus) entre la période d'Attila, roi des Huns, et l'occupation du pays des Hongrois, en tant que chef de Bulgarie qui, sortant de Bulgarie avec l'aide et sur le conseil de l'empereur grec, a occupé le territoire entre le Danube et la Tisza jusqu'aux frontières des Russes et des Polonais et y a établi des Bulgares et des Slaves originaires de Bulgarie. Le descendant de ce Keán, Salan, adversaire des Hongrois conquérants, entretenait les relations de famille avec le chef des Bulgares.¹ Les recherches modernes ne penchent pas sans condition à accepter le fait qu'à cet endroit le souvenir de la suzeraineté bulgare² de la Transylvanie du Sud et de la Plaine du Sud d'avant l'occupation du pays aurait dû rester, mais elles pensent: maître P. a régulièrement fait des peuples ultérieurs en tant qu'ennemis des Hongrois conquérants.³ Quoi qu'il en soit, il est certain que cette hypothèse n'apporte pas l'explication concernant l'emploi du nom Keán. Une partie des personnages que nous rencontrons chez Anonymus sont sûrement des personnes qui sont en rapport avec des noms de lieu (par ex.: Laborc, Zobor, Gyula etc.),⁴ mais Keán ne peut pas être placé dans cette ligne. Or, si Anonymus, en mentionnant la personne de Keán, n'a pas reflété les conditions de sa propre époque et n'a pas créé un personnage historique à partir d'un nom de lieu, nous ne pouvons penser qu'à deux possibilités réellement: ou bien il a puisé le nom à une source écrite,⁵ ou bien un Keán vivant jadis en Hongrie s'était acquis une si grande réputation que son souvenir n'est pas tombé dans l'oubli même au bout de plusieurs siècles. Anonymus ne s'est guère trompé d'origine bulgare de ce Keán, car le nom Keán est le dérivé d'un mot désignant une dignité turque (kayan)⁶ qui était employé chez beaucoup de peuples dans les derniers siècles du premier millénaire (chez les Türks, les Avars, les Khazars, les Tur-

co-Bulgares). Le changement en nom de personne d'un nom indiquant une dignité *gyula* d'un chef de tribu hongrois est la preuve que le titre de dignité *kayan* pouvait aussi se personnifier et ainsi il pouvait devenir le nom de personne (appellation employée comme nom de personne) de celui qui était chargé de fonction.

La présence à deux reprises du nom Keán dans les chroniques du XIVe siècle peut nous apporter l'explication comment Anonymus pouvait connaître ce nom au début du XIIIe siècle. Une remarque de la chronique concerne la deuxième moitié du Xe siècle selon laquelle le prince Géza avait gagné la main de Sarolt (fille de Gyula) sur le conseil et à l'aide de Beliud qui possédait la terre de Kulan. Kulan a donné sa fille à Beliud pour vaincre son frère, Keán. Après la mort de Kulan, Beliud a hérité de sa terre.⁷ Nous avons affaire à une information de caractère archaïque.⁸ Si les personnages mentionnés ici étaient les figures historiques réelles de la deuxième moitié du Xe siècle et qu'ils ne doivent leur existence qu'à l'ingéniosité des chroniqueurs, alors nous pouvons à juste titre faire un essai pour interpréter l'information de la chronique. Ainsi, le prince Géza avait gagné la main de Sarolt par l'intermédiaire de Beliud, c'est-à-dire Beliud – manifestement et dans l'espace et dans ses rapports – était proche de la famille des Gyula de Transylvanie (s'il n'était pas lui-même membre de cette famille). L'authenticité historique des deux frères, Kulan et Keán, figurant dans l'histoire peut être affirmée par le fait que le nom de Kulan – comme celui de Keán – est explicable à partir du turc ('cheval sauvage').⁹ Nous apprenons aussi qu'entre les deux frères il y avait un antagonisme, car Kulan avait donné sa fille à Beliud pour trouver un compagnon d'armes dans ce lien de parenté contre son frère, Keán. La relation de Kulan et de Beliud (le beau-père et le gendre) eut un résultat durable, car après la mort de Kulan, Beliud a hérité de sa terre. Etant donné que Kulan et Keán sont liés à l'histoire des Gyula de Transylvanie, nous pouvons affirmer, selon toute probabilité, que leurs quartiers se trouvaient tout près de ceux des Gyula (à tout le moins non loin de là). La question est la suivante: est-ce que nous pouvons localiser les terres de Kulan et de Keán sur le territoire de Hongrie? Auparavant, György Györffy avait pris la position selon laquelle Kulan possédait un territoire voisin de la Hongrie,¹⁰ mais, plus récemment, il pense que "Kolan n'est autre, à coup sûr, que Kalán descendant du chef Ond, et le genus (race, famille) Bár-Kalán doit son origine à ce Kalán.

Kalán était le seigneur de la région de la Tisza et du château fort Csongrád, mais les noms de lieu *Bár*, *Kalán* et *Kaján* dans le comitat de Hunyad et les domaines du genus *Bár-Kalán* de cette région peuvent laisser croire que le comitat de Hunyad était leur pâturage d'été".¹¹ Cela signifie que Györffy a abandonné son opinion antérieure et selon son nouveau point de vue, la terre de Kulán se trouvait dans la Transylvanie du Sud et sur les territoires limitrophes de l'ouest de là. Plus récemment, il pensait que cette opinion est valable pour Keán, et désormais il classe non seulement Kalán, mais Keán aussi "au genus de chef *Bár-Kalán* ayant des propriétés dans la région de la Tisza et dans le comitat de Hunyad". Comme cela, il considère, d'une part en harmonie, d'autre part en contradiction, Keán comme notabilité hongroise "dont est né le genus Keán".¹² Nous-même – non sans précédent¹³ – sur la base d'une autre réflexion, nous penchons à considérer Kulan et Keán en tant que notabilités de Hongrie (ayant des propriétés en Hongrie). Car s'ils étaient des étrangers (Bulgares de Bulgarie), il peut être sûr que leur souvenir n'aurait pas vécu pendant de longues décennies dans la tradition de Hongrie et il ne serait pas arrivé que leurs noms aient pu être notés – au plus tôt à la fin du XIe siècle – dans une chronique. Si nous les considérons comme aristocrates de Hongrie, la survivance de leur souvenir, de leurs noms paraît évidente.

Dans nos conclusions, nous pouvons encore faire un pas en avant: nous savons que la main du prince Géza était souillée de sang, il devait engager de sévères guerres à l'intérieur du Bassin carpatique.¹⁴ Jusqu'à présent, nous ne pouvons désigner aucune personne parmi les adversaires de Géza. L'interprétation de l'histoire citée plus haut nous donne la possibilité de pouvoir désigner au moins un seul adversaire: Keán. Car, si Beliud, le parent et l'allié de Kulan, a prêté son concours au mariage de Géza et de Sarolt, c'est-à-dire à la naissance du rapport familial entre les Árpád de Transdanubie et les Gyula de Transylvanie, alors il semble logique de supposer qu'après la réalisation de ce mariage, Géza s'est aussi rangé dans ce système d'alliance, c'est qu'il passait pour compagnon d'armes de Beliud et de Kulan et pour ennemi de Keán. Et même nous ne croyons pas improbable que peut-être Géza lui-même a-t-il pris part aux luttes armées contre Keán. Si la série de nos hypothèses est pertinente, Keán pouvait rendre connu son nom dans la deuxième moitié du Xe siècle par le fait que contre son frère Kulan, contre Beliud proche des Gyula de Transylvanie (ou

bien appartenant à la famille des Gyula), et même peut-être contre le prince Géza de la dynastie arpadienne, il se tenait avec succès sur le territoire qui ne se trouvait pas loin des quartiers des Gyula de Transylvanie.

Une nouvelle troisième (?) information relative à un certain Keán est restée également dans la composition de chroniques du XIVe siècle. Après la campagne contre Gyula – qui peut être datée en 1003 – nous sommes informés sur le fait que le roi saint Etienne avait fait la guerre contre Keán, chef des Bulgares et des Slaves. Ces peuples, à cause du site naturel, habitaient sur des endroits bien fortifiés. Etienne, au prix de grandes difficultés, avait battu Keán, l'avait tué et s'était emparé de ses trésors de grande quantité. Le roi a installé Zoltán, un de ses ascendants sur ces territoires et qui a hérité de ces régions de Transylvanie, c'est pourquoi il a obtenu le nom de Zoltán de Transylvanie.¹⁵ Selon une opinion répandue, c'est la campagne du saint Etienne contre le tsar bulgare Samuel qui s'éternise dans cette information de la chronique.¹⁶ Mais il y a une chose qui a un argument de poids opposé à cette opinion: les informations de la chronique hongroise consacrées à Etienne portent *exclusivement* sur des relations intérieures du pays (du Bassin carpatique) et, si nous identifions Keán avec le tsar bulgare Samuel, ce serait la seule exception dans l'ordre de ce type dans la matière. Au cas de l'identification avec Samuel, il faudrait expliquer même le nom Keán, car Samuel n'était plus kayan, mais César (c'est-à-dire: tsar), et lorsque la littérature des chroniques appelait *Cesaries* le siège de Samuel,¹⁷ elle a clairement certifié qu'elle avait conscience de la qualité de *caesar* de Samuel. Et non pas en dernier lieu, pour ne pas dire davantage, nous devrions contester l'authenticité de l'information de la chronique selon laquelle saint Etienne avait installé Zoltán nommé plus tard de Transylvanie à la place de Keán (c'est-à-dire de Samuel) en Bulgarie. Le roi Etienne ne se serait pas laissé emporter à une telle démarche, d'autant moins, car dans la guerre bulgare-byzantine au milieu et à la fin des années 1010 – comme allié de Byzance – il ne jouait qu'un rôle épisodique. Celui qui pouvait installer un gouverneur à la place de Samuel ou bien à la place de ses successeurs de vie courte, c'était le vainqueur de la guerre, l'empereur de Byzance, Basile II, le Bulgaroctone.¹⁸

Tous ces problèmes sont écartés d'un seul coup si nous n'identifions pas Keán avec Samuel, mais avec Keán de l'époque du prince Géza (c'est-à-

dire avec le frère de Kulan) et, ainsi, nous ne cherchons pas sa résidence à l'extérieur du Bassin carpatique, mais à son intérieur, dans le voisinage du "pays" des Gyula de Transylvanie. C'est-à-dire selon notre conception, à l'endroit cité plus haut de la composition de chroniques du XIVe siècle, ce n'est pas le souvenir d'un nouveau Keán qui est gardé, mais le souvenir de celui qui avait déjà figuré au cours des événements de la deuxième moitié du Xe siècle.

En tenant compte de ceci, les événements de l'époque de Géza – où Géza était opposé à Keán – se poursuivaient sous saint Etienne de façon que le roi, après avoir vaincu Gyula en Transylvanie, a livré une bataille décisive à Keán qui n'avait pas été vaincu par Géza (après 1003). Où cette bataille avait-elle lieu qui, selon l'information de la chronique était une dure bataille entre des adversaires quasi de force égale? Il y a toute probabilité que sur le territoire de Keán, étant donné que ce fut Etienne qui était l'agresseur. La chronique en donne l'endroit plus large quand elle nomme le fonctionnaire hongrois succédant à Keán – à cause de son centre d'activité – Zoltán de Transylvanie. Par conséquent, le territoire de Keán se trouvait en Transylvanie de même que celui de Gyula.

Est-ce que Gyula et Keán ne sont pas la seule et même personne? Même si dans la chronique hongroise la campagne contre Gyula et Keán se confondait dans une certaine mesure – en conséquence de la tradition de texte corrompu – (en suggérant avec cela comme si Gyula et Keán étaient la seule et même personne),¹⁹ pourtant nous n'avons pas de bases suffisantes pour supposer ceci. Le fait que la chronique traite séparément la campagne contre Gyula et la campagne contre Keán, contredit fondamentalement cette affirmation. Ce fut souligné par le futur rédacteur – c'est pourquoi fournissant une preuve moins décisive – qui tout en donnant des titres au texte compris dans les codex de la famille de la Chronique Enluminée, classait la campagne contre Keán comme la troisième campagne du roi saint Etienne (prenant première celle contre Koppány, deuxième celle contre Gyula). Que Gyula et Keán ne peuvent pas la seule et même personne est démontré de voix univoque par la circonstance que la chronique tient Gyula en tant que l'oncle d'Etienne, Keán en tant que le chef des Bulgares et des Slaves. Or, si Gyula et Keán étaient deux personnes différentes, et les deux domiciliés en Transylvanie, nous devons installer tous les deux sur le territoire de la Transylvanie historique. Nous

avons tâché de rendre probable dans beaucoup de **nos études** que le "pays" de Gyula se trouvait en Transylvanie du Nord où l'existence des genres nommés "conquérants" est démontrable, là où des **noms de lieu** dérivés des noms de tribu nous sont restés, même si pas en **grand nombre**, là où en conséquence de la supériorité numérique de l'**ethnie** hongroise, les Roumains immigrés à partir du XIIIe siècle ont **emprunté** les noms de lieu d'origine slave par l'intermédiaire du hongrois.²⁰ **Mais la** Transylvanie du Sud se comporte d'une façon différente: là, **il n'y a pas** de genres "conquérants", il n'y a pas, même sporadiquement, **de noms de lieu** dérivés des noms de tribu, et la proportion numérique importante des Slaves est démontrée par le fait qu'ici les Roumains ont **emprunté** les noms de lieu d'origine slave directement au slave sans l'intermédiaire du hongrois.²¹ La situation de la Transylvanie du Sud différant de celle de la Transylvanie du Nord rend logique de supposer que nous y avons placé le territoire de Keán, d'origine bulgare et que était en premier lieu à la **tête des** Bulgares et des Slaves, ensuite, un certain nombre de Hongrois **vivaient** sous sa domination.²²

Pour justifier la qualité de Transylvanie du Sud de Keán nous pouvons – semble-t-il – encore apporter une preuve **péremptoire**. Et ce n'est autre que l'histoire prématurée du genre Keán (Kán) du moyen âge. (Voir plus loin la table généalogique schématique de la **plus importante** branche de ce genre.) L'on sait que les propriétés de ce genre – à l'exception de quelques petits blocs – se groupaient dans le **comitat de** Baranya et en Transylvanie.²³ La partie écrite par maître Ákos de la composition de chroniques du XIVe siècle fait dériver Gyula fils de **László** vivant au XIIIe siècle directement de Gyula qui avait appartenu **aux** Hongrois conquérants.²⁴ Or, ce Gyula fils de László était un **aristocrate** du genre Kán. Nous-mêmes, nous pensons qu'ici nous avons affaire à la combinaison du chroniqueur. Le chroniqueur de la fin du XIIIe siècle avait au moins deux raisons de lier Gyula fils de László au membre conquérant de la famille des Gyula de Transylvanie. D'une part, à cause de l'**identité des** noms qui jouait un rôle très important au moyen âge: pour maître Ákos il semblait logique de faire Gyula vivant vers 900 comme ascendant **du Gyula** (fils de László) du milieu du XIIIe siècle que était son **contemporain**.²⁵ D'autre part: comme ce Gyula pouvait être connu personnellement par maître Ákos, le chroniqueur pouvait savoir qu'il avait des propriétés en Transylvanie, là où

Gyula le conquérant s'était établi. Même un de ces deux faits aurait pu être suffisant à l'auteur pour créer les liens de sang entre Gyula le conquérant et son contemporain Gyula fils de László, au témoignage concordant de ces deux circonstances, ce lien lui seul pouvait être la certitude sans rappel. Pourtant, il s'est trompé: les cinq genres de Transylvanie du Nord peuvent être dérivés de la tribu des Gyula de Transylvanie qui avaient des propriétés dans la Transylvanie du moyen âge sur les territoires des comitats de Belső-Szolnok, de Doboka et de Kolozs: c'est-à-dire les genres Borsa, Agmánd, Zsombor, Szil ou Kalocsa et la parenté Mikola.²⁶ Selon nous, le genre Kán descend de Keán de Transylvanie du Sud qui avait perdu une bataille contre saint Etienne. Nous ne nions pas qu'en premier lieu c'est l'identité de nom qui nous suggère cette origine. Le nom du genre Keán et Kán (Kean et Kan) ne figure qu'à l'époque précédente, dans les premières décennies du XIIIe siècle, "après le règne de Béla IV, les membres du genre s'appelaient toujours »descendants du ban Gyula le vieux«".²⁷ Nous pensons à juste titre que le nom de genre Keán se réfère à un ascendant de la fin du Xe, du début du XIe siècles. La référence à Gyula le Vieux ou le Grand (Magnus) – comme à l'ascendant plus jeune – qui vivait dans la première moitié du siècle et qui avait des dignités de palatin, de ban et de voïvode n'a apparu qu'après le milieu du XIIIe siècle.

La littérature spéciale avait estimé plus tôt que le foyer primitif du genre Kán descendant des Gyula fut le comitat de Baranya et que le genre ne s'est transmis en Transylvanie qu'ultérieurement (probablement au XIIIe siècle).²⁸ Il est incontestable que leur monastère familial se trouvait dans le comitat de Baranya, à Szenttrinitás près de Siklós,²⁹ mais cela ne démontre pas plus qu'à l'époque chrétienne, c'est-à-dire après le début du XIe siècle, les ancêtres du genre vivaient dans le comitat de Baranya. A ce compte, au moins, nous pouvons penser à l'origine transylvaine du genre Kán. Le membre du genre figurant le plus tôt dans la source écrite, Gyula le Grand déjà mentionné, voïvode de Transylvanie et ispan (comte) de Gyulafehérvár en 1201, a regagné sa fonction de voïvode en 1214 et, à cette époque, il a tenté de légitimer sa souveraineté sur toute la Transylvanie avec l'acquisition de la fonction d'ispan de Szolnok tout en gardant la dignité de voïvode.³⁰ Or, les propriétés de ce Gyula étaient situées sans exception en Transylvanie du Sud, au sud de la rivière Maros. Nous pouvons dire à peu près la même chose en ce qui concerne les propriétés de l'arrière-petit-

enfant de Gyula le Grand, László Kán, qui était le voïvode très puissant et le gouverneur de Transylvanie au tournant des XIIIe et XIVe siècles.³¹ Nous interprétons les données de sorte que la famille issue de Keán (le genus postérieur Keán, ou bien Kán), malgré la défaite contre saint Etienne, a gardé une partie de ses propriétés en Transylvanie du Sud. On peut remarquer un cas pareil en ce qui concerne le genus Ajtony issu d'Ajtony, contemporain de Keán, dont les membres avaient des propriétés même au XIVe siècle dans la région du Maros,³² là où se trouvait le "pays" de leur ancêtre Ajtony qui avait perdu la bataille trois siècles plus tôt contre le roi Etienne. Mais les descendants de Keán – à l'époque après la défaite – ont placé leur sphère d'activité en Transdanubie, c'est ainsi qu'ils pouvaient obtenir leurs biens immobiliers à l'ère chrétienne dans le comitat de Baranya.

Si notre hypothèse est pertinente, ce ne signifie rien moins que ceci: les descendants de Keán se sont adaptés aux circonstances de Hongrie, c'est-à-dire Keán – malgré son origine bulgare – n'est pas retourné en Bulgarie après sa défaite, d'où un de ses ascendants s'était transmis dans le bassin carpatique, mais ses descendants ont partagé le sort des chefs de tribu résistants du Bassin carpatique sous saint Etienne, roi vainqueur de Hongrie et ses successeurs, comme les descendants d'Ajtony, de Gyula, d'Aba Samuel ou bien de Vata. Les descendants de ces derniers se déclaraient genus, sans exception, aux XIIIe et XIVe siècles et, parmi eux, les descendants d'Aba Samuel avaient un rôle aussi prépondérant dans les rangs des oligarques à la fin du XIIIe siècle en Hongrie que les descendants futurs de Keán.

Selon la formulation de László Makkai, en Transylvanie du Sud, "nous pouvons compter avec la présence massive d'une population en partie bulgaro-slave, plus tard sporadiquement russe, mais dans son ensemble, démographiquement indéterminable, au moyen âge" et, "cette population slave a subsisté continuellement au moins jusqu'au milieu du XIIIe siècle et parlait sa propre langue".³³ Or, au tournant du Xe et du XIe siècles, Keán fut le chef de ces Bulgares et de ces Slaves, lui-même, vu son origine, très certainement bulgare. Mais le milieu qui délimitait le territoire de Keán au nord et à l'ouest et qui était présent – sur la foi des données archéologiques – en Transylvanie du Sud aussi, c'est-à-dire le milieu hongrois,³⁴ exerçait de l'action sur Keán et sur son peuple. Si Keán lui-même ne s'est pas

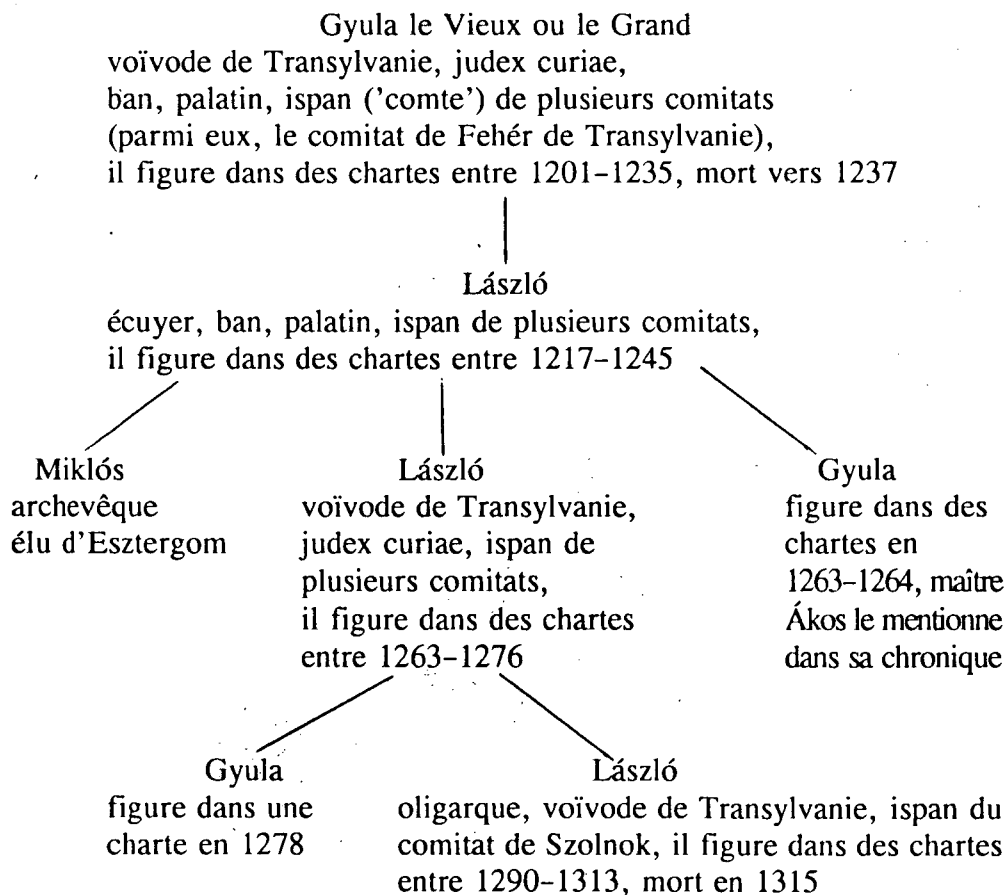
magyarisé vers 1000, ses descendants se sont certainement magyarisés, comme c'était le sort des descendants d'Aba Samuel d'origine kabare (c'est-à-dire khazare) dans le Bassin carpatique.³⁵ Le peuple d'origine bulgare de Keán, mais à partir du tournant du millénaire parlant déjà une langue slave et non pas turque, – selon László Makkai – "ne s'est absorbé qu'à la fin du moyen âge dans le milieu hongrois, mais surtout roumain".³⁶ Nous pensons que les données des chroniques énumérées plus haut, les ressortissants bulgares et slaves de Keán justifiables par des noms de lieu, les propriétés de Transylvanie du Sud du genus issu de Keán qui s'appelait Keán ou Kán dans la première moitié du XIIIe siècle, démontrent suffisamment que Keán était un personnage historique dans la deuxième moitié du Xe siècle et au début du XIe siècle en Transylvanie du Sud. Il pouvait être, lui, le célèbre Keán qui avait affronté et le prince Géza et le roi saint Etienne dont Anonymus a pu lire l'histoire par écrit ou bien a pu la connaître par tradition orale vers 1210 et qui pouvait lui servir de modèle pour créer, dans sa geste romanesque, la figure fabuleuse du Grand Keán comme ascendant du chef Salan dont l'origine avait dans un nom de lieu.

Il ne nous reste plus qu'à jeter un coup d'oeil, pour terminer, sur le fait: quelle est l'opinion de l'historiographie hongroise de nos jours concernant la personne de Keán. Selon István Fodor "les Hongrois conquérants... ont occupé leur nouveau pays justement dans les luttes contre les Bulgares, et il n'y a point de doute, qu'ils ont *tout de suite* (souligné par moi – Gy. K.) supprimé la domination bulgare à l'intérieur du Bassin carpatique... C'est pourquoi nous acceptons difficilement la conception de Gyula Kristó selon laquelle il y avait une principauté bulgare en Transylvanie du Sud au Xe siècle."³⁷ György Györffy identifie la campagne contre Keán qu'on peut lire dans la composition de chroniques du XIVe siècle avec l'action militaire contre le tsar bulgare, du reste, le texte confus de la chronique du XIIIe siècle "*comme une source non digne de foi...* ne sert pas de base pour l'hypothèse d'une campagne qu'avait menée Etienne contre un autre Bulgare Kean de Transylvanie du Sud". Selon lui, ceci est rendu probable par d'autres points de vue: "Le prestige politique et économique de Taksony et de Géza en Europe de l'Est où seulement Byzance ennemie, les Petchenègues alliés, les Russes et les Bulgares balkaniques se manifestaient comme facteurs de pouvoir, exclut l'hypothèse de l'existence d'un petit pays bulgare autonome en Transylvanie du Sud. D'ailleurs, les mines

de sel locales étaient en la possession des chefs hongrois depuis l'occupation du pays et ils avaient assez de forces militaires de les garder". Dans une autre de ses oeuvres, il qualifie catégoriquement erronée notre conception concernant "la résidence prétendue du Bulgare Keán en Transylvanie". Voilà l'opinion la plus récente de György Györffy concernant ce sujet: "Dans des écrits tendancieux d'historien, on suppose que la Transylvanie est restée en partie ou entièrement sous domination bulgare au Xe siècle. Cela est démenti, à côté des données des sources et des vestiges du Xe et du XIe siècles, par les rapports des forces; on ne peut pas présumer des Hongrois faisant des incursions en Europe et frappant d'une taxe les deux royaumes occidentaux et même Byzance, qu'ils auraient laissé les mines de sel de Transylvanie entre les mains de l'ennemi chassé et ses forteresses en tant que bases pour une attaque menée sur la Grande Plaine",³⁸ István Bóna met en doute même les luttes hungaro-bulgares supposées par István Fodor: "à l'époque de l'occupation du pays, l'armée bulgare ne tenait pas garnison dans le Bassin carpatique, les Hongrois n'étaient pas obligés d'affronter des forces bulgares considérables pour la possession du territoire... A la rigueur, nous pouvons tenir compte de garnisons habituelles (50-300 hommes armés) à ces confins lointains. En Transylvanie, même leur souvenir n'est pas conservé". En un endroit de son ouvrage, il écrit: "Les occupants bulgares peu nombreux et la seule (! - cf. plus haut l'évocation de garnisons, Gy. K.) forteresse bulgare de Transylvanie, Belgrad située au bord droit (du nord) du Maros; isolés de la mère patrie n'étaient pas capables de résister aux Hongrois s'abattant sur eux en 895. Les maisons de la forteresse furent la proie des flammes, la tradition hongroise de Transylvanie n'a pas gardé le souvenir local du règne bulgare".³⁹ La monotonie du refus concernant le règne bulgare en Transylvanie du Sud au Xe siècle, du refus concernant la personne de Keán de Transylvanie du Sud est rompue par László Makkai qui supposait que les Hongrois n'avaient pris la Transylvanie du Sud aux Bulgares que vers 932,⁴⁰ bien que la localisation de Transylvanie du Sud de l'endroit relatif à ce sujet du texte Masūdī, utilisé comme source par Makkai, soit plus que douteuse. A l'encontre des opinions mentionnées ci-dessus, Ferenc Makk a accepté la campagne du roi contre Keán comme fait, en l'incorporant dans la politique orientale du saint Etienne, politique d'alliance avec Byzance et antibulgare.⁴¹ István Petrovics prend une position pareille.⁴² Les points de vue cités brièvement ici et qui

sont contradictoires en nombre d'endroits montrent clairement qu'il n'existe pas du tout d'opinion unanime dans l'appréciation de Keán dans l'historiographie hongroise. Nous ne nous trompons guère en déclarant: une prise de position unanime qui reflète la réalité ne peut se former qu'au cas où nous élaborons une opinion dégagée de toute préoccupation, et nous ne nous réclamons pas des impressions, mais des sources que nous devons soigneusement analyser. C'est à cela que cette étude veut s'ajouter comme une contribution modeste.

Les descendants d'une branche du genus Kán:

NOTES

¹ EMERICUS SZENTPÉTERY: *Scriptores rerum Hungaricum. I-II. Budapestini, 1937-1938.* (par la suite: SRH.) I. pp. 48., 51., 86.

² A ce sujet voir BÓNA ISTVÁN: in: *Erdély története I. Rédacteur en chef KÖPECZI BÉLA.* Budapest, 1986. pp. 189-194.; GYULA KRISTÓ: *K voprosu o bolgarskom vladycstva na Al'fel'de v IX v.* In: *Vtori mezdunaroden kongres po bälgaristika. Dokladi. 6. Bälgarskite zemi v drevnostta. Bälgarija prez srednovekovieto.* Sofija, 1987. pp. 265-272.

³ GYÖRFFY GYÖRGY: *Anonymus. Rejtély avagy történeti forrás?* Budapest, 1988. pp. 67-100.; KRISTÓ GYULA: *Tanulmányok az Árpád-korról.* Budapest, 1983. pp. 132-190., 498-511.

⁴ GYÖRFFY GYÖRGY: *Krónikáink és a magyar őstörténet.* Budapest, 1948. p. 21.

⁵ Ibid. 23.; GYÖRFFY GYÖRGY: op. cit. p. 81. dans la note 3.

⁶ MELICH JÁNOS: *A honfoglaláskori Magyarország.* Budapest, 1925-1929. pp. 40-42.

⁷ SRH. I. p. 291.

⁸ GYÖRFFY GYÖRGY: op. cit. p. 23. dans la note 4. Voir encore GYÖRFFY GYÖRGY: op. cit. p. 81. dans la note 3. En ce qui concerne l'époque de la description de l'histoire dans la chronique, voir ELEMÉR MÁLYUSZ-JULIUS KRISTÓ: *Johannes de Thurocz, Chronica Hungarorum II. Commentarii. 1. Ab initiis usque ad annum 1301.* Budapest, 1988. pp. 161-162.

⁹ MELICH JÁNOS: op. cit. p. 40.

¹⁰ GYÖRFFY GYÖRGY: op. cit. p. 23. dans la note 4. Voir encore GYÖRFFY GYÖRGY: *A honfoglaló magyarok települési rendjéről.* Archeológiai Értesítő 1970. p. 229.

¹¹ GYÖRFFY GYÖRGY: *István király és műve.* Budapest, 1977. p. 100.

¹² GYÖRFFY GYÖRGY: *Gyulafehérvár kezdetei, neve és káptalanjának registroma.* Századok 1983. p. 1104. Note 4.

¹³ ORTVAY TIVADAR: *Magyarország egyházi földleírása a XIV. század elején a pápai tizedjegyzékek alapján feltüntetve II.* Budapest, 1892. pp. 617-619.; KARÁCSONYI JÁNOS: *Szent István király élete.* Budapest, 1904. pp. 20-21.; MELICH JÁNOS: op. cit. pp. 38-39.; BELICZKY JÁNOS: *A törzsfői hatalom elsovadása és a fejedelmi hatalom kialakulása.* In: *Emlékkönyv Szent István király halálának kilencszázadik évfordulóján I.* Sous la direction de SERÉDI JUSZTINIÁN. Budapest, 1938. pp. 587-588.

¹⁴ SRH. I. p. 295., II. p. 379., p. 404.

¹⁵ SRH. I. pp. 315-316.

¹⁶ HÓMAN BÁLINT: *A honfoglaló törzsek megtelepedése.* Turul 1912. p. 111.; VÁCZY PÉTER: *Gyula és Ajtony.* In: *Emlékkönyv Szentpétery Imre születése hatvanadik évfordulójának ünnepére.* Budapest, 1938. p. 503-506.; GYÖRFFY GYÖRGY: op. cit. p. 156. etc. dans la note 4.

¹⁷ ALBINUS FRANCISCUS GOMBOS: *Catalogus fontium historiae Hungaricae II.* Budapestini, 1938. p. 969.

¹⁸ GYÖRFFY GYÖRGY: op. cit. pp. 288–289. dans la note 11.; GEORGES OSTROGOR-SKY: Histoire de l'Etat byzantin. Paris, 1969. p. 336.; V.N. ZLATARSKI: Istorija na bālgarskata dāržava prez srednite vekove I. 2. Sofija, 1927. pp. 757–758. Voir encore GY. GYÖRFFY: Zur Geschichte der Eroberung Ochrids durch Basileos II. Actes du XIIe Congrès International d'Etudes Byzantines. II. Beograd, 1964. pp. 149–154.

¹⁹ Pour la tradition de texte corrompu de la chronique, pour sa "confusion" voir KARÁCSONYI JÁNOS: A honfoglalás és Erdély. Katholikus Szemle 1896. pp. 469–470.; VÁCZY PÉTER: op. cit. pp. 503–504.; MÁLYUSZ ELEMÉR: Az V. István-kori gesta. Értekezések a történeti tudományok köréből. Új sorozat 58. Budapest, 1971. pp. 50–52. etc. Pour tout cela voir KRISTÓ GYULA: A feudális széttagolódás Magyarországon. Budapest, 1979. pp. 101–103.

²⁰ KRISTÓ GYULA: op. cit. pp. 103–109. dans la note 19.; KRISTÓ GYULA: Levedi törzsszövetségétől Szent István államáig. Budapest, 1980. pp. 448–449. etc.

²¹ MAKKA LÁSZLÓ: Honfoglaló magyar nemzetségek Erdélyben. Századok 1940. pp. 163–191.; MAKKA LÁSZLÓ: in: Erdély története. op. cit. pp. 260–268., 255–257. dans la note 2.; KRISTÓ GYULA: A 10. századi Erdély politikai történetéhez. Századok 1988. p. 25.

²² KRISTÓ GYULA: op. cit. 99–100. dans la note 19.

²³ KARÁCSONYI JÁNOS: A magyar nemzetségek a XIV. század közepéig II. Budapest, 1901. pp. 287–289. Pour la descendance de Kán non pas de Keán voir ORTVAY TIVADAR: op. cit. pp. 618–619.

²⁴ SRH. I. 290.

²⁵ Voir MÁLYUSZ ELEMÉR: op. cit. pp. 59–60. dans la note 19.

²⁶ Pour les cinq genus voir MAKKA LÁSZLÓ: in: Erdély története. op. cit. pp. 260–268. dans la note 2. (Comme les éléments de la tribu conquérante menée par Zsombor.) Pour ce que ceux-ci étaient les genus de la tribu Gyula, voir KRISTÓ GYULA: op. cit. pp. 26–27. dans la note 21.

²⁷ KARÁCSONYI JÁNOS: op. cit. p. 281. dans la note 23.

²⁸ GYÖRFFY GYÖRGY: Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza I–III. Budapest, 1963–1987. (par la suite: TF.) I. p. 250., II. p. 108. Auparavant, nous avons nous aussi cette conception: op. cit. pp. 275–276. dans la note 3.

²⁹ TF. I. p. 391.

³⁰ KRISTÓ GYULA: op. cit. pp. 276–277. dans la note 3.

³¹ TF. II. p. 191., III. p. 542.; KRISTÓ GYULA: op. cit. pp. 280–281. dans la note 3.

³² KARÁCSONYI JÁNOS: op. cit. dans la note 23. I. Budapest, 1900. pp. 91–94.

³³ MAKKA LÁSZLÓ: in: Erdély története. op. cit. p. 257. dans la note 2.

³⁴ BÓNA ISTVÁN: in: Erdély rövid története. Sous la direction de KÖPECZI BÉLA. Budapest, 1989. pp. 117–125.

³⁵ KRISTÓ GYULA: op. cit. pp. 456–457. dans la note 20.

³⁶ MAKKA LÁSZLÓ: in: Erdély története. op. cit. p. 257. dans la note 2.

³⁷ FODOR ISTVÁN: Őstörténeti tévutak és történeti tudatunk torzulásai. Múzeumi Közlemények 1982/1. p. 128., p. 134. note 40.

³⁸ GYÖRFFY GYÖRGY: op. cit. p. 1104. dans la note 12. Note 4; GYÖRFFY GYÖRGY: in: Magyarország története. Előzmények és magyar történet 1242-ig II. Sous la direction de SZÉKELY GYÖRGY. Budapest, 1984. p. 1634.; GYÖRFFY GYÖRGY: A magyarság keleti elemei. Budapest, 1990. p. 174.

³⁹ BÓNA ISTVÁN: op. cit. pp. 105-106.; p. 98. dans la note 34.

⁴⁰ MAKKA LÁSZLÓ: in: Erdély története. op. cit. p. 271. dans la note 2.

⁴¹ MAKK FERENC: Magyarország és keleti szomszédai Szent István korában. In: Szent István és kora. Sous la direction de GLATZ FERENC-KARDOS JÓZSEF. Budapest, 1988.; MAKK FERENC: Magyar külpolitika 896-1196. Szeged, 1993. pp. 44-45.

⁴² PETROVICS ISTVÁN: Szent István államszervezése. In: Az államalapító. Sous la direction de KRISTÓ GYULA. Budapest, 1988. pp. 76-77.

RELATIONS HUNGARO-BULGARES
AU TEMPS DU PRINCE GÉZA ET DU ROI ETIENNE 1ER

Ferenc Makk

A la fin du Xe et au début du XIe siècle, les histoires hongroise, bulgare et byzantine étaient étroitement liées. Cela est bien démontré par le fait que quand les relations étaient bonnes entre la Hongrie et la Bulgarie, le rapport était très tendu entre le grand-duché hongrois et l'empire de Byzance. Dans d'autres cas, la détérioration des relations hungaro-bulgares entraînait la formation d'une alliance hungaro-byzantine. Nous voulons examiner les changements des relations lors de la première période du tournant du millénaire, en premier lieu, du point de vue de la Hongrie.

Au cours de l'été 955, en terre allemande, près d'Augsbourg, les troupes du fédéralisme tribal hongrois ont essuyé une défaite catastrophique devant l'armée du roi d'Allemagne, Otton 1er. La conséquence la plus importante du grave échec militaire était que les guerres dévastatrices des Hongrois en Europe occidentale ont cessé.¹ Cependant, à cause du genre de vie nomade ou demi-nomade, les Hongrois étaient obligés de continuer ces incursions militaires – de même qu'auparavant – en Europe du Sud, dans les Balkans.² L'empereur de Byzance, le basileus, a conclu une alliance antihongroise avec le tsar bulgare Pierre en 963. Suivant cette alliance, le souverain de Bulgarie, pour une somme d'argent convenable par an, a accepté: il empêcherait avec la force militaire l'attaque hongroise contre Byzance à travers le territoire bulgare.³ Mais bientôt il s'est trouvé que le tsar Pierre ne pouvait pas faire honneur à ses engagements, et à cette époque, la Bulgarie s'est approchée de la Hongrie contre Byzance. En 965, les Hongrois et les Bulgares ont conclu un traité qui assurait le passage tranquille des armées hongroises sur le territoire de Bulgarie contre Byzance. En échange, les Hongrois épargnaient la terre des Bulgares de leurs ravages.⁴

Quelques années plus tard, une grande coalition d'Europe orientale s'est formée contre Byzance dont les membres étaient Rus de Kiev, le grand-duché hongrois, les Bulgares et les Pétchénergues. Mais en 970, les armées de la coalition ont souffert un désastre devant le basileus à Arcadiopolis.⁵ A la suite du grave échec, la coalition antigrecque s'est complètement décomposée: les Russes et les Pétchénergues ont conclu une alliance avec le basileus; en 971 la Bulgarie a été occupée et annexée par Byzance, la Hongrie est restée isolée.

Au printemps de 972, une alliance politique s'est formée entre l'Allemagne et l'empire grec. Donc, la Hongrie – sans alliés – s'est trouvée coincée entre deux empires puissants. En premier lieu, c'était l'attaque armée de Byzance qui menaçait le grand-duché hongrois.⁶

Deux choses ont sauvé le pays de cette situation extrêmement dangereuse. L'élément décisif était que Géza, le grand-duc hongrois parvenu au pouvoir au tournant des années 971–972, a conclu une alliance politique avec l'empereur d'Allemagne et à la suite de cela, à l'aide des ecclésiastiques allemands, la christianisation a pris un grand élan parmi les Hongrois païens.⁷ Le nouveau grand-duc a tout de suite arrêté les incursions vers le Sud et, avec cela les attaques dévastatrices des Hongrois ont pris fin dans toutes les directions. Géza a donc rompu avec la politique des guerres pillardes et il tâchait de bâtir des rapports pacifiques avec ses voisins. A ce sujet, nos sources racontent: Géza "a mis son espoir dans la paix", et "il a commencé à négocier avec zèle d'une paix... avec tous les pays voisins".⁸ Le nouveau régime de politique extérieure de Géza a sauvé les Hongrois pour qu'ils n'arrivent pas – comme les Huns et les Avars – à la destruction totale. En même temps, l'intégration paisible des Hongrois à la communauté des peuples chrétiens d'Europe a commencé.

Le fait que Byzance avait de sérieuses difficultés dans deux domaines au début des années 970, avait une influence favorable sur l'amélioration de la situation internationale de la Hongrie. A l'automne de 972 les luttes avec les Arabes ont repris et la lutte de libération des Bulgares était de plus en plus intensive dans la Bulgarie de l'Ouest sous la conduite des quatre frères nommés les Comitopoules.⁹

Le grand-duc Géza ne cherchait pas à entrer en conflit armé avec Byzance, mais en même temps, il a clairement reconnu que l'insurrection bulgare – causant des difficultés à Byzance – aidait la Hongrie. C'est

pourquoi, il est vite entré en relation avec les dirigeants de l'insurrection bulgare. C'est à cela qu'on peut attribuer que les ambassadeurs des Bulgares pouvaient parvenir à Quedlinbourg, à la cour de l'empereur d'Allemagne, à travers le territoire hongrois, au printemps de 973.¹⁰ Géza a donc accordé un appui politique et moral aux insurgés qui luttèrent pour le rétablissement de l'indépendance bulgare, mais il n'est pas intervenu en armes dans les guerres bulgare-byzantines. A cause de l'insurrection des Bulgares et à cause de la guerre arabe, Byzance devait renoncer à attaquer la Hongrie.

Une des spécificités de la politique de paix du prince Géza était qu'il se tenait à l'écart des conflits armés des Etats voisins. Cette politique nommée "de non-ingérence" caractérisait nettement jusqu'au bout la nouvelle politique extérieure de Géza.¹¹ Parallèlement à cela, il s'efforçait systématiquement le rendre fort le rapport pacifique de son pays avec ses voisins à l'aide des liens dynastiques. Cela est démontré par une série de relations matrimoniales établies avec les dynasties polonaises, russes et bavaroises.

Le lien conjugal qui – selon notre opinion – s'est établi vers 995 entre l'une des filles de Géza et le fils du tsar bulgare Samuel, le prince héritier Gavril Radomir (Roman), étaient compris dans cette ligne. Mais le mariage ne s'avérait pas durable, car dans la période de 997-998 Gavril Radomir a répudié sa femme hongroise et – manifestement à des fins propagandistiques – a épousé une Grecque. L'hypothèse est juste selon laquelle la rupture du mariage hongaro-bulgare a eu lieu, parce que dans la période des graves luttes bulgare-byzantines, la Hongrie n'avait pas accordé d'aide militaire à la Bulgarie.¹²

Il est incontestable que la démarche extrêmement inamicale des Bulgares a gâté à fond la relation hungaro-bulgare au début du règne d'Etienne 1er /997-1038/. A partir de cette époque, par rapport à l'époque précédente, un changement radical est survenu dans les relations hungaro-bulgares. A la place des relations amicales de l'époque de Géza, sous le règne d'Etienne 1er, premièrement la confrontation politique, ensuite les relations de guerre sont arrivées.

L'approfondissement de la confrontation politique est démontré par le fait qu'en 1002, le royaume de Hongrie a conclu une alliance étroite avec l'empire de Byzance. Selon notre prise de position d'aujourd'hui, le signe

de cette alliance était le baptême du chef Ajtony, grand-seigneur hongrois, dans la ville de Vidin à la fin de l'été de 1002. Le grand-seigneur païen hongrois a pris le baptême byzantin, orthodoxe – probablement en collaboration avec le basileus – dans la ville bulgare occupée par les Byzantins. Ensuite, après être rentré, il a fondé un monastère orthodoxe (basilien) pour les moines grecs dans son propre siège.¹³ Une partie des chercheurs affirment que derrière le baptême byzantin d'Ajtony se cachait sa propre politique spécifique, c'est-à-dire qu'Ajtony, face au roi Etienne a voulu se procurer un allié étranger par l'intermédiaire du basileus.¹⁴

Cependant, nous pensons que ce n'est pas contre Etienne, mais justement en faveur d'Etienne, au nom du roi qu'Ajtony est entré en coalition avec l'empereur de Byzance en 1002. Nous voyons la preuve de tout cela dans le fait qu'à cette époque-là, Ajtony et Etienne ne sont pas encore des adversaires mais des alliés. En effet, dans une des sources nationales il y a une donnée qui témoigne du fait que ce temps-là le grand ennemi d'Etienne, le chef Gyula et Ajtony étaient des ennemis mortels l'un de l'autre.¹⁵ Si nous prenons en considération que le roi Etienne a battu son parent, Gyula, en 1003 et l'a ensuite emprisonné,¹⁶ de la prison son oncle maternel s'est évadé en Pologne vers 1015,¹⁷ il est alors clair: Ajtony et Gyula ne pouvaient être des ennemis mortels qu'avant 1003 ou bien en 1003. De leur rapport ennemi on peut conclure qu'en 1003 le chef Ajtony soutenait Etienne contre Gyula et qu'il participait à la campagne du roi en Transylvanie du Nord contre Gyula.¹⁸ Et si nous retenons encore le fait que dans cette même année, en 1003 – après avoir battu Gyula – le roi Etienne a attaqué et battu Kean, maître de la Transylvanie du Sud, qui est d'ailleurs appelé dans la chronique hongroise "chef des Bulgares et des Slaves",¹⁹ alors nous pouvons supposer: Ajtony aidait aussi le roi à lutter contre Kean.

Comment expliquer qu'en 1002 Etienne a abandonné son amitié probulgare traditionnelle et qu'il a entrepris une politique partisane de Byzance?

La question est justifiée par le fait que Géza était avec la Bulgarie au début des années 970 quand la Bulgarie et Byzance étaient en guerre, mais en 1002, le roi Etienne, entre la Bulgarie et Byzance de nouveau en guerre, est devenu l'allié de l'empire grec.

Comme nous avons vu, dans la prise de position du prince Géza, les causes de *politique extérieure* jouaient un rôle décisif. Selon notre opinion, derrière le nouveau régime politique du roi Etienne se cachaient fondamentalement des facteurs de *politique intérieure* dans cette question. Nous pensons aux divergences entre le roi et Gyula, ou bien à celles entre le roi et Kean. Le roi Etienne menait une politique pour unifier le pays, il a voulu étendre son pouvoir royal sur le pays entier.²⁰ Dans le Bassin carpatique, à cette époque, faisaient face – entre autres – le maître de la Transylvanie du Nord, Gyula et le maître de la Transylvanie du Sud, le Bulgare Kean (< kagan) à la politique d'intégration d'Etienne Ier. Tous les deux chefs représentaient des aspirations de caractère séparatiste et autonomiste face au pouvoir royal. Nous pensons, bien que nous n'ayons pas de données directes concernant cela, que Gyula et Kean étaient en relation l'un avec l'autre et que les deux grand-seigneurs étaient les alliés du tsar bulgare Samuel.²¹ Cela signifie que, contrairement à Etienne, Gyula et Kean continuaient la politique probulgare antérieure (c'est-à-dire la politique probulgare du prince Géza). Notre hypothèse n'a qu'une preuve indirecte.

En 1002, le roi Etienne – par l'intermédiaire d'Ajtony – a conclu une alliance avec le basileus. En 1003, Etienne et Ajtony attaquent Gyula, puis Kean, dans le même temps, l'empereur Basileios II déclenche une grande campagne contre le tsar Samuel.²² La coïncidence du moment des deux actions militaires de grande envergure ne peut pas être un fait du hasard! Selon nous, l'empereur de Byzance et le roi de Hongrie avaient bien accordé leurs démarches militaires de 1003 lors de la conclusion de l'alliance en 1002. Et cela était avantageux pour l'un et pour l'autre. Avec les attaques accordées et harmonisées ils ont empêché que leurs ennemis: le tsar bulgare Samuel et les maîtres des territoires de Transylvanie: Gyula et Kean puissent s'entraider. Le basileus tout comme le roi de Hongrie ont remporté de grandes victoires sur leurs ennemis. Après avoir battu Gyula et Kean, le roi Etienne a pris le contrôle de facto aussi de la Transylvanie entière. La politique de l'unification du pays était une victoire importante sur les forces séparatistes, bien que la lutte d'Etienne n'ait pas pris fin encore avec cela.

D'ailleurs, il est incontestable: l'alliance politique et militaire hungaro-byzantine conclue en 1002 avait compris le fait qu'après le pape et l'empereur d'Allemagne, le basileus a aussi reconnu *le titre de roi*

d'Etienne. C'était un très important succès diplomatique pour Etienne, premier roi de Hongrie.²³

Quelques années plus tard, la Hongrie, à côté de Byzance, s'engageait directement dans une guerre avec la Bulgarie. D'après une source du XIe siècle, nous savons qu'à la demande du basileus, le roi Etienne se précipitait au secours de Byzance avec une grande armée contre la Bulgarie.²⁴ La date de cette guerre est très discutée. Nous pensons que le roi Etienne aidait Byzance avec ses troupes en 1015 et au cours de ces luttes, le souverain hongrois a participé au siège et à l'occupation de la capitale bulgare Ochrid.²⁵ C'est à cette époque-là que les fiançailles d'Imre, prince héritier hongrois, avaient lieu avec une princesse de Byzance.²⁶ Le but de ce rapport dynastique était de renforcer la coalition hungaro-byzantine. *L'engagement d'alliance* venu de cette coalition a incité le roi Etienne en 1015 à accorder un soutien armé au basileus contre la Bulgarie.

La Hongrie cherchait sa place en Europe à la fin du Xe et au début du XIe siècle. Le succès a couronné ses efforts, car du fédéralisme tribal oriental, elle est devenue une monarchie chrétienne de type occidental qui était en relation étroite avec les trois grandes puissances européennes, l'Allemagne, la papauté et Byzance. Mais il faut prendre connaissance du fait que dans les relations internationales et dans les conditions de l'époque, l'intégration pacifique de la Hongrie à la communauté des peuples de l'Europe chrétienne n'était réalisable temporairement qu'en dépit des intérêts bulgares.

NOTES

¹ Liudprand, l'évêque de Cremona à cette époque-là, dans les années 960 pense que c'est la conséquence de la bataille d'Augsbourg que "le peuple des Hongrois... n'ose même pas bouger" contre l'empire allemand. J. BECKER: Die werke Liudprands von Cremona. Hannover-Leipzig 1915.³ pp. 6-7. De la riche littérature, voir à ce sujet PAULER GY.: A magyar nemzet története Szent Istvánig. Budapest, 1900. pp. 88-89.; Magyarország története tíz kötetben I. Előzmények és magyar történet 1242-ig. Rédacteur en chef: SZÉKELY GY. Budapest, 1984. (la partie relative à ce sujet écrite par GYÖRFFY GY.; par la suite: GYÖRFFY 1984.) p. 693.; KRISTÓ GY.: Az Árpád-kor háborúi. Budapest, 1986. (par la suite: KRISTÓ 1986.) p. 44.

² A magyar nemzet története I. Rédacteur en chef: SZILÁGYI S. Magyarország a királyság megalapításáig. Budapest, 1895. (la partie relative à ce sujet est l'oeuvre de MARCZALI H. par la suite: MARCZALI 1895.) pp. 192-194.; HÓMAN B.-SZEKFŰ GY.: Magyar történet I. Budapest, 1939.⁶ (par la suite: HÓMAN 1939.) p. 147.; MORAVCSIK GY.: Bizánc és a magyarság. Budapest, 1953. (par la suite: MORAVCSIK 1953.) p. 48.; GYÖRFFY GY.: István király és műve. Budapest, 1977. (par la suite: GYÖRFFY 1977.) pp. 49-50.

³ P. MUTAFČIEV: Избрани произведения II. Маджарите и българо-византийске отношения през третата четвърт на X в. (par la suite: MUTAFČIEV 1973.) p. 464., pp. 465-466.

⁴ SZABÓ K.: A magyar vezérek kora. Budapest, 1869. (par la suite: SZABÓ 1869.) p. 320.; MUTAFČIEV 1973. p. 465., p. 467.

⁵ MORAVCSIK 1984. pp. 86-89.; p. 100. - Le degré de la défaite pouvait être semblable à celui de la catastrophe d'Augsbourg pour les Hongrois. (KRISTÓ 1986. p. 45.)

⁶ A ce sujet voir par exemple B.T. Папугото: Внешняя политика Древней Руси. Москва, 1968. (par la suite: PASUTO 1968.) pp. 71-72.; G. OSTROGORSKY: Histoire de l'Etat byzantin. Paris 1969. (par la suite: OSTROGORSKY 1969.) p. 321.; D. BOLENSKY: The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe. 500-1453. London, 1971. p. 158.; D.A. ZAKYTHINOS: Byzantinische Geschichte 324-1071. Wien-Köln-Graz, 1979. (par la suite: ZAKYTHINOS 1979.) p. 213., pp. 223-224.; GYÖRFFY 1984. p. 727.

⁷ Cf. par exemple SZABÓ 1869. p. 348.; HÓMAN 1939. p. 157.; GYÖRFFY 1977. pp. 68-72.; GYÖRFFY 1984. pp. 726-731.; KRISTÓ GY.: Magyarország története 895-1301. Budapest, 1984. (par la suite: KRISTÓ 1984.) p. 46.

⁸ F.A. GOMBOS: Catalogus fontium historiae Hungaricae I-III. Budapest, 1937-1938. (par la suite: GOMBOS.) III. p. 1754.; E. SZENTPÉTERY: Scriptores rerum Hungaricarum I-II. Budapest, 1937-1938. (par la suite: SRH.) II. p. 379.

⁹ Au sujet des guerres arabes cf. par exemple OSTROGORSKY 1969. p. 321.; ZAKYTHINOS 1979. pp. 203-204. En ce qui concerne l'insurrection bulgare cf. par exemple B.II. ЗЛАТАРСКИ: История на Българската държава през средните векове I/1., I/2., II. София, 1970., 1927., 1972. (par la suite: ZLATARSKI 1970., 1927., 1972.) 1927. p. 590.; M. АПОСТОЛСКИ: История на македонскиот народ. Скопје, 1969. (par la suite: APOSTOLSKI 1969.) pp. 117-118.; C. АНТОЛЈАК: Самуилова држава. Скопје, 1969. (par la suite: ANTOLJAK 1969.) pp. 12-13.

¹⁰ GYÖRFFY 1977. p. 90.; GYÖRFFY 1984. p. 740.; MAKK F.: Magyarország és keleti szomszédai Szent István korában. GLATZ F.-KARDOS J. (sous la direction de): Szent István és kora. Budapest, 1988. (par la suite: MAKK 1988.) p. 82.

¹¹ GYÖRFFY 1977. p. 83.

¹² MORAVCSIK 1984. p. 97., p. 98. - HÓMAN date le mariage de Gavril Radomir vers 980 (HÓMAN 1939. p. 170.), ZLATARSKI à l'an 1000 (ZLATARSKI 1927. p. 743.), VAJAY SZ. le date avant 987 (VAJAY SZ.: Géza nagyfejedelem és családja. Székesfehérvár évszázadai I. Székesfehérvár 1967. /par la suite: VAJAY 1967./ p. 66., pp. 66-67 de la note 14.); le mariage avant 988 selon KRISTÓ 1984. p. 49.; vers 1001 selon GYÖRFFY 1984. p. 812. - En conséquence de ces datations, les chercheurs mettent la dissolution du mariage à des époques différentes - près de la célébration du mariage. Dans la définition de notre progre

chronologie, nous sommes partis des points de vue suivants: 1) Etant donné que la femme hongroise répudiée était enceinte, il ne pouvait pas passer beaucoup de temps entre la célébration du mariage et sa dissolution. 2) Tout en acceptant le fait que la cause fondamentale de la rupture était l'absence de l'aide militaire hongroise (GYÖRFFY 1984. p. 812.; KRISTÓ 1984. p. 49.), nous devons regarder quand Samuel avait besoin de soutien hongrois au cours de sa lutte armée pour la première fois. Cette époque peut être datée à 996-998, car le souverain bulgare a essuyé une grave défaite des Byzantins entre 995 et 997 dans la bataille près de la rivière Spercheios. Influencé par la défaite catastrophique, Samuel était déjà sur le point de démissionner et de se soumettre au basileus. (A tous ces sujets cf. par exemple ZLATARSKI 1927. pp. 701-702.; N. ADONTZ: Samuel l'Arménien, roi des Bulgares, Bruxelles 1938. pp. 20-22.; OSTROGORSKY 1969. p. 334.; APOSTOLSKI 1969. p. 124.; ANTOLJAK 1969. p. 50.) Plus tôt, Samuel ne s'était pas trouvé dans une telle situation et c'est à cette époque-là qu'il pouvait se fâcher contre son allié hongrois. Après cela, son fils Radomir a contracté son deuxième mariage, avec la Grecque Irene. De ce mariage, ils ont eu deux filles et cinq garçons. Les filles étaient déjà mariées en 1015, elles avaient donc au moins 15-16 ans (VAJAY 1967. p. 67 de la note 14; APOSTOLSKI 1969. p. 140.; ZLATARSKI 1927. p. 744.; ANTOLJAK 1969. p. 96.).

¹³ SRH II. p. 489., p. 490. – Le bulgare Vidin est passé entre les mains de l'empereur de Byzance Basileios II au mois d'août 1002 (cf. par exemple APOSTOLOSKI 1969. p. 127.; ANTOLJAK 1969. p. 63.; ZAKYTHINOS 1979. p. 228.; MORAVCSIK 1984. p. 90.). Au sujet du baptême d'Ajtony à Vidin en 1002 cf. par exemple N. OIKONOMIDES: A propos des relations ecclésiastiques entre Byzance et la Hongrie au Xe siècle: le métropole de Turquie. *Revue des Etudes Sud-Est Européennes* 9 (1971) p. 532. (Par la suite: OIKONOMIDES 1971.); GYÖRFFY 1977. p. 171. Il n'est pas probable que le baptême du chef Ajtony à Vidin ait eu lieu plus tard (cf. Gy. KRISTÓ: Ajtony and Vidin. *Studia Turco-Hungarica* V. Budapest, 1981. /par la suite: KRISTÓ 1981./ p. 135.). En effet, si ce baptême avait eu lieu des années après l'occupation de Vidin, alors cet événement, à cause de son importance politique, se serait déroulé à Constantinople, de même que dans le cas de Bulcsú, de Termacsu et de Gyula le Vieux au milieu du Xe siècle. En temps de guerre et à une époque bouleversée, Vidin situé près du territoire d'Ajtony offrait une bonne possibilité sûre à ce baptême, de plus, le basileus s'y trouvait. Nous faisons une remarque: plusieurs chercheurs ont pris position pour le baptême bulgare d'Ajtony et pour son alliance bulgare. Ainsi, par exemple FEHÉR G.: A bolgár egyház kísérletei és sikerei hazánkban. *Századok* 1927-1928. (par la suite: FEHÉR 1927-1928.) p. 10.; KULCSÁR P.: A magyar államszervezés néhány problémája. *István és Ajtony harca. Acta Universitatis Szegediensis. Sectio Historica* III. Szeged, 1958. (par la suite: KULCSÁR 1958.) p. 32.

¹⁴ Cf. par exemple GYÖRFFY 1977. pp. 166-172.

¹⁵ Les relations hostiles de Gyula et d'Ajtony sont décrites dans la légende de l'évêque de Csanád, saint Gérard (SRH II. p. 492.).

¹⁶ GOMBOS I. p. 141.; SRH I. p. 314.

¹⁷ GOMBOS III. p. 2203. – L'évasion de Gyula est différemment datée par exemple par GYÖRFFY 1984. p. 809.

¹⁸ MAKK 1988. p. 83., p. 87. de la note 33. A ce sujet cf. encore GYÖRFFY 1977. p. 170.

¹⁹ SRH I. p. 172., pp. 315-316., p. 317. – La personne de Keán est très discutée dans l'historiographie hongroise. Tantôt il a été identifié à Gyula de Transylvanie, tantôt au chef Ajtony, tantôt au tsar bulgare Samuel (cf. par exemple PAULER GY.: A magyar nemzet története az Árpád-házi királyok alatt. Budapest, 1899. I. p. 44.; ACSÁDY I.: A magyar birodalom története I. Budapest, 1903. p. 77.; DEÉR J.: A magyar törzsszövetség és patrimoniális királyság külpolitikája. Kaposvár 1928. /par la suite: DEÉR 1928./ p. 47.; HÓMAN 1939. p. 179., GYÖRFFY 1984. p. 814.; BOGYAY T.: Stephanus rex. Budapest, 1988. p. 75.). KRISTÓ GY. fait Keán chef d'un "kaganat" bulgare autonome de Transylvanie du Sud (KRISTÓ GY.: A 10. századi Erdély történetéhez. Századok 1988. pp. 30-33.). Naturellement, en conséquence de l'identification de la personne de Keán, les chercheurs ont daté la guerre d'Etienne contre Keán à des époques différentes (à tout ce sujet cf. l'étude de KRISTÓ GY. dans le présent volume).

²⁰ En ce qui concerne l'appréciation différente de la politique de l'unification du pays d'Etienne Ier voir par exemple KULCSÁR 1958. pp. 37-38.; GYÖRFFY 1977. p. 176.; KRISTÓ 1984. p. 65.; VAJAY SZ.: Szent István Európája. GLATZ F.-KARDOS J. (sous la direction de): Szent István és kora. Budapest, 1988. p. 111.

²¹ A l'alliance bulgare de Gyula a été fait référence par DEÉR 1928. p. 47.; HÓMAN 1939. p. 179. L'alliance de Gyula et de Keán a déjà été abordée – sans supposer la relation bulgare – par BELITZKY J.: A törzsfői hatalom elsovadása és a fejedelmi hatalom kialakulása. Szent István Emlékkönyv I. Budapest, 1938. p. 587.

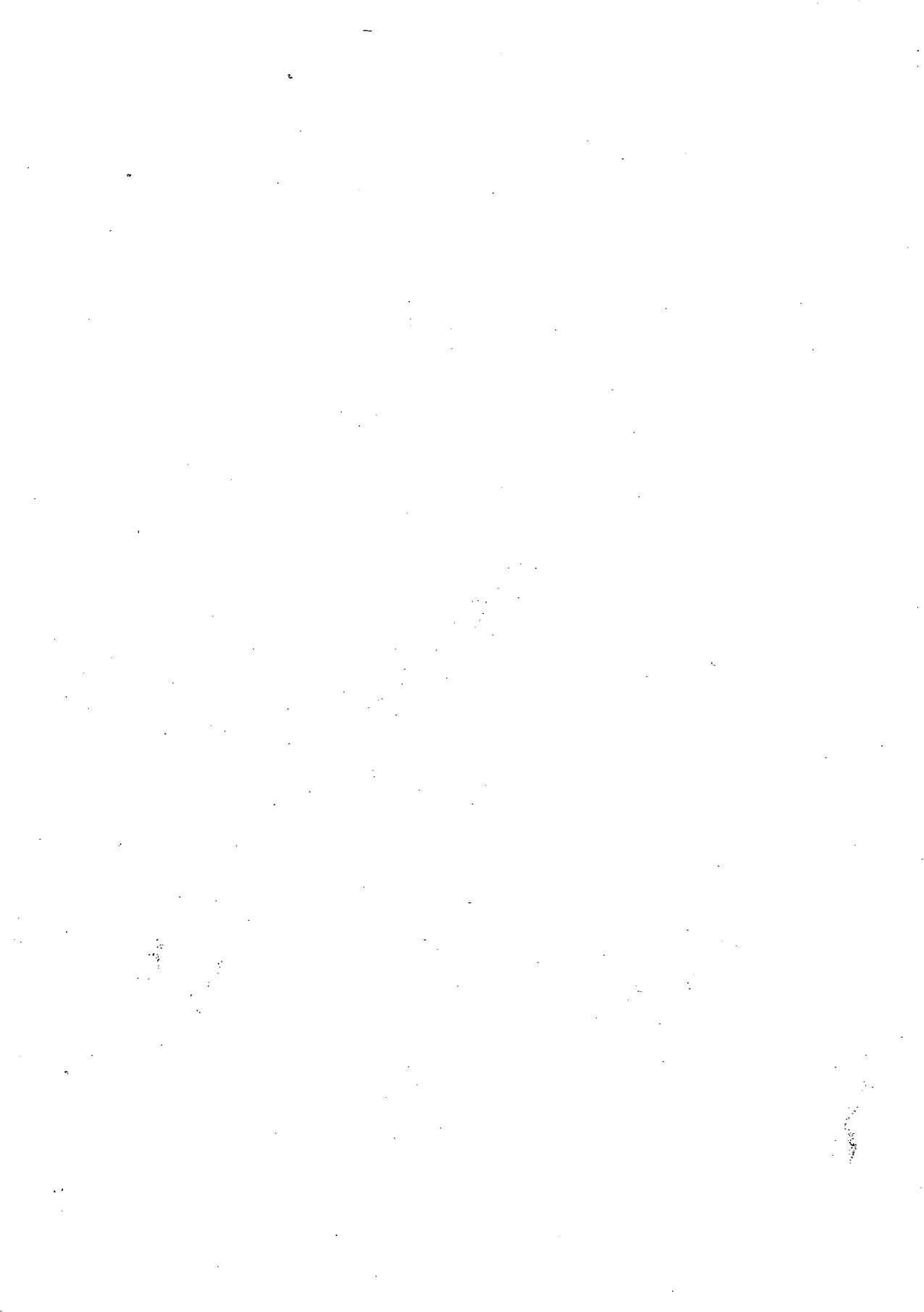
²² Aux événements contemporains de la guerre bulgaro-byzantine recommencée à partir de 1001 voir OSTROGORSKY 1969. pp. 334-335.; ANTOLJAK 1969. pp. 63-64.; APOSTOLSKI 1969. p. 127.; I. DUJČEV-V. VELKOV-I. MITEV-L. PANAYTOR: Histoire de la Bulgarie des origines à nos jours. Roanne, 1977. p. 141.; ZAKYTHINOS 1979. p. 228.

²³ A ce sujet cf. MAKK F.: Magyar külpolitika 896-1196. Szeged 1990. Thèse de doctorat d'Académie. Manuscrit. La partie du chapitre II traite ces événements et leur appréciation; MAKK F.: Magyar külpolitika 896-1116. Szeged, 1993. pp. 36-56.

²⁴ GOMBOS II. pp. 969-970.

²⁵ MAKK 1988. p. 84., p. 88. de la note 41 (avec une littérature détaillée).

²⁶ GOMBOS II. p. 1505. A ce sujet voir MORAVCSIK 1953. p. 59.

ЗАМЕТКИ ОБ ИСТОРИИ ВЕНГЕРСКОГО АЛФЕЛЬДА IX-ГО ВЕКА

Ласло Сегфю

1. История венгерского Алфельда IX-го века (территорий, лежащих между Дунаем и Тиссой, а также и за Тиссой) получила достаточно разноречивые оценки ввиду малого количества источников и трудностей, связанных с интерпретацией сообщаемых ими данных. Одна из групп исследователей полагает, что вся территория Алфельда, включающая и Трансильванию, была занята болгарами,¹ другие считают, что сфера их интересов простиралась лишь на Трансильванию и Южный Алфельд,² есть ученые, которые утверждают, что болгарское господство пошатнулось с образованием Великой Моравии,³ другие же говорят о том, что между моравской и болгарской границами простиралась широкая редконаселенная или же, наоборот, густонаселенная⁴ полоса без какого-либо политического устройства и, наконец, имеются и такие мнения, согласно которым вся территория от реки Гарам до области Бихар и до Нижнего Дуная была моравской.⁵ Различные хронологические соображения придают еще больше оттенков вариантам гипотез.

Со своей стороны мы, нарушая общепринятый способ исследований, выбрали ретроспективный метод анализа: отправляясь от одной легенды, родившейся в связи с обретением венграми родины, и двигаясь вспять, мы попытаемся выяснить, как смотрели на этот вопрос современники, что они знали или могли знать о событиях, а также насколько эти знания и сведения могли соответствовать действительности.

2. Когда наши предки-кочевники своими молниеносными набегами наводили ужас на жителей провинций, расположенных

между Дунаем и Тиссой, и когда они, сметая противника, отчаянными конными приступами завоевывали себе землю, вряд ли кому-нибудь из них могла прийти в голову мысль о том, что их самая блестящая военная победа – завоевание страны Святополка – почти через 1000 лет, будет подвергнута сомнению исторической наукой из-за одного коня. Аргумент на первый взгляд кажется неопровержимым: ведь как об этом свидетельствуют источники, моравский властитель не дожил до обретения венграми родины.

В произведении под названием *Chronicon* аббата Регино под 894 годом записано: "В это время умер (*diem clausit extremum*) Зуендиболд, король моравских славян, считавшийся среди подчиненных мудрым и очень умным мужем, чью страну его сыновья удерживали в руках недолгое время [и навсегда потеряли], ведь венгры в ней все сравнивали с землей."⁶

Это сообщение подтверждается и свидетельством Фулдайских летописей, в которых также под 894 годом стоит следующее: "Звендибалд, князь моравов – это тайное хранилище всякого коварства (*vagina totius perfidiae*), который в жажде человеческой крови обходил все граничащие с его страной провинции, сея раздор хитростью и лукавством (обманом), наконец нечестиво опочил (*diem ultimum clausit infelicitur*), призывая своих любить не мир, а оставаться скорее врагами своих земель."⁷

Из этих кратких сообщений мы не получаем сколько-нибудь точной информации о непосредственной причине смерти Святополка, хотя они позволяют предполагать, что моравский правитель не погиб в кровавой схватке на поле сражения, а закончил свою жизнь "в собственной постели", т.е. так, как об этом рассказывает Константин Багрянородный: "Известно, что правитель Моравии, Святополк, был воином и человеком страшным в глазах соседствующих с ним народов. У одного Святополка было трое сыновей, и перед смертью он разделил свою страну на три части, оставив по одной части каждому и завещав, чтобы первый из них был великим князем, а двое других были бы подчинены старшему. Поучая сыновей, чтобы они не нападали друг на друга, он прибегнул к такому примеру: взял три прута, связал их и дал первому сыну, чтобы он их сломал, и когда тот не смог этого сделать, дал

второму, а потом третьему. После чего он развязал прутья, дал каждому по одному, и по слову отца каждый из братьев легко сломал свой прут. Этим примером он поучал их, говоря: "Если вы не разделитесь и будете жить в любви и понимании, враг не сможет вас ни захватить, ни победить, но если между вами начнется вражда и соперничество и вы разделитесь на три владения, не подчинившись старшему брату, вы и погибнете от руки друг друга, и соседние враги вас уничтожат." Прожив в мире один год после смерти одного Святополка, братья начали ссориться и враждовать, объявили войну друг другу, и пришли тюрки, уничтожили их и заняли страну, в которой живут по сей день. Остатки же народа, рассеявшись, бежали к соседям – к болгарам, туркам, хорватам и другим."⁸

Этот рассказ, не обходящийся без классических реминисценций, не говорит о том, что же произошло со Святополком после раздела им своей империи между сыновьями и до его смерти. Этот пробел позволяет восполнить Космас Прагенсис, который в связи с 894 годом предлагает нам свою, имеющую отношение к данному вопросу, благочестивую версию: "В том же году король Моравии Зуатоплук, как об этом повествуется в народе, спрятался, окружив себя войском, и больше нигде не показывался. В это время он по-настоящему раскаялся, увидев, что он поднял оружие на своего господина, повелителя и отца, Арнульфа, поступив незаконно, как бы забыв о вассальном служении; он, который подчинил не только Чехию, но и другие области отчасти до реки Одер, отчасти по направлению к Венгрии до самой реки Гарам, движимый раскаянием под покровом ночи, в тайне ото всех, вскочил на коня и, покинув свою стоянку, ускакал на гору Зобор, где в то время при его поддержке и покровительстве трое отшельников строили церковь в заповедной куще непроходимого леса. Прибыв к лесу, он убил коня в глухом углу, закопал меч в землю и, с восходом солнца, взобрался к отшельникам. Чтобы никто его не узнал, он остриг волосы, надел монашескую одежду и, живя здесь, оставался никому не известным. Когда же он почувствовал приближение смерти, он открылся отшельникам, сказав кто он, и сразу же после этого умер. Сыновья его владели королевством недолго и еще

более несчастливо, чем он: оно стало жертвой отчасти опустошительных набегов венгров, отчасти – восточных немцев, отчасти же все сметающих на своем пути поляков."⁹

Этот мотив осознания бессмысленно прожитой жизни, тяжести греховных поступков, отказа от земных соблазнов, самоуглубленного покаяния не редок в агиографической литературе того времени. Как бы предлагая образец поведения, он не чужд человеческому мышлению, его сознанию. Поэтому не исключена возможность, что и Святополк действительно хотел прожить оставшиеся ему дни отшельником. Однако его покаяние могло продолжаться лишь очень недолго, ведь из источника следует, что его сыновья еще владели отцовским наследием, когда он умер.

В сущности эту историю повторяют с более или менее длинными или короткими вставками и другие произведения на латинском,¹⁰ немецком¹¹ и чешском¹² языках. Дополнительные сведения к ней мы можем почерпнуть лишь из нескольких источников, в одном из которых говорится о том, что Святополк оказался между двух огней – между "Арнульфом со всей Германией" и между "венграми", и потому ему пришлось уйти в отшельники;¹³ другой же автор искренне признается: "сколько лет он жил там, мы знать точно не можем".¹⁴ Еще один (более поздний) автор сообщает, что якобы сына Святополка проклял святой Мефодий, и потому и погибла его страна, которую уже упомянутые народы "насильственно поделили между собой".¹⁵ (Проклятие вряд ли могло иметь место, ведь Мефодий умер уже 6 апреля 885 года.)¹⁶ Однако здесь, когда речь идет о разделе моравской империи, упоминается лишь о двух сыновьях Святополка (*filius eius duo*).¹⁷ Встает вопрос о том, что произошло с третьим сыном и с его частью земли после того, как страна "была поделена на три княжества".¹⁸

3. В свете всего вышесказанного традиционная венгерская версия, которая отлилась в форму т. наз. "легенды о белом коне", на первый взгляд действительно не вызывает большого доверия. Понятно поэтому, что историческое исследование сначала подвергло эту "очень древнюю" и "в своей маловероятности все же представляющую большую историческую ценность" легенду,¹⁹

носящую на себе печать восточного мышления и почти не имеющую европейских параллелей,²⁰ тщательной проверке. Результаты, однако, как бы мы ни старались это сделать, нельзя назвать однозначными. Одни исследователи считали ее "эпической песней, оставшейся в полной неприкосновенности"²¹ со времен обретения родины, "замкнутой эпической песней",²² которая возникла либо по образцу традиционных народных песен,²³ либо – поскольку ее героем является Арпад – "заслуга ее создания принадлежит певцам-сказителям правителя".²⁴ Все же сила этнической связи, как один из ее основных элементов, стала основной частью наивного исторического сознания, строящегося из степной, кочевой символики, из языческих верований, из политического этоса, вызывающего представления о единстве, т.е. той системы взаимозависимостей, определяющей идейное качество джентилизма, которая всему народу внушала мысль об общей исторической судьбе.²⁵ Таким образом это сознание опосредованно стало важной составной частью нашего искусства периода обретения родины, того "мыслительного фона, который трудно было бы назвать бедным".²⁶ "Хранящая память о старинных юридических обычаях достоверная легенда"²⁷ ввела в заблуждение своей примитивной наивностью летописцев XI века,²⁸ которые, несмотря на ее языческий взгляд на вещи, все же записали ее в середине этого столетия.²⁹ Опираясь на это, Анонимус создал свою рационализированную версию легенды,³⁰ а собрание хроник XIV века – свою редакцию.³¹ В то же время некоторые авторы не скрывали своих подозрений в том, что эта история, созданная в венгерской традиции, родилась на основе указаний, имеющихся в произведениях западных авторов (Jordanes, Widukind) или же хотя бы носит на себе черты знакомства с ними.³² Есть ученые, которые считают автора письменной редакции этого эпизода хроники современником Гезы II.³³ Другие, анализируя политическое мышление X–XIII веков, пришли к убеждению, что легенда вряд ли могла быть записана раньше первой трети XIII века;³⁴ есть ученые, которые, предполагая определенное прямое развитие легенды, полагают, что надо считать Анонимуса тем, кто выразил основную идею легенды,³⁵ и, опираясь на неопределенные ссылки Кезаи на этот счет,

пытаются отнести легенду к XIV веку, увидев в ней органическую часть строящейся вокруг имени Святополка³⁶ средневековой эпики.³⁷ Отсутствие единого мнения сказывается и в том, что некоторые считают легенду по происхождению финноугорской,³⁸ другие предполагают заимствование от степных турок,³⁹ третьи же считают ее внутренней по рождению песней X века.⁴⁰ Не приходится удивляться, что более всего заинтересованная в этой теме этнография, которая все более ориентируется в исследованиях нашей древней истории на саматизм, не знает, что делать с легендой, и в новейших своих заключениях либо лишь упоминает о ней,⁴¹ либо вообще ею не занимается.⁴² То же самое мы наблюдаем и в большей части нашей исторической, археологической литературы,⁴³ возможно потому, что эту легенду трудно связать с историей гуннов, относящейся к династии Арпадов.

4. В 28-й главе собрания хроник XIV века рассказывается о том, что Арпад, разбивший свой лагерь в Трансильвании, отправил посла к моравскому властителю Дунайских провинций. Посол Кушид на обратном пути брал землю, траву, воду Дуная из владений Святополка, которые, найдя их богатыми, венгерские полководцы решили получить. Затем, на основе общего соглашения, венгры снова отправили того же посла к упомянутому властителю и за его землю послали ему белого коня с седлом, украшенным арабским золотом, и с позолоченной сбруей (*equum album et magnum cum sella deaurata auro Arabie et freno deaurato miserunt pro terra sua*). Увидев это, властитель еще более возрадовался, потому что подумал, что подарок за землю венгры послали ему в качестве гостей-поселенцев. Посол, значит, просил там землю, траву и воду у властителя. Властитель же с улыбкой отвечал: за подарок все ваше, сколько хотите. И с тем посол вернулся к своим. Арпад же в это время вошел в Паннонию с семьей вождей, но вошел не как гость (*gospites*), а как владелец земли по праву наследия (*terram iure hereditario possidentes*). Тогда они послали к властителю другого посла и поручили ему передать следующее: Арпад и его народ говорит тебе, что на этой земле, которую они откупили у тебя, не оставайся дальше, ибо земля куплена у тебя за коня, трава – за сбрую, вода – за седло. Ты же сам, будучи

мелочным и жадным, отдал им в вечное пользование землю, траву и воду. Когда властителю передали это сообщение, он, улыбаясь, сказал так: "Убейте дубинкой коня (*equum illum malleo ligo interficiant*), сбрую киньте на поле, позолоченное седло бросьте в Дунай." Затем "властитель быстро собрал войско, боясь венгров, попросил помощи у друзей и, соединившись с ними, вышел навстречу венграм. Те же в это время подошли к Дунаю и на прекрасном поле на восходе солнца начали битву. Бог был в помощь венграм, бежал от них упомянутый властитель. Венгры преследовали его до Дуная, он же в страхе бросился в Дунай и захлебнулся в его волнах".⁴⁴

Венгерская легенда не может происходить от Иордана, т.к. у него речь идет о выкупе за жертвенного коня душ, попавших в рабство в загробном мире,⁴⁵ она скорее может быть связана с легендой Лехеля. Видукинд также не может быть ее праисточником, т.к. белый конь – центральный персонаж венгерской легенды – в его произведении не фигурирует,⁴⁶ да и в арабских легендах его тоже нет.⁴⁷ Таким образом, мы не находим европейских параллелей к этой нашей самой законченной из говорящих об обретении венграми родины легенд.⁴⁸

В известной нам форме этот рассказ – согласно исследованиям – является "обманной покупкой страны".⁴⁹ Наши предки "в духе степной дипломатии мирным путем пробовали получить во владение эту территорию".⁵⁰ В последнее время возникла мысль о том, что автору хроники уже не было ясно истинное значение записанного им эпизода.⁵¹ В передаче коня, украшенного золотой сбруей – согласно этому – видели какое-то "признание вассального состояния", "обряд, имеющий характер приобщения к власти", или же во всяком случае усматривали в этом дипломатическое одаривание, принятое среди равноправных.⁵² Из этой легенды думали вычитать нечто вроде истории о заключении невысказанного или лишь латентно сформулированного договора между равноправными или находящимися в вассальных отношениях сторонами: "По этой наивной легенде... новейшие исследования установили, что заключение договора происходило с использованием элементов ритуала кочевников. Ведь дело в том, что и оногур-

ско-болгарский хан, Ормуртаг в 815 г. заключил мир с византийским императором Львом V по болгарскому обычаю, и этот обычай был описан. Болгарский ритуал состоял в том, что стороны должны были отведать крови рассеченной надвое собаки, затем император опрокидывал на землю кубок воды, переворачивал седло, прикасался к узде и поднимал с земли пучок травы. О том, что и венгры таким же образом заключали договоры, свидетельствует письмо зальцбургского архиепископа, Теотмара, написанное в 900 году. Согласно всему этому за легендой о белом коне скрывается признание, что в 894 г. теснимый франками и болгарями моравский властитель Святополк заключал союз с венграми по оногурскому образцу с использованием таких реквизитов клятвы, как рассеченная надвое собака, вода, седло, узда и трава.⁵³ Предположение, подсказанное данной параллелью, стало общепринятым.⁵⁴

Если разбить на элементы вышеупомянутый болгарский обряд, в нем можно выделить три не всегда непременно сопутствующие друг другу части: 1. кровный союз (питье крови), 2. обряд передачи земли, связанный с конем, 3. рассечение собаки. Однако, заключение договора описано не очевидцем, либо же с течением времени текст был испорчен, о чем можно судить на основе отрывка, повествующего о подобном же заключении мира в биографии св. Людовика, французского короля, составленной Joinville-м. С этим эпизодом мы и сличали текст. Когда византийский латинский император заключал союз с половцами против никейского императора Вататзеса, половцы "... для того, чтобы верно помогать друг другу, пожелали, чтобы император и другое знатное лицо поранили бы себя и смешали бы свою кровь в большом серебряном кубке. И король половцев и другое знатное лицо из них сделали так: их кровь слили с кровью наших людей, смешали с вином и с водой, и они отведали, и наши люди тоже пили; и говорили тогда, что они стали кровными братьями. Затем же привели собаку и поставили между нашими и их людьми, и вместе с нашими людьми они мечами разрубили ее; и говорили, что пусть и они будут так же разрублены на куски, если обманут друг друга."⁵⁵ Таким образом можно считать несомненным, что

стороны пили не собачью кровь, а кровь друг друга. Рассечение на куски собаки символично означает "анафему, проклятие в христианских клятвенных текстах, которое вступает в силу, когда клятва нарушается".⁵⁶ Родственные нам народы, например, – согласно записи от 1484 г. – давали клятву над медвежьей шкурой и своими мечами рассекали ель, говоря: кто нарушит клятву, того небесные силы пусть так же накажут.⁵⁷ Однако, когда венгры заключали договор с баварцами или с моравами и клялись "собакой или волком или другими безбожными или языческими вещами", как описывает это Теотмар,⁵⁸ там никакой роли не играл никакой белый (или не белый) конь.

Анонимус запечатлел заключение кровного союза среди венгерских племенных вождей при обретении родины: "каждый приносил присягу, лил свою кровь по языческому обычаю в специальный кубок." Заявление же о том, что "должна быть пролита кровь изменника", позволяет предположить, что не обошлось при этом и без рассечения собаки. Но (белый) конь и здесь не фигурирует.⁵⁹

Присутствие нарядно убранного коня может быть отмечено только при заключении договоров о передаче конкретной территории, во всех других случаях мы можем говорить лишь о кровном союзе и о разрублении собаки или волка. В венгерской же легенде о белом коне получила место лишь та часть, которая говорит о передаче территории, два же других элемента отсутствуют. Чем можно объяснить такую неполноту?

5. При заключении византийско-болгарского союза обе договаривающиеся стороны – император Лев V и болгарский каган Омуртаг – присутствовали лично, принимали участие в ритуальном действии, подобно тому, как это было с латинским императором Балдуином II и князем половцев при соглашении, о котором рассказывает Joinville. Но не так обстоит дело в сюжете венгерской легенды. Ключ к решению – по нашему мнению – белый конь, вернее белый цвет коня. Дело в том, что этот цвет обладает особой ролью в мистике цветов как у венгров, так и у других родственных нам народов, а также и у народов, ранее находящихся с нами в связи.

Вогулы молятся "белому божеству, проходящему по семи границам творения", буряты называют духов предков "белоберезовыми господами", духи у удмуртов тоже "одеты в белые платья", "в белые рубахи и штаны старцы". Белый волк – демоническое существо, хранитель домашнего очага – белый змей. У наших родственников, живущих на Оби, бог-предок сидит на самом верхнем небе на молочно-белом троне, его жена – "белая госпожа", которая может быть связана с нашими представлениями XI в. о красивой женщине.

Шаман, поддерживающий связь с духами, также отправляется в загробный мир на "белоснежном коне", т.е. на барабане из кожи белого жеребенка, и совершает гадальные, жертвенные, заклинательные, вызывающие духов обряды с помощью предметов из березы перед "семиветвевой святой березой" или же перед белыми идолами, сделанными из белой березы, покрывалом которых служит шкура белого оленя.

Место захоронения предков, роши для жертвоприношений также часто наделяли определением "белый". Не исключено, что на это же указывают и некоторые древние названия наших мест – Белая церковь (предполагаемая могила Арпада), Белый град (место захоронения Св. Иштвана), Шар (могила Шамуэля Аба), Сегсард (могила Бела I) – которые говорят о том, что здесь покоятся тела известных героев, в то время как их души отправились по означенному как "белый путь" или "млечный путь" "пути сражений" в загробное странствие.

Животное, предназначенное в жертву "небесному отцу" – белая лошадь или олень, реже – баран. Если не было под рукой белых животных, то приносимых в жертву отмечали белым платком или лентами, чтобы древняя печать принадлежности обязательно была на них. В наших народных обрядах белая лошадь, в которую переселилась душа умершего, играет значительную роль. Жители области Секей считают родство по "белой лошади". Но она используется и для предсказания (*hippomanteia*) браков, бед, смерти. Кое-где при клятвах наступают на череп белой лошади, и ей отведена роль в обряде, связанном с рождением ребенка. Многочисленные пословицы указывают на старинную

сакральную функцию белой лошади, напр., "его лягнула белая лошадь" (= он умер), "правду привозят на белой лошади" (= смерть не разбирает) и т.д.

Белый цвет, значит, заранее говорит о предназначении к тому, чтобы животное в загробном мире пополнило стада предков, которые там пасут "белых оленей", "белоснежных жеребят". И в наших сказках лошадь мертвого молодца – "белоснежная", герой разыгрывающегося в загробном мире действия странствует "на белой лошади в сопровождении белой собаки", по народным верованиям "смерть ездит на белой лошади", души умерших везет "белая лошадь" и "Бог любит белую лошадь". Вогулы также полагают, что "белая лошадь" – это "лошадь Бога", или "лошадь духа идола", "скакун Numi Torem".⁶⁰

Белый цвет, значит, является декларативным цветом душ умерших, духов предков, могущественных духов загробного мира, животные же, имеющие белый цвет, заранее предназначены для жертвоприношения им. Поэтому мы считаем, что белого коня из легенды также предназначали не живому человеку, а духу ранее умершего вождя.

6. В памятниках венгерской письменности осталось множество документов о "вспрыскивании" удачи, которое, очевидно, в начале всегда сопровождалось "закланием коней", и наши археологи раскрыли множество могил эпохи обретения родины, которые свидетельствуют о ритуальном заклании коней при захоронениях наших предков.⁶¹

Стоит отметить, что Анонимус великодушно одаривает конями своих героев. Киевские и суздальские князья посылают Алмашу "тысячу лошадей с украшенными по-русски седлами и сбруей (*mille equos cum sellis et frenis more Ruthenico ornatis*)", господин Ладомерии послал "триста лошадей с седлами и уздами (*CCC equos cum sellis et frenis*)", галичский же князь послал "десять отличных арабских скакунов и триста других лошадей с седлами и сбруей (*X farisios optimos et CCC equos cum sellis et frenis*)".⁶² Здесь, однако, цвет лошадей не имеет значения. Совсем другое положение было, когда Арпад послал 12 лошадей Шалану: они были белыми (*misit ei XII albos equos*), что позднее не упускает подчерки-

вать венгерский вождь (*pro pretio ei misimus XII albos equos*).⁶³ Таким же образом поступил Арпад – по представлению мастера П. – и с Менмаротом, которому он послал такой же подарок, как раньше Шалану (*misit ei donaria sua, sicut primo miserat Salano duci*).⁶⁴ Свод хроник XIV века также говорит о белой лошади,⁶⁵ но об этом же повествует и Пожоньская Хроника (*equum album*),⁶⁶ и даже немецко-язычная хроника Мюгельна (*rosze, daz waz grosz und weyz*).⁶⁷

Мы располагаем и другими данными о приношении в дар белой лошади. Посольство короля Белы II в 1134 г. послало к немецкому императору "Петра, епископа фехерварского" (Фехервар = Белый град [sic]!), и в подарок отправило с ним "двух снаряженных белых коней, одно седло которых содержало 26 золотых марок".⁶⁸ Родители умершего в Париже дьяка Бетлехема монастырю Св. Женеьевы "щедро предложили в дар и белую лошадь" за спасение души своего сына.⁶⁹ Документ от 1383 г. свидетельствует о том, что наследник выкупил эту лошадь за деньги у монастыря и на ней отправил в последний путь прах оставившего наследство.⁷⁰ Имеются также данные о подобной роли дара лошади, относящиеся к XVI–XVIII вв., а также и в позднее записанных народных сказках.⁷¹

Мы считаем необходимым отметить, что лошадь, приносимую в дар, нельзя было перед этим использовать, значит – хотя она была снаряжена седлом и сбруей – она должна была быть необъезженным, чистым животным.⁷² Для чего же нужно было снаряжение? Золоченое снаряжение, как мы это уже видели в случае дара Белы Слепого, должно было выразить равноправие сторон. Раскопки многих захоронений аварских вождей или находки из могилы гепидского князя в Мадараше доказывают это.⁷³ И подтверждает это и живший в XVI веке Махмуд Терджюман, который, хорошо зная турецкие вассальные обычаи, в своем произведении пишет о том, что Святоколку, который должен был быть покорен, была послана белая лошадь всего лишь "с серебряным седлом."⁷⁴

Снаряженную белую лошадь предназначали в качестве выкупа за выбранную территорию, следовательно, согласно древнему венгерскому обычаю купли-продажи с ней вместе

полагалось давать снаряжение.⁷⁵ Полагалось богатое снаряжение и жертвенным лошадям умерших, как об этом свидетельствуют уже указанные аварские, гепидские или венгерские находки или положенное в могилу Аттілы "лошадиное снаряжение, блистающее разными драгоценными камнями."⁷⁶

7. Легенда о белом коне значительно отличается от общепринятого (и уже у Аристотеля рассматриваемого как соответствующий скифским обычаям знак преклонения) обряда собственно-ручной передачи земли и воды (иногда травы).⁷⁷ Традиции завладения силой плодородия у родственных нам народов являются тому хорошим примером: в скудное время сначала высматривалась плодородная территория, находящаяся в руках какого-либо соседнего сообщества, затем оттуда в тайне добывалась земля, трава (колосья) и вода, чтобы тем самым завладеть духом плодородия этой земли. После этого – иногда даже и после военных столкновений – похищенное "плодородие" выкупалось и явно.⁷⁸ Венгерская легенда по своему построению сходна с этой традицией: Кушид сначала, исполняя миссию посла, тайно добывает землю, траву и воду Святополка, а затем уже те же блага добываются официально за коня.⁷⁹ Разница только в том, что легенду, указывающую на типично земледельческие обычаи, наши предки переделали, сообразуясь со своим животноводческим образом жизни. (Это не является единичным явлением, ведь, по всей вероятности, Св. Иштван запрещал рассказывать в деревнях в первую очередь сказки, типа "Сын белого коня", относящиеся к земледельческому образу жизни.)⁸⁰

В истории обман заключается в том, что моравский предводитель обольщает себя надеждой на то, что вышеупомянутый конь предназначается в подарок ему лично, в то время как он был предназначен предку – основателю империи. Приняв дар, законный наследник, как бы представляя этого предка, принял плату за землю, и тем самым договор вступил в силу. Однако, он осознал это лишь тогда, когда венгерский посол предупредил его. Тогда он сам приказывает отдать "выкуп" тому, кому он законно принадлежит, т.е. убить белого коня деревянной дубинкой, предназначенный для умерщвления жертвенных животных (*equum illum*

malleo ligneo interficiant;⁸¹ при жертвоприношениях было запрещено применять металлические предметы), принести ее в жертву предку, а также и снаряжение предать тлению. Этим действием, сопровождаемым отрицательным ответом, была фактически объявлена война венграм. (Не исключено, что хитрый венгерский посол, который представил жертвоприношение коня излишним, хотел получить еще больше преимуществ, ведь предок должен был страшно рассердиться на своего потомка, если бы тот не отдал ему того, что ему полагалось). Значит, этот ведущий переговоры с венграми, а затем готовящийся к битве с ними предводитель никак не мог быть самим Святополком.

Он не мог быть им, т.к. из вышесказанного вытекает, что венгры считали Святополка предком-владельцем, хозяином данной земли. Это выясняется из рассказа Константина, возкикшего около 950 г.⁸² (если информатором был венгр), но и венгерская хроника говорит в связи с Маротом, что Святополк, "его сын, был новым правителем" (*fillius vero in dominando novus erat*).⁸³ К тому же выводу приходит и зальцбургский архиепископ Теотмар, когда в 900 г. пишет о том, что папа послал ученика Мефодия Вихинга к такому новому в вере народу, который был обуздан Святополком в битве и обращен им в христианскую веру.⁸⁴ Если это было так, то на данной территории никогда не господствовали Моймир I и Рагислав; это земля была владением Святополка и только его.

За последние двадцать лет во многих исследованиях получила распространение версия о том, что фигурирующая в исторических источниках Великая Моравия (*Megalé Morávia*) в южной части Алфельда простиралась по обоим рекам Кереш, а также по рекам Марош, Темеш, Тисса и Дунай, вклинивалась в междуречье Савы и около Серема (Сирмиум; Сремска Митровица) подходила к Саве.⁸⁵ (В основном, значит, она совпадала с названной Анонимусом империей Шалана.)⁸⁶ Об ее истории нам известно немного: после распада аварской империи, здесь, очевидно, образовался слабо связанный конгломерат принадлежащих разным народностям и организованных по принципу большинства земель. На эти территории могли претендовать как болгары, так и франки.

8. Организация этой территории, следовательно, как в византийской и франкской, так и в венгерской традиции связывается с именем двоюродного брата моравского предводителя Растислава – Святополка. Когда же и как это могло произойти – об этом мы можем строить лишь гипотезы.

Раздор между аvarами и франками в 788 году вынудил Карла Великого пойти на окончательную расправу с опасными восточными соседями, и поэтому он в 791 году начал поход против Аварии сразу в трех направлениях, однако из-за начавшегося таинственного падежа лошадей войска дошли лишь до Рабы. Значительных успехов франки добились лишь тогда, когда среди аvarов началась гражданская война, в которой погибли их вожди и многие из знати. Во время этого внутреннего раздора резиденцию каганата разграбили сначала граф Эрик Фриаульский и славянский князь Войномир в 795 г., а затем через год прибывший на покорение аvarской империи итальянский король Пиппин. Франки – согласно не свободному от преувеличений рассказу их летописцев – взяли под свою власть Норикум и Паннонию, междуречье Дуная и Тиссы разгромили и выгнали оттуда население, аvarов же, еще оказывавших сопротивление, прогнали за Тиссу.⁸⁷ На самом же деле аvarы еще и между 797 и 802 гг. наносили баварским войскам тяжелые удары, и лишь в 803 году, когда армия франков вернулась в Регенсбург после незначительного похода, аvarская знать объявила здесь о том, что они спешно подчиняются императору. Тому могла быть лишь одна причина: именно в это время против аvarских владений начал свое выступление болгарский хан Крум.⁸⁸

Целью этой военной операции было занятие территорий вдоль рек Марош и Дунай, представлявших собой лучший в то время путь доставки соли из южно-трансильванских соляных копей. Богатый болгарский археологический материал из этого чрезвычайно важного в экономическом отношении края между Марошкарной и Чомбордом доказывает наличие здесь и болгарского населения. Болгарские памятники, разбросанные вдоль упомянутого пути доставки соли, могут указывать и на вероятность военного завоевания,⁸⁹ но все же в той массе, которая населяла Южный Алфельд, мы должны в первую очередь считаться с

народностью, археологическое наследие которой отличается от материала, обычно называемого славянским или болгарским.⁹⁰

Письменные памятники также свидетельствуют о том, что в данных областях не могло иметь место настоящее покорение, ведь в 818 г. славянские племена, жившие по болгарским рекам Тимок и Морава – тимочане и преденецентуши – или под другим названием абодриты, восстав против своих господ, "переселились к границам франков", т.е. на территорию будущей Великой Моравии. Осев здесь, они обратились за помощью к германско-римскому императору Людовику Кроткому, чтобы иметь возможность защитить себя от нападений болгар, а взамен приняли вассальную зависимость от него и посылали ему каждый год подарки.⁹¹ Это впоследствии стало источником франко-болгарских раздоров, продолжавшихся десятилетиями. Военной помощи франков, на которую рассчитывали абодриты – после безрезультатно тянувшихся франко-болгарских переговоров о границах – они не получили, и поэтому когда войско хана Омуртага около 826 г. выступило против них, они должны были подчиниться власти болгар. После того, как болгары, плывя по Драве, в 827 г. вторглись и в Паннонию франков, опустошили территории "огнем и мечом", заменили местных начальников болгарскими военными и принудили побежденных платить дань, франки долгое время были вынуждены лишь обороняться. В конце концов в 832 г. было принято соглашение о разделе сфер влияний, которое несколько раз возобновлялось.⁹²

Болгары же и после укрепления их власти не заняли южную часть Карпатского бассейна, в строгом смысле они, по всей вероятности, преследовали целью лишь обеспечить за собой территорию добычи соли и путь ее доставки, и если даже прибавить к этому охранную зону, их господство не могло простирается за обе реки Кереш. На регионы, находящиеся к северу, которые баварский географ IX в. называет "провинциями с неизмеримым болгарским распространением и густым населением",⁹³ их власть распространялась лишь формально (номинально). На этих территориях едва ли могла в начале 820-ых годов образоваться та Моравия, в которой правил Моймир I и народы которой зальцбургский

архиепископ Адалрам и пассаунтский епископ Регинхариус обращают и крестят уже около 830 г.⁹⁴ Ко времени образования Святополком Великой Моравии – по свидетельству Константина Багрянородного – ее народы – еще язычники,⁹⁵ и именно он принуждает их принять христианство,⁹⁶ что и происходит около 870 г., ведь Джайхани уже считает их христианами.⁹⁷

Таким образом, кажется, что области по обоим берегам рек Кереш, по Марошу, Темешу и Тиссе, на которые локализует Великую Моравию византийский император,⁹⁸ находятся в руках болгар и в четвертом и в пятом десятилетиях IX века, хотя встречающееся как в грамотах франков, так и в вердунском соглашении "*terra Avarorum et Hunnorum*", вероятно, отражает правовое притязание франков на весь Карпатский бассейн.⁹⁹

Указанная территория вновь привлекает к себе внимание, когда князь северной Моравии Растислав I – назначенный на место мятежного Моймира I еще в 846 г. самим Людовиком Германским – отделился от франков и с помощью болгар – которые в 852 г. в Майнце не могли добиться через своих послов франко-болгарского мира – с 853 г. начал успешно бороться против них. Нападения посланных против него экспедиционных войск не приносили результатов, и даже армия, руководимая лично правителем, не могла добиться каких-либо значительных успехов (855). Поэтому он сместил, обвинив в предательстве, маркграфа Ратболда и назначил на его место своего сына, Карлманна (856).¹⁰⁰

Болгаро-моравский союз нарушал интересы как Византии, так и франков, поэтому они понуждали сербов и хорватов к выступлению против болгар. Таким образом Византия освобождалась от бремени, император же франков мог свободно выступить против моравов.¹⁰¹ Тогда стало очевидным, что восточные пограничные княжества, находящиеся в клещах между болгарами и моравами, постоянно подвергаются опасности, и поэтому целесообразно создать буферное государство у болгарских границ. Очевидно для этого создались наиболее благоприятные условия в 858 г., когда Людовик Германский привел в движение сразу три армии для стабилизации границ. Не исключено, что одна из них выступила как раз против тимочан и абодритов, называемых иначе предене-

центушами,¹⁰² в результате чего и образовалась Великая Моравия. Это представление поддерживают и те источники, которые указывают на то, что образованию империи Святополка сопутствовало вооруженное выступление.¹⁰³ Ведь Святополк воспитывался при дворе франков и, как об этом свидетельствуют его позднейшие действия, был в очень хороших отношениях с Карлманном.¹⁰⁴ Его личность как нельзя более подходила для того, чтобы сделать указанные территории верными императору Людовику Германскому, ведь сам он, не будучи франком, мог вызвать меньше подозрений у болгар, а с другой стороны его славянство могло вызвать симпатию в кругах большого количества славян, поселившихся среди аваров на территории южного Алфельда. Однако, если бы это покорение произошло с помощью оружия, невозможно было бы представить себе, чтобы болгары не ответили на удар, но об этом нет никаких сведений. Каким же образом эта территория все же оказалась под властью франков?

Праисточник тех отрывков легенд, которые, хотя бы касаясь данной темы, сохранились в источниках, указывает на данную территорию. Константин рассказывает о хитром завоевании Далматии южно-алфельдскими аварами, но в то же время в истории об основании Венеции несколько раз называет Аттилу аварским королем, в то время как в связи с жившими здесь славянами он говорит лишь об их "старых жупанах".¹⁰⁵ Таким образом, возможно была жива связь между алфельдскими и далматийскими аварами, и не исключено, что именно поэтому более поздний венецианский источник называет повелителя Великой Моравии Святополка и далматийским королем.¹⁰⁶

Согласно венгерской хроникальной традиции над болгарами и месснанами – это название соответствует моесийцам в источниках¹⁰⁷ – также господствовал Святополк,¹⁰⁸ однако согласно ей ранее Аттила женился на дочери тогдашнего властителя этой территории,¹⁰⁹ а т. наз. история гуннов перемешивается с событиями аварского периода.¹¹⁰ Такой взгляд отражается и на изображении более поздних событий, ведь даже и Кеант, бывший правитель юго-восточных провинций Карпатского бассейна в X в., награжден титулом "*dux Bulgarorum et Sclavorum*".¹¹¹ Анонимус же считает

Кеанта болгарским властителем в Гестае и предком властителя Шалана, который подчинил своей власти весь Алфельд и поселил здесь болгар и славян.¹¹² Потомок же его при дипломатической и военной помощи болгар пытался остановить нападение венгров,¹¹³ которые под руководством Алмоша "по праву наследия, перешедшего к нему от его предка, короля Аттилы", требовали себе территории.¹¹⁴ Другой южно-алфельдский вождь, Глад, предок Айтони, тоже считается потомком Видина, а также тем, кто воевал с помощью болгар.¹¹⁵

Возможно, на это событие, на приписываемое самому Святополку (на самом же деле все происходило под эгидой франков) завоевание страны, могут указывать слова позднего источника, относящиеся к победе над жившими здесь оногурами: "Панноны же, которые тогда жили в Паннонии, все были римскими пастухами, и десять сильных королей господствовали над ними везде в Моесии и в Паннонии." (И в этом произведении к этому замечанию присоединено имя Аттилы, только он назван венгерским вождем.)¹¹⁶ Другие источники также говорят о том, что здесь жили "римские пастухи", были "римские пастбища", а также и о том, что после Аттилы здесь господствовали¹¹⁷ "principes Romanorum" (правда, только до Дуная), и что сюда они поселили своих пастухов.¹¹⁸

Этой же территории касается и сообщение зальцбургского архиепископа Теотмара, согласно которому епископа Вихинга (монаха паннонского архиепископа сирмиумской резиденции Св. Мефодия) папа "послал к новому в вере народу, который Святополк покорил в бою и добился, чтобы он стал из языческого христианским." Для нас, возможно, не безразлично и то, что этот народ назван в *Conversio Baguariorum* гуннами (а не аvaraми), которые сменили славян в Карпатском бассейне.¹¹⁹ Согласно же венгерским хроникам прошли десятилетия от заката власти гуннов до выступления Святополка.¹²⁰ Если под гуннами – согласно вышеуказанному – понимать аваров, то Святополк пришел к власти примерно в 858–860 гг., через десять лет после распада еще считавшейся самостоятельной в вердунском соглашении Аварии.

Однако, опять же остается не решенным вопрос: как он пришел к власти на этой территории?

Симеон Кезайский после рассказа об истории гуннов пишет следующее: "В конце концов выступил один польский князь, Святополк, сын Марота, который, подчинив себе Бракту (*Bracta subiugando*), господствовал над болгарами и мессианами, и таким же образом начал править в Паннонии после гибели гуннов".¹²¹ В сущности, то же самое можно найти и в собрании хроник XIV в.¹²² Принятая в кругах филологов гипотеза, ссылающаяся на роман Александра Великого, отождествляет название Бракта с Бактрией¹²³ (существовала когда-то на территории теперешнего Афганистана), но в данном эпизоде это, по нашему мнению, совершенно невозможно, и даже ни одно из мест, с которыми можно было бы считаться по сходству звучания,¹²⁴ не может быть принято, т.к. указанную Бракту нужно искать где-то на границах между тогдашней Моесией и Паннонией.¹²⁵ Возможно, опорным пунктом могло бы послужить встречающееся в вышеприведенной истории словосочетание "*rex Waractanorum*",¹²⁶ которое можно связать с локализованным в Западном Задунайском крае старинным названием народа "*marcha Wangariorum*",¹²⁷ либо можно было бы принять во внимание тот факт, что арабские путешественники того времени писали название Болгарии как *Barquārun*.¹²⁸ Указанное название можно было бы считать искажением одного из этих написаний, если бы филология могла это доказать.

Интересно, однако, посмотреть, в каких случаях это название фигурирует в источниках. Кезайский еще считает, что Св. Урсула была дочерью короля британцев,¹²⁹ но в некоторых вариантах хроник британцы уже превращаются в брактанов.¹³⁰ Интересным дополнением можно считать указание, (напр., встречающееся в польско-венгерских хрониках) на то, что Аттила просил руки Урсулы, которая ему, разумеется, отказала.¹³¹ Проявляется это название и в описании смерти Аттилы, который, по всей вероятности, женился на дочери Миколта, короля брактанов.¹³² Невозможно не заметить, что эта "страна" или этот "народ" попадает в хроники всегда в связи с планом заключения брака или его реализацией. Что же мы предполагаем? Что в оригинале

легенды фигурировало славянское слово брак (бракъ),¹³³ и из него позднейший переводчик создал название страны или народа.

В хрониках Святополка называют поляком по происхождению, что, конечно, ошибочно, но это доказывает, что в Южном Алфельде знали о том, что он не местный уроженец, а пришел с севера. Его же настоящее происхождение (моравец), став именем собственным, попало в эти источники в качестве имени его предка – Марот.¹³⁴

Имея в виду все сказанное, может быть не будет слишком большой дерзостью предположить, что непосредственно перед обретением венграми родины в южной части Карпатского бассейна и в находящейся с ним в тесных культурных связях Далматии начался процесс рождения легенды большого формата, (считающейся теперь аварской или оногурской), формировавшейся вокруг личности Атилы и спрессовывающей огромный исторический материал. Легенда воспевала дела короля (гуннов) и его народа, но в то же время острие ее было направлено против Святополка, считавшегося узурпатором власти. Не исключено также, что певцы-сказители уже тогда отливали в форму легенды свои надежды на возвращение наследника Атилы "королевича Чабы". В этом собрании легенд, возможно, был эпизод из истории Святополка, который каким-то образом (пользуясь языком легенд и сказок) – "получил руку дочери местного властелина (болгарского или аварского кагана) и с ней полцарства." О том, что эта легенда могла быть только местного происхождения, свидетельствует то, что в наиболее популярном среди венгров рассказе (истории о белом коне) владельцем земли до обретения венграми родины считался Святополк.¹³⁵ В то же время эти легенды, собранные в своих интересах епископом пассауанским Пилигримом, с его помощью попав на запад, стали органической частью образовавшегося эпоса, и, описав круг, снова вернулись к нам.¹³⁶

Следовательно, получение страны Святополком путем женитьбы могло иметь место около 858–860 гг. Новый правитель, использовав мятеж князя Карлманна против своего отца, быстро стал самостоятельным и около 862 г. вместе с Рагиславом отправил послов к византийскому императору Михаилу III просить

· миссионеров.¹³⁷ Эта попытка раскола побудила Людовика Германского, очевидно настраиваемого церковью, принять в 863 г. решение заключить союз с затронутыми этими событиями болгарами и напасть на моравцев.¹³⁸ Причиной тому, что эта акция – во всяком случае на первый взгляд – не принесла франкам значительных успехов, очевидно, было то, что Святополк, обладавший удивительным дипломатическим чутьем, и в дальнейшем взял на себя обязанности вассала по отношению к болгарам.

В это время прибывшие на моравскую землю Кирилл и Мефодий, которые 3 года распространяли здесь свое учение, отправились сначала в Византию, а затем в 867 г. в Рим.¹³⁹ Как известно, в вечном городе Св. Кирилл 14 февраля 869 г. скончался. Папа рекомендовал Мефодия, собиравшегося возвратиться в Карпатский бассейн, трем – очевидно еще независимым друг от друга – моравским князьям: Ростиславу, Святополку и Коцелю, а вскоре после этого посвятил его в архиепископы Паннонии.¹⁴⁰ Этот шаг Адриана II глубоко задел интересы немецкого духовенства, и не исключено, что именно они подговорили Людовика Германского раз и навсегда покончить со славянами. Император послал своего сына Людовика во главе тюрингцев и саксонцев против сорбов, армию другого своего сына – Карла, состоящую из франков и аламаннов, он направил против Ростислава, в то время как Карлманн выступил по паннонскому военному пути в направлении Регенсбург–Вена–Баден–Шопрон (т.е. на юго-восток) против Святополка.¹⁴¹ Только эта последняя армия добилась значительных успехов, когда Святополк, исходя из политических интересов, "вместе со страной, которой он владел", подчинился Карлманну. Таким образом, сконцентрированные силы франков заняли в 870 г. и княжество Ростислава.¹⁴² Интересно, что после подчинения Святополка при франкском дворе вновь появляются *авары*, платящие дань.¹⁴³ Начиная с этого времени, Святополк ввязывается в политическую борьбу северной Моравии, в Великой же Моравии – на образование которой в 870-ых годах указывают и географические уточнения т.наз. Географа Баварского,¹⁴⁴ и Альфреда Великого,¹⁴⁵ а *Conversio*, говорящее о моравцах, живущих над Дунаем, позволяет предполагать, что были и моравы южные¹⁴⁶ – всеми

делами управляет военоначальник. Об этом управляющем – очевидно речь идет о самостоятельной территории – Ибн Руста замечает следующее: "Имя их начальника Субандж. Ему они подчиняются, его приказы выполняют. Живет он в центре страны славян. Самый знаменитый из них – это упомянутый муж, которого называют начальником начальников и которого зовут Святополк (Sz.w.jj.t.b.l.k). У него более высокий ранг, чем у Сумбаджа, последний является его заместителем."¹⁴⁷ Святополка, значит, во время создания этого описания, нет в упомянутой провинции, за него правит находящийся в его резиденции Субандж. (Возможно, он хотел так, – т.е. признав власть болгар, и сохранив свою независимость от франков, воспрепятствовать созданию франко-болгарского союза против моравцев.) В имени Сумбадж не трудно узнать титул военного начальника района, облагаемого данью, спанбад, введенный в персидской империи Корсау Аносирваном I (531–579), и, очевидно, перенятый в свой язык аварами в Карпатском бассейне.¹⁴⁸

В источниках сообщается, что в 892 г. Арнульф хотел заключить союз с болгарами против моравцев, и что послы его стремились, обойдя находящуюся на юге Великую Моравию, достигнуть мест назначения и уговорить болгарского властителя хотя бы не давать моравцам соли.¹⁴⁹ Мы не знаем, были ли успешными их старания, но, имея в виду, что венгры почти одновременно нападают в качестве союзников франков и на моравцев, и на болгар, можно сделать вывод, что нет. О том, что в данном случае речь могла идти только о Великой Моравии, свидетельствует сообщение о том, что венгры начали требовать себе северную Моравию с ее народом лишь после смерти Арнульфа.¹⁵⁰

Когда же затем в 894 г. Святополк завещает свою землю сыновьям, Моймир II получает территорию теперешней Западной Словакии, Святополк II – Моравию, а третий сын, которого очевидно звали Предславом – получает Великую Моравию.¹⁵¹ Значит, по смерти Святополка после 894 г. Предслав мог быть тем правителем, которого венгры встретили на Алфельде и которого,

поскольку они его "обманули", окрестили Шуланом (чалан = обман).¹⁵²

С кем же, собственно говоря, заключили договор венгры?

9. При ответе на этот вопрос мы должны сослаться на предупреждение Густава Венцеля, сделанное в 1850 г., о том, что обретение венграми родины делится на два отрезка: 1. символическое занятие земли, 2. завоевание земли с помощью оружия.¹⁵³ Оба события имели место в 895 г., т.е. после смерти Святополка. Значит, в обоих случаях потерпевшим был Шулан (Чалан), т.е. Предслав. С ним венгры вели переговоры, добыв из его земли "землю, траву и воду". Белого коня они тоже отвели к нему, но не ему в подарок. По белому цвету коня он должен был догадаться, что конь предназначался в дар духу его отца, Святополка – исконного властителя этой территории.

У родственных нам народов вплоть до наших дней сохранился старинный обычай при перемене места жительства, при занятии новых территорий приносить жертву предполагаемому прежнему владельцу, "господину старого кладбища", в качестве выкупа и соблюдать определенный, отражающий беды, ритуал.¹⁵⁴ В конечном итоге это же сделали и наши предки. Их обычай прекрасно освещает одна легенда буковинских секейцев: "Аттила сражался с гуннами против императора Восточного и Западного. Большая была у того армия, но и эти сражались вместе со своими духами. И так побили они императора Восточного и Западного и победили. Знаю об этом только, что место, где они шли, называется путем Сражений, что Млечный путь называется путем Сражений. По нему и шли эти духи."¹⁵⁵ Отвлекаясь теперь от истории гуннов, отметим, что и наши предки времен обретения родины верили, что духи их предков борются вместе с ними. Однако, когда им пришлось в панике бежать из междуречья Этела и оставить там без надзора могилы предков и жертвенные рощи, по их верованиям эти духи не последовали за ними, чтобы помогать им в битвах.¹⁵⁶ Они, значит, оказались в невыгодном положении по сравнению с Шала́ном (Предлавом), которому помогал дух его могущественного предка – Святополк со своей невидимой дружиной.

Первым актом обретения родины, реализовавшимся в приношении белого коня, было заключение договора со Святополком. Поскольку здесь заключается сделка с духом, естественно, что должны быть опущены также известные и из византийских заключений договоров эпизоды, как кровный союз и разрубление собаки, ведь одна из сторон, поскольку это мертвец, не в состоянии ни пролить свою кровь, ни поднять меч на собаку. Принявший дар законный наследник (Предслав-Шалан) позднее догадывается обо всем, и тогда ему уже не остается сделать ничего другого, кроме как принести в жертву коня тому, кому он был предназначен – Святополку. Дух-предок теряет право и возможность выступить на стороне своего наследника. Этот хитроумный дар в сущности является психологическим военным маневром: с одной стороны, он влил энергию в ранее потерпевших поражение и павших духом венгров, с другой же стороны, он вызвал страх в рядах их противников, внушая мысль о роковом для них исходе боя (ведь даже их предки отвернулись от них).

Таким образом, вопрос мог быть решен или соглашением живых, или с помощью оружия. Моравский князь, как известно, договорился с союзниками и выбрал оружие. Последовало второе действие обретения родины – война, которую теперь выиграли обладающие психологическим (и военным) преимуществом венгры. Спасаящийся после решительного столкновения моравский князь утонул в Тиссе или в Дунае. Это обстоятельство также исключает его тождество со Святополком, который умер совсем по-другому. Становится вполне понятным также, почему, когда франки, венгры и поляки делили между собой северную Моравию, фигурировали только двое сыновей (Моймир II и Святополк II) Святополка: ведь третий сын (Предслав) погиб задолго до этого.

К сожалению, доводы, построенные на отрывках из древних легенд – как это обычно бывает с письменными памятниками – зыбки, однако, они, возможно, достаточны для того, чтобы в качестве рабочей гипотезы выдвинуть некоторые положения:

Мы предполагаем, что женитьба Святополка в одном из южно-алфельдских ханств (аварском или оногурском), находящемся под болгарским началом, была сначала залогом фран-

ко-болгарского мира, а затем и мораво-болгарского сотрудничества. На указанной территории болгарская власть могла быть лишь очень слабой, она могла распространяться лишь на провинцию трансильванских соляных копей, населенную крепко удерживаемыми в руках поселенцами-болгарами и вытесненными из Великой Моравии на восток абодритами (остерабтрези), а также на путь доставки соли.¹⁵⁷ Святополк, этот "князь, питавшийся лишь одним лошадиным молоком",¹⁵⁸ очевидно, попытался в 870-880-х годах объединить находившиеся под его властью территории, но скоро отказался от этого, чтобы сохранить хорошие отношения с болгарами; таким образом, находящаяся в южной части Великая Моравия до конца (и еще во время правления его сына, Предслава) относилась к болгарской сфере влияния. Обретающие же родину венгры эту страну откупали не у Святополка, а у его духа за белого коня, а затем захватили ее с оружием в руках.

Легенда о белом коне, т.е. история обретения родины венграми, таким образом, является очень важным и достоверным источником, который может прийти нам на помощь в раскрытии других слоев легендарной традиции, и в то же время она верно освещает не только военные походы наших предков, но и их верования.¹⁵⁹

КРАТКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Lischev, S.: Zur Frage über die Lage der Stadtgemeinden in den Feudalstaaten der Balkanhalbinsel (X-XV. Jh.). *Études Historiques*, 3 (1966). 95-109.; Моѳр Е.: Az Árpád-monarchia kialakulásának kérdéséhez (К вопросу об образовании монархии Арпадов). *Századok*, 104 (1970). 362-363.; Koszev, D.-Hrisztov, H.-Angelov, D.: *Bulgária története* (История Болгарии). Вр., 1971. 18-19.; Fodor I.: Verecke híres útján... (По славному пути Верецке...). Вр., 1975. 235.; Kristó Gy.: Az alföldi bolgár uralom kérdéséhez a IX. században (К вопросу об алфельдском болгарском владчестве в IX веке). *Acta Universitatis Szegediensis de Attila József Nominatae, Dissertationes Slavicae* 14 (1983). 27-37.

² Bálint Cs.: A Dél-Alföld a IX-X. században. A honfoglalás előestéje (Южный Алфельд в IX-X вв. Накануне обретения родины). *Tiszatáj* 30 (1976). № 10. 29-35.; Szőke B.M.:

A Kárpát-medence a magyar honfoglalás előestéjén (Карпатский бассейн накануне обретения родины). Valóság, 22 (1979). № 12. 11.; Christov, Ch.: La Bulgarie – 1300 ans d'histoire. Sofia, 1980. 28.; Szádeczky-Kardoss S.: A Közép-Duna-medence Árpád előtt (Среднедунайский бассейн до Арпада). [= Fejezetek a régebbi magyar történelemből (Главы из древнейшей венгерской истории). I. (под редакцией Makk F.) Вр., 1981.] 18–20.; Kristó Gy.: A 10. századi Erdély politikai történetéhez (К истории политики Трансильвании в X веке). Századok, 122 (1988). 30–34.

³ Szegfű L.: Vata népe (Народ Вата). Acta Universitatis Szegediensis de Attila József Nominatae, Acta Historica 67 (1980). 12–14.

⁴ Опустелая провинция: Huber, A.: Ausztria története (История Австрии). Вр., 1899. I. 70, 80.; Magyarország története (История Венгрии). (гл. редактор Székely Gy.) I. Előzmények és magyar történet 1242-ig (Предшествующие события и венгерская история до 1242 г.). (под редакцией Bartha A.) Вр., 1984. 372.

Провинция со значительным населением: Szádeczky-Kardoss S.: Über etliche Quellen der awarischen Geschichte des neunten Jahrhunderts. [= Les questions fondamentales du peuplement du Bassin des Carpathes du VIIe au Xe siècle. (red. Gerevich L.) Вр., 1972.] 115–123.; Makkay J.: A magyarság keletkezése (Датирование венгров). Вр., 1993. 34–35.

⁵ С распространением моравов с севера на юг: Ratkoš, P.: Die grossmährischen Slawen und die Altmagyaren. [= Das Grossmährische Reich. (red. Gaus, F.–Filip, J.–Dostal, A.) Praha, 1966.] 227–228.; Havlik, L.: Morava v 9–10. století. Praha, 1978. 96–99.; см. также: Cs.Sós Á.: Die slawische Bevölkerung Westungarns im 9. Jahrhundert. Wiesbaden, 1973. 52–62.; с распространением с юга на север: Boba, I.: Moravia's History Reconsidered. The Hague, 1971.; Püspöki Nagy P.: Nagymorávia fekvéséről (О расположении Великой Моравии). Valóság, 21 (1978). № 11. 60–82.; в результате империобразующей политики Святополка, отправившегося из южной Великой Моравии, с 871–873 гг.: Senga T.: Morávia bukása és a honfoglaló magyarok (Распад Моравии и обретающие родину венгры). Századok, 117 (1983). 307–345.

⁶ Catalogus fontium historiae Hungaricae aevo ducum et regum ex stirpe Arpad descendunt ad anno Christi DCCC usque ad annum MCCCII. (ed. Gombos, A.) Вр., 1937–1938. – в дальнейшем: CFH – 2039.; A magyarok elődeiről és a honfoglalásról (О предках венгров и об обретении родины). (под редакцией Györffy Gy.) Вр., 1975. – в дальнейшем: МЕН – 208.

⁷ CFH 132.; МЕН 211.

⁸ Bőrbanszületett Konstantin: A birodalom kormányzása (Константин Багрянородный: Управление империей). (ed. Moravcsik Gy.) Вр., 1950. 180–181.

⁹ CFH 801.

¹⁰ CFH 157, 216, 314, 1301.

¹¹ CFH 538, 818, 2108.

¹² CFH 813–814.

¹³ CFH 528.

¹⁴ CFH 135.

¹⁵ CFH 1989.

¹⁶ H.Tóth I.: Konstantin-Cirill és Metód élete és működése (Жизнь и деятельность Константина-Кирилла и Мефодия). Bp., 1981. 181.

¹⁷ CFH 463.

¹⁸ Ср. списку 8.

¹⁹ Marczali H.: Magyarország története (История Венгрии). Bp., 1911. 41–42.

²⁰ Macartney, C.A.: Studies on the Early Hungarian Historical Sources. Bp., 1940. 169.

²¹ Sebestyén Gy.: A magyar honfoglalás mondái (Легенды времен обретения родины). I–II. Bp., 1904–1905. – цитата: 2:89.

²² Képes G.: A magyar ősköltészet nyomairól (О следах древней венгерской поэзии). Irodalomtörténeti Közlemények, 68 (1964). 186.

²³ László Gy.: Árpád népe (Народ Арпада). Bp., 1988. 126–128.

²⁴ A magyar irodalom története (История венгерской литературы). (под редакцией: Sőtér I.) I. A magyar irodalom története 1600-ig (История венгерской литературы до 1600 г.). (под редакцией: Klaniczay T.) Bp., 1964. 25.

²⁵ Szűcs J.: Nemzet és történelem (Нация и история). Bp., 1974. 355–356.

²⁶ Bartha A.: A IX–X. századi magyar társadalom (Венгерское общество IX–X вв.). Bp., 1968. 146.

²⁷ Sándor I.: Fehér ló mondája (Легенда о белом коне). [= Magyar Néprajzi Lexikon. гл. редактор: Ortutay Gy. II. Bp., 1979.] 93–94.

²⁸ Horváth J.: Árpád-kori latinnyelvű irodalmunk stílusproblémái (Стилистические проблемы латиноязычной литературы эпохи Арпада). Bp., 1954. 293.

²⁹ I.Tóth Z.: Tuhutum és Gelou (Tohutum и Gelou). Századok, 79–80 (1945–1946). 38–39.; Györffy Gy.: Honfoglalás előtti népek Anonymus Gesta Hungarorumában (Народы до обретения родины в Gesta Hungarorum Анонимуса). Ethnographia, 76 (1965). 416.; Györffy Gy.: A fehér-ló monda háttere (Фон легенды о белом коне). Élet és Tudomány, 33 (1978). 1452.; Thuróczy János: A-magyarok krónikája (Хроника венгров). (перевод: Horváth J.) Bp., 1980. 459.

³⁰ I.Tóth: ук. раб. 38–39.; Györffy Gy.: Krónikáink és a magyar őstörténet (Венгерские хроники и венгерская древнейшая история). Bp., 1948. 94.; Györffy Gy.: ук. раб. (1965) 417.; Csóka J.L.: A latin nyelvű történeti irodalom kialakulása Magyarországon a XI–XIV. században (Формирование латиноязычной исторической литературы в Венгрии в XI–XIV вв.). Bp., 1967. 450.

³¹ Györffy: ук. раб. (1965) 417.

³² Marczali H.: A magyar történet kútforrásai az Árpádok korában (Источники венгерской истории в эпоху Арпада). Bp., 1880. 52.; I. Tóth: ук. раб. 39.; Csóka: ук. раб. 382.; A magyar folklór (Венгерский фольклор). (под редакцией: Ortutay Gy.) Bp., 1979. – в дальнейшем: MF – 139.; Magyar Néprajz (Венгерская этнография). V. Magyar népköltészet (Венгерский фольклор). (под редакцией: Vargyas L.–Istvánovits M.) Bp., 1988. – в дальнейшем: MN – 159.

³³ Sebestyén: ук. раб. 2:89.; Györffy: ук. раб. (1948) 85.

- ³⁴ Kristó Gy.: Ősi epikánk és az Árpád-kori íráshagyomány (Древняя эпика и письменная традиция эпохи Арпада). *Ethnographia*, 81 (1970). 119–123.
- ³⁵ Solymosy S.: Lél-vezér kürt-mondája (Легенда о роге предводителя Леля). *Ethnographia*, 40 (1929). 20.
- ³⁶ Solymosy S.: Monda (Легенда). [= A magyarság néprajza. под редакцией: Visky K. III. Bp., 1934.] 172–174.; Györffy: ук. раб. (1965) 417.
- ³⁷ MF 138–139.
- ³⁸ I.Tóth: ук. раб. 37.
- ³⁹ Kardos T.: Régi magyar drámai emlékek (Памятники старинной венгерской драмы). I. Bp., 1960. 23.
- ⁴⁰ Bartha A.: Hozzászólás Mályusz Elemér előadásához (К докладу Элемера Майуса). *Történelmi Szemle*, 6 (1963). 57.
- ⁴¹ MF 267.
- ⁴² Diószegi V.: A pogány magyarok hitvilága (Верования венгров-язычников). Bp., 1973.; Mítosz és történelem (Миф и история). (под редакцией: Horpál M.–Istvánovits M.) Bp., 1978.; Dömötör T.: A magyar nép hiedelemvilága (Мир верования венгерского народа). Bp., 1981.
- ⁴³ László Gy.: Hunor és Magyar nyomában (По следам Хунора и Мадьяра). Bp., 1967.; Dienes I.: A honfoglaló magyarok (Обретающие родину венгры). Bp., 1974.; Dümmerth D.: Az Árpádok nyomában (По следам Арпадов). Bp., 1977.
- ⁴⁴ *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum*. I–II. (под редакцией: Szentpétery, E.) Bp., 1937–1938. – в дальнейшем: SRH – цитата: SRH 1:287–290.; Перевод, сделанный на основе "Képes Krónika (Иллюстрированная хроника)". (перевод: Bellus I.) Bp., 1987. 45–46.
- ⁴⁵ Jordanes: A gótok eredete és tettei (Происхождение и дела готов). (перевод: Bokor J.) Brassó, 1904. 39.
- ⁴⁶ Widukind: *Res gestae Saxonicae*. [= Monumenta Germaniae Historica. ed. Pertz, G.H. Script. t. III. Hannoverae, 1839.] 418.; Csóka: ук. раб. 383–386.
- ⁴⁷ Heller B.: A fehér ló mondájának egy arab párdarabja (Арабский вариант легенды о белом коне). *Ethnographia*, 27 (1916). 236–238.
- ⁴⁸ Klaniczay: ук. раб. 25.
- ⁴⁹ Ipolyi A.: Magyar Mythologia (Венгерская мифология). I–II. Bp., 1929. – цитата: 1:315–316.; Sebestyén: ук. раб. 2:85–105.; Horváth: ук. раб. 293.; Fodor I.: Verecke híres útján... (По славному пути Верецке...). Bp., 1975. 233.; MF 138–139.
- ⁵⁰ Bartha A.: A honfoglalás (Обретение родины). Bp., 1979. 15.
- ⁵¹ Kristó Gy.: Levedi törzsszövetségétől Szent István államáig (От племенного союза Леведи до государства Св. Иштвана). Bp., 1980. 155, 203–204.
- ⁵² Ipolyi: ук. раб. 1:315–316.; László Gy.: "Feledet adtad fejér lovan..." ("Отдал землю за белого коня..."). [= Számadás népünkéről. Bp., 1986.] 157.
- ⁵³ Györffy: ук. раб. (1978) 1452–1453.

⁵⁴ Bartha: ук. раб. (1979) 15.; Kristó: ук. раб. (1980) 155.; Juhász P.: A totemizmus csökevényei a magyar és a bolgár hiedelemvilágban (Остатки тотемизма в венгерских и болгарских верованиях). [= Tanulmányok a bolgár-magyar kapcsolatok köréből. под редакцией: Dobrev, Cs.-Juhász P.-Mijatev, P. Вр., 1981] 146, 157-158.; Magyarország története (История Венгрии). 1/1. Magyarország története. Előzmények és magyar történet 1242-ig (История Венгрии. Предшествующие события и венгерская история до 1242 г.). (под редакцией: Székely Gy.-Bartha A.) Вр., 1984. 589-590.

⁵⁵ CFH 1230.

⁵⁶ László: ук. раб. (1988) 128.

⁵⁷ Bahrusin, Sz.N.: Osztják és vogul fejedelemségek a XVI-XVII. században (Княжества остяков и вогулов в XVI-XVII вв.). [= A vízimadarak népe. под редакцией: Gulya J. Вр., 1975.] 61.; Ср. еще: Bartha A.: A magyar nép őstörténete (Древнейшая история венгерского народа). Вр., 1988. 341.

⁵⁸ CFH 2200.; МЕН 220.

⁵⁹ SRH 1:40-41.; клятва половцев: SRH 1:46.; Thuróczy: ук. раб. 459.

⁶⁰ Об этом подробнее: Szegfü L.: Ősi szellemi örökségünk (Наше древнее духовное наследие). (в печати)

⁶¹ Ipolyi: ук. раб. 1:316, 2:277-278.; Munkácsi B.: A régi magyar lovastemetkezés keleti változatai (Восточные варианты старинных венгерских обрядов захоронения всадников). Ethnographia, 7 (1896). 297-323.; Sebestyén: ук. раб. 2:103-104.; Szendrey Á.: Az ősmagyar temetkezés (Древние венгерские захоронения). Ethnographia, 39 (1928). 19-21.; Szendrey Á.: A magyar áldomás ("Вспрыскивание" удачи у венгров). Ethnographia, 53 (1942) 123-131.; Bálint Cs.: A ló a magyar hitvilágban (Конь в венгерских обрядах). A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve 1970. 31-42.; Bálint Cs.: A honfoglalás kori lovastemetkezések (Захоронения всадников в эпоху обретения родины). A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve 1971. 2:85-103.; MF 419.; Dömötör: ук. раб. 35.; MN 125-126.; László: ук. раб. (1988) 53-55.

⁶² SRH 1:46-47.

⁶³ SRH 1:54, 81.

⁶⁴ SRH 1:59.

⁶⁵ SRH 1:288.

⁶⁶ SRH 2:32.

⁶⁷ SRH 2:130.

⁶⁸ CFH 442.; Csóka: ук. раб. 449-450.; László: ук. раб. (1986) 157-158.

⁶⁹ Makkai L.-Mezey L.: Árpád-kori és Anjou-kori levelek (Письма эпохи Арпада и эпохи Анжу). Вр., 1960. 115.; Gyallay D.: A fehér ló szerepe a székely hagyományban (Роль белого коня в секейской традиции). Ethnographia, 73 (1962). 389-403.; Csóka: ук. раб. 450.

⁷⁰ Munkácsi: ук. раб. 298.

⁷¹ Rásonyi L.: A székely név eredete (Происхождение наименования "секей"). Magyar Nyelv, 56 (1960). 188.; Berze Nagy J.: Magyar népmesetípusok (Типы венгерских народных сказок). II. Pécs, 1957. 291.

⁷² Sebestyén: ук. раб. 2:102–103.

⁷³ László: ук. раб. (1986) 158.

⁷⁴ A magyarok története (История венгров). (Tarih-i Üngürüz. Madzsar Tarihi). (перевод: Blaskovics J.) Вр., 1982. 170.; к вопросу о роли серебряного знака, László: ук. раб. (1986) 151–159.; Mesterházy K.: Nemzeti szervezete és az osztályviszonyok kialakulása a honfoglaló magyarságnál (Национальный союз и формирование классовых отношений у обретающих родину венгров). Вр., 1980. 112.

⁷⁵ MN 34.

⁷⁶ Jordanes: ук. раб. 116.

⁷⁷ Herodotosz történeti művei (Исторические труды Геродота). IV–VI. (перевод: Geréb J.) Вр., 1893. 4:126 (р. 48), 5, 18 (р. 80); Ipolyi: ук. раб. 1:288.; 2:278.; Binder J.: A fű mint a hódolás jelképe (Трава как символ преклонения). Ethnographia, 13 (1902). 287.; Sebestyén: ук. раб. 2:94–95.; Takács L.: Hant-átadás mint a birtokbavétel jele (Передача кома земли как знак владения ею). Ethnographia, 94 (1983). 573–577.

⁷⁸ Munkácsi B.: Votják népköltészeti hagyomány (Традиции народной поэзии у вотяков). Вр., 1887. 27.; Sebestyén: ук. раб. 2:85–118.; Heller: ук. раб. 236.; Horváth: ук. раб. 459.

⁷⁹ Ipolyi: ук. раб. 2:212.; Sebestyén: ук. раб. 2:85–89.; Molnár E.: A magyar társadalom története az őskortól az Árpádkorig (История венгерского общества от древних времен до эпохи Арпада). Вр., 1945. 40.; Kristó: ук. раб. (1970) 122.

⁸⁰ Szegfű L.: Szent István és a népmesék (Св. Иштван и народные сказки). Tiszatáj, 42 (1988). № 8. 60–67.

⁸¹ SRH 1:289.; Sebestyén: ук. раб. 2:104–105.

⁸² Sebestyén: ук. раб. 2:92–93.

⁸³ SRH 1:164, 282.

⁸⁴ CFH 2199.; MEH 219.

⁸⁵ Boba: ук. раб.; Püspöki Nagy: ук. раб.; Szegfű: ук. раб. (1980); Kristó: ук. раб. (1980) 161–165.; Senga: ук. раб.

⁸⁶ SRH 1:53–54.

⁸⁷ Annales Regni Francorum inde ab a. 741 usque ad a. 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiores et Einhardi. (ed. Kurze, F.) Hannoverae, 1895. 80–84, 87–91, 93, 96–103. Szádeczky-Kardoss S.: A Kárpát-medence IX. századi történetének néhány forrásáról (О некоторых источниках истории Карпатского бассейна IX в.). [= Szegedi Bölcsész-műhely '82. (под редакцией: Róna-Tas A.) Szeged, 1983.] 191–210.; Szeged története (История Сегеда). 1. A kezdetektől 1686-ig (От начала до 1686 г.). (под редакцией: Kristó Gy.) Szeged, 1983. 206–207.; Kristó Gy.: A Kárpát-medence és a magyarság régmúltja /1301-ig/ (Дальнее прошлое Карпатского бассейна и венгров /до 1301 г./). Сегед, 1993. 35.

⁸⁸ Annales Regni Francorum (ук. раб.) 108–109.; Makkay J.: A magyarság keletkezése (Датирование венгров). Вр., 1993. 105.; Kristó: ук. раб. (1993). 35.

⁸⁹ Bevezetés a magyar őstörténet kutatásának forrásaiba (Введение в источниковедение по венгерской древнейшей истории). I:1. (под редакцией: Hajdu P.–Kristó Gy.–Róna-Tas A.) Вр., 1976. 115, 117–118.; Erdély története (История Трансильвании). (гл. редактор:

Köpeczi B.) I. A kezdetektől 1606-ig (От начала до 1606 г.). (под редакцией: Maklai L.–Mócsy A.) Bp., 1986. 190–194, 574–575.; Mesterházy K.: Bizánci és balkáni eredetű tárgyak a 10–11. századi magyar sírleletekben (Предметы византийского и болгарского происхождения в венгерских захоронениях X–IX вв.). *Folia Archaeologica*, 41 (1990). 87–115 и 42 (1991). 145–177.

⁹⁰ Krlstó Gy.: Opponensi vélemény Bálint Csanád: Délmagyarország a X. században c. kandidátusi értekezéséről (Оппонентский отзыв о диссертации Bálint Csanád: Южная Венгрия в X в). *Archaeologiai Értesítő*, 105 (1978). 127–129.; Maklay: ук. раб.

⁹¹ *Annales Regni Francorum* (ук. раб.) 149–150, 159, 164–165.; Huber, A.: *Ausztria története* (История Австрии). I. Bp., 1899. 87–89.; Szegő L.: *Röszke község története a IX. század közepétől a mohácsi vészig* (История села Реске с середины IX в. до поражения под Мохачем). [= *Röszke története* (История Реске). (под редакцией: Péter L.) Szeged, 1993.] (в печати)

⁹² *Annales Regni Francorum* (ук. раб.) 165–169.

⁹³ *Monumenta Poloniae Historica* (ed. Bielowski, A) I. Warszawa, 1960. (reprint) 10–11.; *Index scriptorum novus mediae Latinitatis ab anno DCCC usque ad annum MCC.* (ed. Blatt, F. et alii.) Hafniae, 1973. 106.

⁹⁴ *A magyar honfoglalás kútfoi* (Источники изучения венгерского обретения родины). (под редакцией: Pauler, Gy.–Szilágyi S.) Bp., 1900. 310–311.; *Magyarország története* (История Венгрии). (ук. раб.) I:1, 366.

⁹⁵ *Bíborbanszületett Konstantin* (Константин Багрянородный) (ук. раб.) 176–177.

⁹⁶ CFH 2199.

⁹⁷ МЕН 88.

⁹⁸ *Bíborbanszületett Konstantin* (Константин Багрянородный) (ук. раб.) 176–193.

⁹⁹ *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis*. I. (ed. Fejér, G.) Budae, 1829. 159–165. etc.; *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. VIII. (ed. Pertz, G.H.) Hannoverae, 1844. 574.

¹⁰⁰ *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. I. (ed. Pertz, G.H.) Hannoverae, 1825. 367–368, 488.; *Monumenta Germaniae Historica IX.* (ed. Pertz, G.H.) Hannoverae, 1846. 565.

¹⁰¹ Magyar I.L.: "Quaestio Bulgarica". (A kereszténység felvétele Bulgáriában /Принятие христианства в Болгарии/.). *Századok*, 116 (1982). 844–847.

¹⁰² *Püspöki Nagy*: ук. раб. 65, 81.; Это, безусловно, диктуется необходимостью концентрации сил и поддерживается *Анналами Lamperti*, а также *Анналами Weissenburgenses* (*Lamberti monachi Hersfeldensis opera. Accedunt Annales Weissenburgenses.* /ed. Holder-Egger, O./ Hannoverae et Lipsiae, 1894. 28–29.) и *Анналами Altahenses maiores* (ed. E.L.B ab Oefele; Hannoverae, 1891. 6.), но *Хроники Fuldenses* ставят это под вопрос (ср. *MGH SS I. 371*: "mittendos... alterum vero [exercitum] per Hlodowicum, filium suum minoren, in Abodritos et Linones"), ведь дело в том, что *Linones* в то время – покоренный абодритами народ Мекленбургской провинции. Разумеется, нельзя исключить, что поход оказался перенесенным на север из-за умничания составителя *Анналов* или из-за применения им стереотипов (ср. *Annales Regni Francorum* /ук. раб./ 125, 135.), и что на самом деле речь идет о выступлении, направленном против Южно-Алфельдских абодритов.

¹⁰³ CFH 2199; SRH 1:164, 282.

¹⁰⁴ Magyarország története (История Венгрии) (ук. раб.) I:1, 367.; Kristó: ук. раб. (1993). 37.

¹⁰⁵ Bihorbanszületett Konstantin (Константин Багрянородный) (ук. раб.) 118–119, 124–125.

¹⁰⁶ CFH 58.

¹⁰⁷ SRH 2:30. I.Tóth Z.: Tuhutum és Gelou (Tuhutum и Gelou). Századok, 79–80 (1945–1946). 52–60.; Képes Krónika (Иллюстрированная хроника). (Bellus: ук. раб.) 286.; Географическая работа начала XIV в., показывающая Юго-восточную Европу: Descriptio Europae Orientalis. (перевод: Borzákné Nacs M.–Szegefi L.) Acta Academiae Pedagogicae Szegediensis 1987–1988. Ser. Marxist. et Hist. Szeged, 1988. 22.

¹⁰⁸ SRH 1:163, 281.

¹⁰⁹ SRH 1:160, 275.

¹¹⁰ Eckhardt S.: A pannoniai hun történet keletkezése (Зарождение истории паннонских гушнов). Századok, 61–62 (1927–1928). 465–491, 605–632.

¹¹¹ SRH 1:172, 315.

¹¹² SRH 1:48.

¹¹³ SRH 1:53, 80–93.

¹¹⁴ SRH 1:45, 48, 53–54.

¹¹⁵ SRH 1:49, 89–91.

¹¹⁶ См. список 107 (Borzákné-Szegefi: ук. раб. 22.)

¹¹⁷ Macartney, C.A.: Pascua Romanorum. Századok, 74 (1940). 1–11.

¹¹⁸ SRH 1:48.

¹¹⁹ CFH 2199.; A magyar honfoglalás kútfoi (Источники изучения обретения родины) (ук. раб.) 306–308.

¹²⁰ SRH 1:163, 281.; Эти 10 лет в действительности составляли бы около 400 лет (см. Képes Krónika /Иллюстрированную хронику/ /ук. раб./ 287.).

¹²¹ SRH 1:163.

¹²² SRH 1:281.

¹²³ Eckhardt: ук. раб. 607.; Thuróczy János: A magyarok krónikája (Хроника венгров). (перевод: Horváth J.) Вр., 1980. 448.; Képes Krónika (Иллюстрированная хроника) (Bellus: ук. раб.) 280, 283.

¹²⁴ Graesse, B.P.: Orbis Latinus. (Lexikon lateinischer geographischer Namen des Mittelalters und der Neuzeit.) I. Braunschweig, 1972. 200, 319.

¹²⁵ Sebestyén: ук. раб. 1:262; 2:103.

¹²⁶ SRH 2:24.

¹²⁷ Olajos T.: Adalék a (H)ung(a)ri(i) népnév és a késői avarkori etnikum történetéhez (Дополнение к истории названия народа (H)ung(a)ri(i) и к истории этнической группы позднего аварского периода). Antik Tanulmányok, 16 (1969). 87–90.

¹²⁸ Püspöki Nagy: ук. раб. 79, 82.

¹²⁹ SRH 1:155.

¹³⁰ SRH 1:267–268.; SRH 2:24, 123.

¹³¹ *Chronica Hungaro-Polonica, Pars I. (Textus cum varietate lectionum)*. (ed. Karácsonyi B.) Acta Universitatis Szegediensis de Attila József Nominatae, Acta Historica, 26 (1969). 12–14.; Sebestyén: ук. раб. 1:460.

¹³² SRH 1:275; SRH 2:28, 60.

¹³³ Фасмер, М.: Этимологический словарь русского языка. I. Москва, 1964. 206.; Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. (ed. Срезневский И.И.) Санктпетербургъ, 1893. 165.

¹³⁴ Györfy: ук. раб. (1948). 19–21.

¹³⁵ Sebestyén: ук. раб. 2:91–92.

¹³⁶ Schröfl, A.: *Der Urdichter des Lieder von den Nibelungen*. München, 1929.

¹³⁷ *Magnae Moraviae Fontes Historici. I–V.* (ed. Bartoňková, D.–Havlík, L.–Masařík, Z.–Večerka, R.) Praha–Brno, 1966–1976. – в дальнейшем: MFH; цитата MFH 2:143–144.; *Pannoniai legendák* (Паннонские легенды). (перевод: Kovács P.) Bratislava–Budapest, 1978. 90–91.

¹³⁸ *Annales Fuldenses siue Annales Regni Francorum Orientalis.* (ed. Kurze, F.) Hannoverae, 1891. 56.; Magyar: ук. раб. 845–848.; *Monumenta Germaniae Historica* (ук. раб.) I. 374–375, 465.

¹³⁹ MFH 2:144–146.; *Pannoniai legendák* (Паннонские легенды) (ук. раб.) 91–92.

¹⁴⁰ MFH 2:147–148.; *Pannoniai legendák* (Паннонские легенды) (ук. раб.) 93–95.; Huber: ук. раб. 98.

¹⁴¹ *Annales Fuldenses* (Kurze: ук. раб.) 86.

¹⁴² Там же: 70–72.; Об этом см. Senga: ук. раб. 319–322.

¹⁴³ *A magyar honfoglalás kútfoi* (Источники изучения венгерского обретения родины) (ук. раб.) 304.; Hunfalvy P.: *Magyarország ethnographiája* (Этнография Венгрии). Вр., 1876. 165.; *Magyarország története* (История Венгрии) (ук. раб.) I:1, 353.

¹⁴⁴ См. 93 сноску.

¹⁴⁵ *A magyar honfoglalás kútfoi* (Источники изучения венгерского обретения родины) (ук. раб.) 314–315.

¹⁴⁶ Там же: 309–310.; *Magyarország története* (История Венгрии) (ук. раб.) I:1, 364.

¹⁴⁷ МЕН 94.

¹⁴⁸ Hermann, G.: *A perzsa reneszánsz* (Персидский ренессанс). Вр., 1988. 125–126. 130.

¹⁴⁹ CFH 132.; Kristó: ук. раб. (Levedi... 1980) 160.

¹⁵⁰ CFH 1469.

¹⁵¹ Senga: ук. раб. 334–335.

¹⁵² "Шулан", очевидно, произносился как "Чалан" – от венгерского глагола *csalni* 'обманывать'. Чалан, значит, согласно венгерской легенде, это тот человек, которого наши предки обманули, провели, ввели в заблуждение.

¹⁵³ Venzel G.: *Eszmetöredékek a magyar nemzeti hősmonda történettudományi méltatására* (Замечания к научно-исторической оценке венгерской национальной героической легенды). [= *Reguly-Album*. Pest, 1850.] 64–66.

¹⁵⁴ Honko, L.: Finn mitológia (Финская мифология). [= A tejút fiai (Сыновья млечного пути). (под редакцией: Hoppál M.) Bp., 1980.] 197.; Paulson, I.: Az ősök kultusza a permi és a volgai finn népeknél (Культ предков у пермских и волжских финнов). [Там же] 318.; Szmironov, I.Ny.: Cseremisiz /mari/ hiedelmek és áldozatok (Верования и жертвоприношения у черемисов /мари/). [Там же] 312–313.

¹⁵⁵ MN 119.

¹⁵⁶ László Gy.: A honfoglaló magyar nép élete (Жизнь венгерского народа, обретающего родину). Bp., 1944. 237–238.

¹⁵⁷ Erdély története (История Трансильвании) (ук. раб.) 1:189.

¹⁵⁸ Magyarország története (История Венгрии) (ук. раб.) I:1, 641.

¹⁵⁹ Об этом еще: Szegfű L.: Equus fabulosus. [= Tanulmányok Karácsonyi Béla hetvenedik születésnapjára (Сборник, посвященный семидесятилетию Белы Карачони). (под редакцией: Kulcsár P.–Máder B.) Szeged, 1989.] 31–46.; Szegfű L.: Szvatopluk házassága (Брак Святополка). Acta Academiae Pedagogicae Szegediensis. (в печати)

HUNGARIAN-BULGARIAN CONTACTS IN THE NINTH CENTURY

Sándor László Tóth

It is a debated question, when the first encounter of the Hungarians with the Bulgarians took place. According to Imre Boba and Péter Király in 811 Krum, the Bulgarian ruler fought against the Byzantine Empire and his army contained Slavic and Ugor (Hungarian) troops.¹ Gyula Kristó emphasized, that the original sources must have referred not to the Ugri, but to the Avars.² So it is very probable, that the first contact between the Hungarians and the Bulgarians should be put at a later date.

It is very important, that the first undisputable mention of the Hungarians (Magyars) concern the Hungarian-Bulgarian relations. The Byzantine chronicler, Georgius Monachus Continuatus tells, that the Macedonian captives having settled by Krum north of the Danube in 813, revolted and wanted to return to their home. Kordulis, the Macedonian leader (strategos) planned the action and asked emperor Theophilos (829-842) to help the captives' return by sending ships to the Danube. Having been defeated by the rebels the Bulgarians turned for help to pagan people, called by the chronicler Ungri, Turks and Huns. The pagans appeared approximately at the same time, when the Byzantine ships arrived for the Macedonians. The enemy offered the captives free leave, if they gave them their values. The Macedonians refused the offer and successfully fought with the attacking pagans.³ Researchers generally accepted, that all three names refer to one people, namely to the Hungarians.⁴ However, some doubted it and put forward a theory, that perhaps three different ethnic groups participated in this raid and only partly can be associated with the Hungarians.⁵ In our opinion Hungarians were called against the revolting Macedonians.

We have to examine the time and circumstances of the first contacts between the Hungarians and the Bulgarians. The Byzantine chronicler didn't give the exact time of the Macedonian revolt, so the researchers tried to

deduce it from the informations in the text. The name of the Bulgarian ruler is mentioned as "Vladimir, grandson of Krum and the father of the then ruling Simeon".⁶ Gyula Moravcsik pointed out the obvious faults, since Vladimir (889–893) was the brother of Simeon (893–927) and not his father. In his opinion Malomir's name (831–836) should be put instead of Vladimir's.⁷ We think, that both the names and the informations about them are so so confusing and contradictory, that the date of the event cannot be fixed so. Most scholars put the Macedonian revolt and the Hungarian appearance between 836–838. The basis of it, that the Byzantine historian maintains, that Basileios (later Byzantine emperor) born between 811–813 came with the captives at the age of 25.⁸ Earlier scholars dated the Hungarian raid to 839,⁹ more recent research put it even to 831–832.¹⁰ The most probable year of the event may be 838, as will be shown later.

If we consider the background of the Bulgarian–Hungarian alliance, we must note the following facts. The vast area between the Don and the Danube was divided among different powers. The eastern part of it (from the Don to the Dnieper) was controlled by the Khazar Khaganate, the western part of it (from the Dnieper to the Danube) was dominated mostly by the Bulgarian state, while the Crimean peninsula belonged to Byzantium. It is a disputed problem, when and how the Hungarians got to the steppe north of the Black Sea. According to a hypothesis the Hungarians lived as vassals of great nomadic empires (Sabir, Turk, Onoghur-Bulgar, Khazar) from the 6th century and became independent from the Khazars in the 830-s.¹¹ Another theory is, that the Hungarians came from the Volga-region (Magna Hungaria) just in the 830-s.¹² One thing is certain, in the 830-s certain changes happened in the region and this can be connected with the appearance of the Hungarians. There are other sources testifying their activity besides the raid at the Danube. The Khazar khagan sent an embassy to emperor Theophilos and asked him to build a fortress named Sarkel at the Don.¹³ Most scholars connect this information with an Arabic source. Ibn Rusta tells, that it is said, that earlier the Khazars defended themselves against the Magyars (Majghari) and other peoples by digging trenches.¹⁴ Although we cannot date this information, according to an accepted theory Ibn Rusta's record on the Hungarians generally refer to 870–880-s, and this particular sentence may reflect the conditions of the 830-s.¹⁵ It was supposed, that Sarkel was built against the attacks of the Hungarians or

against the Normans (Rus).¹⁶ In our opinion the former hypothesis seems more probable, since the activity of the Hungarians can be proved close to the Danube and Ibn Rusta refers to the Khazars' defending themselves against them. The Normans (Rus) at the same time sent an embassy to Byzantium to emperor Theophilos, who didn't dare to let them return because of the barbarian peoples on the steppe. The Rus envoys were sent with the Byzantine embassy to the Frank emperor, Louis the Pious. Theophilos asked Louis to help the Rus envoys on their way back to their home.¹⁷ This story clearly shows, that the Dnieper region was dominated by barbarian people, who we can associate with the Hungarians. Since the Rus and Byzantine envoys appeared at the court of Louis in May, 839, we can put the arrival of the Rus embassy to Constantinople at the autumn of 838. The building of Sarkel may be dated to about 838,¹⁸ the probable time of the Hungarian raid at the Danube.

All these events point to a great turmoil at the steppe in the second half of the 830's, possibly in the year 838 A.C. The Khazars and the Normans (Rus) sent embassies to Byzantine alike. The Byzantine emperor received them very politely, helped the building of Sarkel and the return of the Rus envoys as well. We can interpret emperor Theophilos' behaviour as the usual Byzantine policy of "divide et impera", playing off the Normans and the Khazars against each other as Novoselcev supposed.¹⁹ In our opinion it's more probable, that the appearance or activity of the Hungarians explains these events. Khazar territories must have been attacked by the Hungarians and west of the Don had been occupied by them. The Normans were possibly afraid of losing the control over the neighbouring Slavs. The Byzantine Empire tried to strengthen its influence over the Crimean peninsula by appointing a military governor to Kherson and thus turning it a thema (a military administrative unit).²⁰ It is likely, that the Byzantine emperor felt, that the Byzantine hold over the Crimean might get in danger with the presence of the barbarians on the steppe. The fact, that the Hungarians helped the Bulgarians against the Macedonians, led emperor Theophilos to form a kind of alliance with the Khazars, the Rus and perhaps the Franks. The Byzantines couldn't really help the revolting Macedonians, because they fought against the Arabs; in 837 they won victories, but in 838 they suffered defeats as well.²¹ The Bulgarian-Hungarian alliance was an occasional one and didn't last long,

because their interests were quite different. The Bulgarians wanted to force the Macedonians to remain and to hinder their return to the Byzantine Empire, the Hungarians wished just to plunder them. It seems probable, that the Macedonians' urgent leave was motivated by the sudden appearance of the Hungarians in the region as testified by other sources.

After the alliance of 838 there are no informations on the Hungarian-Bulgarian relationship for a long time. It is likely, that the Hungarian tribal federation's settlement or home (called Etelköz) was between the Don and the Danube, although there are several hypotheses supposing a much smaller territory.²² However, about 870-880 some of the Hungarian tribes must have lived in the vicinity of the Bulgarian state. According to Gardizi, "when the Hungarians are on the banks of the river (Danube), they see those N.n.drs (Onogundurs = Bulgarians)".²³ In the middle of the tenth century among the eight Petcheneg tribes, who expelled the Hungarians from Etelköz (895), Jazikapan was nearest to the Bulgarians. According to Constantine VII., this tribe lived half a day distance from Bulgaria.²⁴ Comparing the two data it may be supposed, that there was one Hungarian tribe which settled similarly close to the Danube and the Bulgarians in the ninth century, like Jazikapan did in the tenth century. From Constantine's work (DAI) we know, that the Bulgarians were frequently attacked by the Petchenegs.²⁵ Using the Petcheneg analogy, we can hypothesise, that the Bulgarian-Hungarian relationship wasn't a friendly one after the episode of 838. The Hungarians occupied territories formerly under Bulgarian influence as well and one Hungarian tribe probably occupied the place of the Macedonian captives. Gardizi noted, that the Bulgarians "are more numerous, than the Hungarians, but they are weaker".²⁶ It can be deduced from these informations, that there may have been conflicts between the Bulgarians and the Hungarians, in which the latter proved to be stronger. Possibly there were Hungarian raids against Bulgarian territories.

Only one Hungarian raid can be proved against Bulgaria, although we can guess, that there were more. A Byzantine-Bulgarian war broke out during the reign of Simeon (893-927) and Leon VI., the Wise (886-912). Many sources recorded this war, so it is possible to reconstruct the events.²⁷ Among the causes of the war the most important was, that the Bulgarian tradesmen suffered losses due to Byzantine commercial policy and Leon refused Simeon's demands to improve the commercial relations. Simeon

made war against Byzantium, which had already fought against the Arabs. Leon gathered troops and sent them against Simeon, but they were defeated. The Byzantine emperor had no choice but to look for allies. He sent an envoy to the Hungarians to hire them to attack Simeon in the rear. Nikitas gave presents to the Hungarian leaders, Arpad and Kusan. They changed hostages and the Byzantine envoy promised buying the Bulgarian captives from the Hungarians.²⁸ The ceremony probably included an oath by both sides. The Byzantines used the same method with the Petchenegs in the 10-th century.²⁹ It is a debated issue, whether the army of the whole Hungarian tribal federation attacked Simeon or just one tribe (the Kabars).³⁰ We think, that perhaps just two tribes were interested in the Bulgarian raid, since Nikitas made agreement with two chiefs.³¹

Byzantine warships led by Efsthathios transported the Hungarian troops across the Danube to Bulgaria, while a Byzantine army fought with Simeon in Macedonia. The Hungarians had devastated and plundered Bulgaria, so Simeon left his Byzantine opponent and turned towards them. Sources differ, where and how many times Simeon was defeated; probably around his capital, Preslav and near the Danube, at Distra (Silistra).³² So the Hungarians won at least two battles against Simeon, who asked for peace. The Hungarians sold their captives to Efsthathios according to the agreement. Leon VI. was willing to deal with Simeon and sent his envoy to him and withdrew his army and navy. However, Simeon did not want to accept a humiliating peace just to deceive his opponents. He hold in captivity (in Mundraga) the Byzantine envoy and asked for the help of the Petchenegs, the enemy of the Hungarians. He made an agreement with them to destroy and expel the Hungarians from Etelköz.³³ Simeon used the Byzantine policy; to divide his enemies and to defeat them seperately. The Bulgarian-Petcheneg coalition was much stronger, than the Hungarians, who got in trouble, since the Byzantines did not help them. Some sources mention, that the Bulgarians defeated the Hungarians completely,³⁴ while others emphasize, that the Petchenegs destroyed the Hungarian families and expelled the Hungarians guarding their homes.³⁵ There is a debate, where Simeon inflicted the final defeat on Hungarians, in Bulgaria³⁶ or in Etelköz.³⁷ One thing is sure, it was rather *Simeon's diplomacy*, than his military force, that gained him the war. The Petchenegs, who lost their former home in a war with the Uz (Oguz) and the Khazars, needed a new

settlement. It was probably easy for Simeon to hire them against the Hungarians, who were forced to leave Etelköz for the Petchenegs. In the Hungarian-Petcheneg war the Hungarians were defeated and suffered heavy losses both in lives and in values.³⁸ The Byzantine-Bulgarian-Hungarian-Petcheneg wars led to the Hungarian conquest of the Carpathian Basin. These events – according to the testimony of *Annales Fuldenses* – may be dated to either 895 or 896, although some researchers supposed, that these took place in 894–895.³⁹

It is difficult to summarize the Hungarian-Bulgarian relationship in the 9-th century in a few words. It was characterized by alliance (838) and hostility (895) alike, since the Hungarians (one tribe of least) became close neighbours of the Bulgarian state. Both the Byzantine and the Bulgarian diplomacy tried to use the Hungarians for their aims, but the Hungarians just followed their own goals (booty, captives). It is interesting to note, that both the Hungarians' appearance (in history or at least in written sources) and their disappearance, i.e. leave from Etelköz (and the conquest of the Carpathian Basin, the southern and eastern parts of which belonged to or was controlled by Bulgaria) is connected with Byzantine and Bulgarian diplomacy and conflicts.

NOTES

¹ *Boba, I.*: Nomads, Northmen and Slavs. Eastern Europe in the Ninth Century. The Hague–Wiesbaden, 1967. 79.; *Király P.*: A magyarok említése a 811. évi események óbolgár leírásában (The Mention of the Hungarians in the Old Bulgarian Relations of the Events of the Year 811). *Magyar Nyelv* 72 (1976) 136–148, 257–268, 408–422.

² *Kristó Gy.*: Levedi törzsszövetségétől Szent István államáig (From the Tribal Federation of Levedi to the State of Saint Stephen). Budapest, 1980 (ref. as Kristó 1980) 17–18.

³ A magyarok elődeiről és a honfoglalásról. Sajtó alá rendezte *Györffy Gy.* (On the Ancestors of the Hungarians and the Conquest of the Carpathian Basin). Budapest, 1986³ (cf. MEH) 104–106.; *Moravcsik Gy.*: Az Árpád-kori magyar történelem bizánci forrásai (The Byzantine Sources of the Hungarian History in the Arpadian Age). Budapest, 1984 (cf. ÁMTBF) 53–58.

⁴ E.g. *Györffy Gy.*: Honfoglalás, megtelepedés és kalandozások (Conquest, Settlement and Raids). In: Magyar őstörténeti tanulmányok (Hungarian Proto-History Studies). Ed. *Bartha A.–Czeplédy K.–Róna-Tas A.* Budapest, 1977 (cf. MÓT) 143.; Kristó 1980. 38.

⁵ *László Gy.*: A "kettős honfoglalás" (The "Twofold Conquest"). Budapest, 1978. 184.; *Boba, I.*: A Twofold Conquest of Hungary or Secundus Ingressus. *Ungarn Jahrbuch* 12 (1982–1983) 23–41.

⁶ MEH 105.; ÁMTBF 55.

⁷ ÁMTBF p. 55. n. 6.

⁸ To 836–838 see e.g. *Moravcsik Gy.*: Bizánci krónikaírók a honfoglalás előtti magyarságról (Byzantine Chroniclers about Pre-Conquest Hungarians). *Antik Tanulmányok* 4 (1957) 282–285.; *Czeplédy K.*: Magyar őstörténeti tanulmányok (Studies Concerning Hungarian Prehistory). Budapest, 1985. 54, 119.; *Bartha A.*, in: Magyarország története tíz kötetben (The History of Hungary in ten volumes). Ed. *Székely Gy.–Bartha A.* I/1. Budapest, 1986. 526.; for 836 see e.g. *Vajay, Sz.*: Der Eintritt des ungarischen Stämmebundes in die europäische Geschichte. (862–933). München, 1968. 11, 87.; for 837 see e.g. *Moravcsik Gy.*: Byzantium and the Magyars. Budapest, 1970. 44.

⁹ *Pauler Gy.*: A magyar nemzet története Szent Istvánig (The History of the Hungarian Nation up to Stephen the Saint). Budapest, 1900. 14–15.; *Zichy I.*: Magyar őstörténet (Hungarian Pre-History). Budapest, 1939. 6, 33.; for 839–840 see *Marquart, J.*: Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903. 30.

¹⁰ *Király P.*: A magyarok említése a Konstantin-legendában (The Mention of the Hungarians in the Legend of Constantine/Method). *Magyar Nyelv* 70 (1974) 6, 9.

¹¹ *Némethi Gy.*: A honfoglaló magyarság kialakulása (The Formation of Hungarians Conquering the Carpathian Basin). Budapest, 1930. 151, 176–177, 181–182.; *Halasi-Kun T.*: A magyarság kaukázusi története (The Caucasian History of the Hungarians). In: A magyarság őstörténete (The Pre-History of the Hungarians). Ed. *Ligeti L.* Budapest, 1943 (cf. *Ligeti* 1943) 71–72, 98.; *Bartha A.*: A IX–X. századi magyar társadalom (IX–X. century Hungarian Society). Budapest, 1968. 82–83.

¹² *Pauler Gy.*: op. cit. 13, 132.; *Kristó* 1980. 38–39, 43, 55.

¹³ *Bekker, J.* (rec.): Theophanes Continuatus, Iohannes Cameniatae, Symeon Magister, Georgius Monachus. Bonnæ, 1838. 122.; Constantine Porphyrogenitus: De administrando imperio. Greek text edited by *Gy. Moravcsik*, English translation by *R.J.H. Jenkins*. Washington, 1967 (cf. *DAI* 182.; *ÁMTBF* 43.; *MEH* 123).

¹⁴ *MEH* 88.; *Wiet, G.*: Ibn Rusteh. Les autours précieux. Le Caire, 1955. 160.; for connecting Ibn Rusta's and Theophanes' and Constantine's informations see e.g. *Pauler Gy.*, op. cit. 14, 132.; *Marquart, J.*, op. cit. 28.; *Macartney, C.A.*: The Magyars in the Ninth Century. Cambridge, 1930. 74–75.; *Györffy Gy.*: Tanulmányok a magyar állam eredetéről (Studies on the Origin of the Hungarian State). Budapest, 1959. 79.; *Czeplédy K.*, op. cit. 55, 119.; *Kristó* 1980. 20–21.

¹⁵ It refers to 870, see *Czeplédy K.*, op. cit. 118.; to about 880 see *Kristó* 1980. 87.; the chronological problems of the Arabic sources going back to the lost work of Jayhani, see *Zimonyi I.*: The Origins of the Volga Bulgars. *Studia Uralo-Altaica* 32. Szeged, 1990. 155.

¹⁶ For the Hungarian theory cf. n. 14.; for the Rus theory see e.g. *Czeplédy K.*: A magyarság Dél-Oroszországban (The Hungarians in South Russia). In: *Ligeti* 1943. 105.; *Toynbee, A.*: Constantine Porphyrogenitus and His World. London, 1973. 444–445.; *Novoselcev, A.P.*: Khazarskoe gosudarstvo i ego rol v istorii vostochnoj Evropy i Kavkaza. Moskva, 1990. 208.

¹⁷ *Waitz, G.* (rec.): Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. *Annales Bertiniani*. Hannoverae, 1883. 19–20.

¹⁸ For the different dates see comprehensively *Tóth S.L.*: A magyarok "etelközi honfoglalása" (The "Conquest of Etelköz" by the Hungarians). *Acta Universitatis Szegediensis de Attila*

József nominatae, *Acta Historica*. Tomus 98. Szeged, 1993. 9–10.; for 838 see e.g. *Golden, P.B.*: Khazar Studies. A Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Budapest, 1980. 67.; *Sinor, D.* (ed.): The Cambridge History of Inner Asia. New York, 1990. 267.; *Tóth S.L.*, op. cit. 9–10.; for 838–839 see e.g. *Wozniak, F.E.*: Byzantine Policy on the Black Sea on Russian Steppe in the late 830's. *Byzantine Studies* 2 (1975) 56–62.

¹⁹ *Novoselcev, A.P.*, op. cit. 208.

²⁰ *Toynbee, A.*, op. cit. 270.; *Novoselcev, A.P.*, op. cit. 202, 207.

²¹ *Dupuy, R.E.-Dupuy, T.N.*: The Encyclopaedia of Military History. New York, 1986². 265–266.

²² For the theories concerning Etelköz see recently *Tóth S.L.*: Az etelközi magyar-besenyő háború (The Hungarian-Petcheneg War in Etelköz). *Századok* 122 (1988) (cf. *Tóth* 1988) 555.

²³ MEH 88.

²⁴ DAI 168–169.

²⁵ E.g. DAI 50–53, 56–57, 64–65. etc. see *Toynbee, A.*, op. cit. 458.

²⁶ MEH 88.

²⁷ The main sources are: *Annales Fuldenses*, Constantine's DAI, *Georgius Monachus Continuatus*, *Nestor-Chronicle*, *Leon VI's Tactica* etc.; in Hungarian see them in MEH 106–107, 109, 120, 124, 127. — For the reconstruction of the war see e.g. *Zlatarski, V.N.*: *Istorija na pŕvoto bŕlgarsko carstvo* (History of the First Bulgarian Empire). Tom 2. Sofia, 1927. 283–313.; *Marquart, J.*, op. cit. 521–526.; *Macartney, C.A.*, op. cit. 181–185.; *Kristó* 1980. 175–181.; *Tóth* 1988. 551, 559–561, 563–564.

²⁸ For the agreement see MEH 106., ÁMTBF 59–60, 63.

²⁹ MEH 116.; DAI 56–57.

³⁰ For the tribal federation's army see e.g. *Hóman B.-Székfű Gy.*: Magyar történet (Hungarian history) I. Budapest, 1929. 115.; *Kristó* 1980. 181.; for the Kabars see *Györffy Gy.*, in: MÓT 128.; Magyarország története op. cit. I/2. 592.

³¹ *Tóth S.L.*: Kabarak (kavarok) a 9. századi magyar törzsszövetségben (Kabars /Kavars/ in the Ninth Century Hungarian Tribal Federation). *Századok* 108 (1984) 110.

³² For the differences of the sources and the reconstruction of the events see e.g. *Kristó* 1980. 176–181.; *Györffy Gy.*, op. cit. in: MÓT 128.

³³ Cf. MEH 107.; ÁMTBF 60–61, 67.; for the agreement DAI 176–177.; MEH 120.; *Tóth* 1988. 560–561.

³⁴ *Annales Fuldenses*, cf. MEH 211–212.; *Georgius Monachus Continuatus*, see MEH 107.; ÁMTBF 61, 64.

³⁵ For the Petcheneg victory see *Regino*, e.g. *Gombos, F.A.*: *Catalogus fontium historiae Hungaricae* I–III. Budapestini, 1937–1938. III. 2038–2039.; MEH 205–206.; Constantine's work, DAI 166–167, 172–173, 176–177.

³⁶ E.g. *Marquart, J.*, op. cit. 524–525.; *Vajay, Sz.*, op. cit. 26.; *Tóth* 1988. 564.

³⁷ *Kristó* 1980. 188.

³⁸ For the Petcheneg-Hungarian war etc. see *Kristó* 1980. 185, 190–195.; *Tóth* 1988. 556–557, 565–568.

³⁹ MEH 211–212.; for the problem of chronology see e.g. *Pauler Gy.*, op. cit. p. 150. n. 61.; *Macartney, C.A.*, op. cit. 185–186.; *Kristó* 1980. 196–197.; *Tóth* 1988. 551–552.

"ЧЕШСКИЕ" НАЕМНЫЕ ВОЙСКА КОРОЛЯ МАТЯША

Терезия Л. Олайош

В центральной Европе учреждение "наемной армии" – хотя и не без предпосылок – распространяется в период гуситских войн, в особенности после липанской битвы. Легко было бы утверждать, что солдаты, побывавшие в Венгрии, распространяли гуситские учения, однако все же это маловероятно, так как на территориях, захваченных гуситами на более или менее короткое время, не показывается их какое-либо значительное влияние. Однако, эти учения дают о себе знать, в первую очередь, в южной части страны, в Среме. Кроме того, их глашатаи, спасаясь бегством в Молдву, а оттуда просачиваясь в Трансильванию, таким образом распространяют свои учения. Это важно заметить потому, что специальная литература уже доказала, что венгерский гуситизм является не чистой идеологией, а несет в себе определенные патарно-катарные черты. Это можно представить лишь таким образом, что их учения в южной части страны смешивались с учениями богомильской ереси, которые появились там уже на протяжении столетий. Не желая подробно характеризовать обе ереси, хотелось бы обратить внимание на такие некоторые данные, которые могут иметь значение с точки зрения нашей темы.

В учении гуситов центральную роль играет пожертвование двух видов: священный хлеб считают телом Христа, а вино – его кровью. Свою веру они принимают открыто, они даже почитают и проповедников с их "наемной" ментальностью. В противовес этому богомилы в целом отвергают дароприношение; отрицают, что Христос воплотился когда-либо, то есть хлеб и вино они считают обычной пищей. Богомилы накладывают запрет на клятву, но не придают значения и ложной клятве, поэтому кто-угодно может отрицать или скрыть существование ереси. Они утверждают, что

только "по примеру апостола Петра живой священник обладает Святым духом" и т.д.

Учения венгерских гуситов мы знаем из отчетов инквизитора да-Маркия Якоба, действовавшего как раз на южной территории страны.

Заметим еще также, что черный цвет является святым цветом богомилов, они особенно почитали тех людей, которые – по их вере – были заклеены каким-либо черным телесным знаком. (Таковы позднее в венгерской истории царь Иован Невад или же – под более известным именем – Черни Иован, да и второй народный предводитель – Дьердь Карачонь.)

Венгерские военные действия при вступлении короля Матяша на трон основывались на жигмондских представлениях. Основу составляла система дворянских феодальных войск, обязательная личная военная повинность знатных дворян, что временами дополнялось крестьянскими крестовыми походами.

Однако уже и до правления Матяша мы встречаемся с наемниками в венгерской армии, которые представляли более современную систему ведения войны. Это Жигмонд и тот Янош Хуняди, который сам служил наемником в Италии, использовал таких воинов. Этот новый военный элемент способствовал Матяшу в его триумфе во время западных военных выступлений и борьбе против турок.

Формирование венгерской наемной армии можно связать со вторым поколением гуситов.

После гуситских войн чешские солдаты, оставшиеся без войны и жалованья, после смерти Жигмонда означали для Венгрии совершенно неразрешимый вопрос. Они продвинулись в Верхнюю Венгрию, существование свое обеспечивали мародерством. Только лишь при Матяше открылась возможность воспрепятствовать этим грабежам.

Матяш, начиная с 1458 года, отчасти благодаря уступкам, деньгам, отчасти в результате военных действий победил чешских наемников, часть которых уже в начале военного похода в Верхнюю Венгрию перешла на сторону венгров и вступила в наемное войско Матяша. Их предводителем был последний

великий ученик Жижки – замечательный военный полководец Гишкра, который лишь в 1462 году прекращает борьбу против Матяша и вступает к нему на службу со своими войсками. Согласно договору от 3 апреля 1463 года в Бечуйхее Гишкра отдает свои крепости в Верхней Венгрии, но в Венгрии он может остаться. Получив крепости Шоймош и Липпа, Гишкра дает клятву вечно служить королю и становится его военным советником.

Переходом Гишкры и его наемной армии разрешается не только гуситский вопрос в Верхней Венгрии, но и появляются чешские ростки будущей королевской наемной армии.

По иному сформировалась судьба так называемых "жебраков". Об этом более подробно сообщает Бонфини.

Когда после коронации Матяша, – пишет он, – во вторую годовщину, выступая против турок, он "направил свой путь к Загребу, – у третьего верстового столба Швела и другие воины просили его отпустить их... наконец, без разрешения короля он ушел вместе со своими спутниками, и возвратясь вновь в Венгрию, занял крепость короля по имени Костолань, но не как военную крепость, а как грабительское гнездо. Затем это чешское "общество", которое называли "братством" и которое, примкнув к римскому императору, разбило летние лагеря в Моравии. Швела второпях вновь собирает войско (число его составляло около 7000 воинов) и призывает его к грабительству в Венгрии. Он обещает воинам щедрое истребление, легкую добычу... Оно восстановило крепость, захваченную когда-то под предводительством Швелы. Войны окружили ее двойными траншеями и двойными рвами, на траншеи наставили много вышек. Отсюда они выезжали в провинцию на грабеж, сжигали деревни, сельские города, огражденные забором из хвороста, уводили стада, брали в рабство всех, врагов своих резали и всех грабили". Возвратившийся король взял крепость под осаду и уготовил ее на голодание. Когда положение Швелы стало далее невыносимым, с надежной частью своей армии под покровом ночи он убегает из крепости, но его обнаруживают и устраивают погоню за ним. Тех беженцев, которых не растерзали местные крестьяне, полные жаждой мести – а среди них и Швелу – привели к королю.

"... на другой день перед воротами крепости по его приказанию был выстроен целый ряд виселиц, некоторые из них были подняты выше. Потом их всех привели на казнь. На виду у тех, кто остался в крепости, повесили 250 человек, а на более высокую виселицу – врагов, рангов выше: посередине Швелу, справа от него его попа, а слева оруженосца".

Видя это, воины, скрывавшиеся в крепости, сдались, но в плену буквально все стали жертвой корыстолюбия будайского кастеляна. Бонфини в заключение так подводит итоги своему повествованию: "Из этой чешской армии, значит, которая состояла из 7000 человек, только лишь немногим удалось спастись бегством: они стали жертвой голода, оружия, почти все. Таков был конец "братства".

Из вышесказанного непременно следует выделить тот факт, что и попа Швелы наказали как одного из главных виновников.

Оставшаяся в живых часть восставших вступила на королевскую службу и старалась заслужить его милость.

К ним относится Хаг Ференц, то есть Франтишек Хаг, как пишет З. Имокаи Тот: "он был капитаном названной позже черной королевской армии". Его положение среди вождей наиболее стабильное: во время чешской войны он был *singularis stipendiarius* короля.

Более главным результатом этих военных действий (1468–1478 гг.) было то, что к этому времени сформировалась королевская наемная армия и была доказана ее необходимость в ведении военных действий Венгрии в западном направлении.

Матяш вел войну за чешскую корону. Для военных действий широкого масштаба он привлекает силы знатных феодальных войск главного священника и крупных землевладельцев. В действительности и эти войска сражались за жалование вне венгерских границ, однако, мы не можем их считать настоящими наемниками. Это были такие военные мелкие помещики, которые зависели от крупных помещиков; жалование мелких помещиков присваивалось их господами, а они далеко не всегда отдавали его армии.

Настоящие ростки наемника в этническом отношении имеют чрезвычайно разнородный состав. Лагерь венгров, чехов, сербов не обязательно означает идентичное национальное распределение. Так могло обозначаться и различие трех военных тактик. То есть венгры могли означать тяжелую конницу, сербы – легкую, а чехи – королевскую пехоту.

Армии, участвовавшие в западных войнах, были меньшего состава по сравнению с южными, но в качественном отношении они были намного лучше. В то время как более половины королевской армии в 1458 году составили поднявшиеся на войну дворяне и крестьянские крестоносцы, в 1468 году Матяш на Государственном собрании в г. Пожонь за счет закона о чрезвычайном военном налоге дает дворянам один год освобождения от личной военной повинности. То есть уже в это время в вышеуказанном театре военных действий он желает ввести в первую очередь наемные войска.

На юге для коротких, оборонительных военных походов Матяш привлекает в первую очередь, силы комитатских, а во вторую очередь – территориально заинтересованных знатных феодальных войск, однако, в это время он провозгласил и крестовое народное восстание. В данный период его армия разрослась в огромных масштабах.

В более продолжительные военные походы западных войн и для поддержания порядка на захваченных землях нужна была хорошо обученная армия (к тому же регулярная армия). В особенности во время австрийских военных операций, когда была необходимость в сборе налога и охране крепостей на захваченных территориях.

В этот период, вероятно, на основе господствующего этника, но не исключено также и то, что из-за преобладающей численности пехотных войск, охранявших крепости, регулярную королевскую армию называют исключительно чешской.

Этот второй, блестящий период наемной армии, который продолжался с середины 70-годов до последних лет правления короля, можно было бы назвать и прославленным периодом – благодаря его военным успехам. Этих воинов – хотя в их названии

часто еще встречается определение "чешский", согревают уже не религиозные убеждения, как гуситов Жижки. Сплачивающей и движущей силой здесь являются жалование и личное влияние короля Матяша.

Можно также доказать, что состав этой армии в этническом отношении уже далеко не был однозначно чешским. Среди воинов было много поляков (Коморовски, Талафуш), силезийцев (Пернштейн, Теттауэр), моравцев (Подманитцки), были также и венгры (Эгервари, Сентмиклоши, Дадивхази), секейцы, саксонцы. Мало того, и сам Матяш пишет о том, что принял в свою наемную армию захваченных в плен турок.

"Чешский" характер укрепляется и в дальнейшем скорее тем, что преобладающее большинство капитанов армии (Бошковитц, Дабиш Цернахора, Франтишек Хаг, Ян Хаугвитц и др.) действительно были чешского происхождения.

Со смертью короля закатилась так называемая прославленная эра.

Главкомандующим армии стал, начиная с глоговской войны, и стремившийся укрепить наследие Корвина Ян Хаугвитц из Бискупица.

В момент смерти Матяша часть наемной армии находится в крепостях Австрии, а другая часть – "на отдыхе" в Силезии. Здесь с ним встречается император Максимилиан и послы Корвина Яноша, чтобы привлечь на свою сторону эти военные силы. Большая часть неоплаченных немецких наемников переходит на сторону императора.

Однако значительные отряды армии принимают предложение варадского епископа и за сто тысяч золотом вступают на службу к Уласло.

Эта армия своими вооруженными силами помогает Уласло вступить на трон, не считаясь с тем, что претендент на статус короля, который был известен своим безденежьем, и эту сумму покрывает из долгов, и на дальнейшее ее содержание у него не остается ни гроша.

Второй главный предводитель – Сапойан – также из-за эгоистических политических расчетов практически без единого

удара сабли отказывается от Австрии, и таким образом часть армии, не желающая перейти на сторону императора, находится в полной неопределенности. Большое количество воинов поэтому становятся личными сподвижниками Хаугвитца. Веря только в своего предводителя, эта неоплаченная наемная армия рано или поздно будет противостоять феодальной Венгрии.

Однако, в наемниках пока, в этот период, есть потребность. Их отправляют на север, где они успешно изгоняют Альберта, дважды прорывавшегося на территорию страны. Однако обещанной оплаты жалованья не произошло.

Пример этому уже был и раньше, но или все же в последний момент удалось собрать деньги, или суровые меры Матяша воспрепятствовали серьезным бунтам.

Сейчас же, однако, вместо выплаты разделяют армию на части. Одна из них попадает под командование главного полководца южной Венгрии Кинижи, ее направляют в Сегед. Около 1000 пехотинцев посылают непосредственно в Белград для укрепления охраны крепостей.

Из-за нехватки жалованья и снабжения эти части армии могут прожить только тем, что силой отбирают у населения. Кинижи в это время дает убедительный приказ прекратить грабительства, но жалованья и в дальнейшем не шлет, и так все остается по-старому. А население по праву недовольно; поток жалоб пострадавших помещиков все более возрастал. В конце концов главнокомандующий Южной Венгрии с помощью знатных феодальных войск и крестьян, призванных к оружию, отправляется против остатков некогда знаменитой наемной армии Матяша, "*ad villam Piscinam vocant*", и там они вступают в битву.

Различны мнения относительно того, как произошло то сражение, которое завершилось уничтожением наемной армии под предводительством Хаугвитца.

Некоторые ученые выражают согласие в том, что битва эта произошла вблизи современного города Кишкунхалаш. Это подтверждается и фактом, отмеченным Бонфини, согласно которому, содержание королевской армии в этот период было наложено на свободные королевские города и сельские города.

По мнению других исследователей, столкновение произошло на берегу реки Сава, где-то в комитате Валко, вблизи крепости Рача. А встречающееся в источнике название Segedinum в действительности Singidunum, то есть Белград. Однако, очевидно, что здесь произошло смешение двух частей армии, посланных в Белград и Сегед, и даже в этом случае вероятным кажется место битвы Кишкунхалаш.

Но где бы то ни произошла битва, факт, что повозочный лагерь (вагенбург) армии Хаугвитца был уничтожен, и для Кинижи, который прибегнул к показательному бегству, легко было справиться с хитростью раздробленной им армией.

Приблизительно одна треть этой армии пережила катастрофу. Воинов захватили в плен и отвезли в Буду, где 6 января 1493 года они дали обещание: впредь не подымать оружия против короля и народа, к врагу не присоединяться, покинуть страну с миром и отказаться от жалованья. Это обещание было "надгробной надписью черной армии".

После данного обещания побитая наемная армия с Хаугвитцем в направлении к моравской границе отправилась в Австрию. Здесь, захватив несколько крепостей, не имея иного выхода – воины могли прожить опять-таки грабежами и набегами. Поэтому и их судьба сложилась так же, как и в Южной Венгрии: в середине мая армия императора нанесла им удар и беспощадно убивала оставшихся в живых после этого поражения.

Около тысячи пехотинцев, посланных в Белград, достиг такой же плачевный конец.

В 1494 году до Кинижи дошли не доказанные на деле обвинения, что члены охраны о чем-то договариваются с турками и готовятся к предательству. Об этом, однако, мы узнаем больше, если процитируем здесь повествование Бонфини: (Кинижи) "А Пал, когда услышал, что караульные солдаты строят планы на руку туркам, о сдаче Белграда, направил войско против главных вожakov заговора, и они после страшных пыток признали свою вину. На это военнoначальник – кажется мне – подверг их страшному невиданному доселе наказанию: загнал их всех в самую позорную тюрьму, каждый день одного из пленников, как козу,

подвешивал на вертел и прожаривал его на огне. А потом отдал его соплеменникам на съедение, как пищу; приумножая ужас страшного пира, спрашивал у них, по зубам ли им мясо предателя. Наконец, когда среди них не осталось никого, кто мог бы съесть последнюю жертву, этого узника – лишая необходимой пищи – обрек на медленную голодную смерть".

Здесь мы подошли к последнему вопросу нашей работы. Почему через три года после смерти Матяша называют попавшие в Южную Венгрию остатки его наемной армии черной армией? (В подлинниках *Arma nigra*, *Exercitus niger*, *Swarz heer*, *Cohortes nigrorum*).

По предположению некоторых исследователей, определение "черный" получило свое название от загоревших лиц воинов, проводивших зиму и лето под открытым небом.

Другие исследователи считают, что против коррозии они вытравливали броню воинов, и это название автоматически подразумевает и цвет одежды.

По мнению специалистов третьей группы, армия носит имя знаменитого наемного полководца Яна Хаугвитца из Бискупитца, который под именем Черный Хаугвитц встречается в источниках, повествующих о событиях 90-х годов.

Тот факт, что название "черная армия" встречается лишь после смерти Матяша, наводит нас на мысль, что черные знамена и траур наемной армии по своему господину подсказали название "черный".

Я не считаю себя достаточно компетентной, чтобы решить эту полемику, а только лишь хотела дополнить ее привлечением одного, до сих пор оставшегося без внимания, фактора. *Catalogus abbatum Saganensium* пишет, что их герцог Янош очутился лицом к лицу с Матяшем; венгерский король послал южную "отчасти безбожную, отчасти порочную армию", находившуюся под началом сербского деспота (вероятно, под ним подразумевается северинский бан). Определение "безбожная и порочная", по всей вероятности, стоит вместо стереотипа "*heretici et schismatici*", часто употреблявшегося ранее вместе при характеристике балканских народов. Источник повествует о них, что "они совершили святотат-

ство над церковью, евхаристию тела Христа выбросили из дарохранительницы и ее вместе с другой святой посудой и одеждой похитили, используя впоследствии в кощунственных целях". Аналогичную историю рассказывает и Бонфини о грабежах "так называемой черной армии чехов-ветеранов", располагавшейся в южной провинции: "по глупости и дерзости одного из воинов из церкви украли серебряный ларец, в котором находилось тело нашего Господа Христа, и святое тело его с неслыханной и позорной гнушностью бросил на землю".

Почему мы уделяем такое большое внимание этим деталям? Потому, что гуситы не отвергали дароприношений, христианскую мистерию хлеба и вина – в противоположность богомилам, которые не верили в то, что хлеб является подлинным телом Христа.

Здесь вернемся опять к тем репрессиям, с помощью которых Кинижи расправился с чехами. Хотя наш источник дословно не говорит, но имплицитно подразумевает, что выбор истребления был целенаправленным.

Принцип, по которому Кинижи действовал, был известен: "Если вы не верите и возьмете себе хлеб, тело Христа, то съешьте тело его, чьих неверных слов вы послушали".

Здесь лишь напомним, что Дьердя Дожу и его сподвижников, которые противостояли приказу о прекращении крестовых походов Тамаша Бакоца – полновластного посланника папы – и которые ни во что не приняли церковное отторжение (в его армии также можно привести много южновенгерских элементов) и поэтому считавшихся еретиками, отрицающих бога – итак, Дожу и его соратников наказали аналогичным образом. Однако после катастрофы именно в этой области проявляется "черный человек", Иован Черни.

Эта армия могла получить имя благодаря и богомильской ереси, признававшей черный цвет святым.

Не случайно, следовательно, что эту армию как раз тогда и впоследствии называют "черной" – после того, как она оказалась на южной территории страны. Не является также случайным и то, что именно "армия чешских ветеранов" еще сохраняет в своей

памяти гуситские учения. Оказавшись в новой, идеологически активной среде ереси, она могла обратиться к этим учениям.

Следовательно, мы можем сказать, что гуситская наемная армия, в которую можно зачислить и "чешских наемников Матяша", исконно была вызвана к жизни по религиозным мотивам. И в завершении своем – по превратности судьбы – потеря этой армии мотивировалась также религиозными представлениями.

История "черной армии" Матяша Корвина также подтверждает, что в течение X–XVI веков, хотя и в скрытой форме, но сильно проявлялось влияние болгарской богомильской ереси в южных провинциях Венгрии.

ЛИТЕРАТУРА

Ангелов, Димитър. Богомилството в България. София, 1969.

Cziker Károly. Kitől eredt Mátyás király fekete seregének elnevezése? (Szeged és Halas szerepe a fekete sereg feloszlásában.) Szeged, 1926. 30 p.

Fraknoi Vilmos. Hunyadi Mátyás király (1440–1490). Bp., 1890. Franklin, 416 p.

Geréb László. Bonfini: Mátyás király. (Tíz könyv a Magyar Történet-ből.) Bp., 1959. Magyar Helikon, 354. (3) p.

Klaniczay Tibor. Rapporti veneto-ungheresi all'epoca del Rinascimento. Bp., 1975. Akadémiai K., 437 p. 4 t.

Kubinyi András. Mozgósítás és hadseregellátási problémák Mátyás alatt. Hadtörténelmi Közlemények 103 (1990). 66–73 pp.

Lukinich Imre. Mátyás király. (Emlékkönyv születésének ötszázéves fordulójára.) I–II. Bp., 1940. Franklin, 574, (1); (2) p.

Nehring Karl. Matthias Corvinus, Kaiser Friedrich III. und das Reich. (Zum hunyadisch-habsburgischen Gegensatz in Donauraum.) München, 1975. Oldenbourg, 244 p.

Rázsó Gyula. Hunyadi Mátyás török politikája. Hadtörténelmi Közlemények, 22 (1975). 305–348.

Rázsó Gyula – V. Molnár László. Hunyadi Mátyás. (Emlékkönyv Mátyás király halálának 500. évfordulójára.) Bp., 1990. Zrínyi, 413, (2) p.

Szegfű László. La missione politica ed ideologica di San Gerardo in Ungheria [= Venezia e Ungheria nel Rinascimento. A cura di Vittore Branca. Firenze, 1973. 23–36 pp.]

Tóth-Szabó Pál. A cseh-huszita mozgalmak és uralom története Magyarországon. Bp., 1917. Hornyánszki ny. XVI, 474 p.

I. Tóth Zoltán. Mátyás király idegen zsoldos hadserege (a fekete sereg). Bp., 1925. Stadium, 376 p.

Zárnóczki Attila. Fegyverzet, katonai felszerelés, hadsereg Magyarországon Hunyadi Mátyás korában. Hadtörténelmi Közlemények, 103 (1990). 31–65 pp.

DIE POLEMISCHEN SCHRIFTEN KONSTANTIN-KYRILLS

Donka Petkanova

Unter den zahlreichen Werken Konstantin-Kyrills nehmen seine polemischen Schriften einen bedeutenden Platz ein. In ihrer Gesamtheit sind sie nicht erhalten. Aus der ausführlichen Vita Kyrills lassen sich jedoch Schlüsse über ihren Umfang und ihre Problematik ziehen.

In der Vita werden einige Dispute Kyrills dargelegt: mit Johannes Ikonoklast, mit den Arabern in der Zeit der Sarazenenmission, mit den Juden und Mohammedanern im Chasarenreich, mit den Anhängern der Dreisprachen-Theorie in Venedig. Da in der byzantinischen hagiographischen Literatur vom 7. bis 9. Jahrhundert viele verschiedenartige Dispute existieren, stellt sich die Frage, ob es sich bei den Disputationen Kyrills um historisch belegbare oder freie literarische Schöpfungen des Vitenschreibers im Geiste seiner Zeit handelt. Wenn Kyrill solche Dispute geführt hatte, woher schöpfte dann der Vitenschreiber seine Kenntnisse über deren Verlauf – aus mündlichen Berichten oder aus den polemischen Werken Kyrills?

Das erste Streitgespräch von öffentlicher Bedeutung führte dem Vitenschreiber zufolge Konstantin mit dem Ikonoklasten Johann VII. Es ist kurz. In seinen Antithesen und der Auswahl der Repliken entsteht ein eindrucksvolles Bild des jungen Philosophen. In der Wissenschaft existieren Überlegungen in Bezug auf die Authentizität dieses Disputes und Zweifel, ob Kyrill jemals eine polemische Schrift gegen den Ikonoklasmus hinterlassen hat. Bis jetzt gibt es keine eindeutigen Gründe, die den betreffenden Dialog in der Vita als vollständig erfunden oder aber als einen Auszug aus einer polemischen Schrift Kyrills erklären könnten. Deshalb will ich auf die Frage an dieser Stelle nicht weiter eingehen.

Die Frage über die Polemiken Konstantins gegen die Mohammedaner und Juden in Chasarien ist geklärt. Die Teilnahme an der religiös-politischen Mission bei den Chasaren ist bewiesen. Sie wird direkt oder indirekt

in anderen schriftlichen Denkmälern bestätigt und braucht nicht mehr diskutiert zu werden.

Als geklärt gilt auch, daß Konstantin anlässlich dieser Mission polemische Werke verfaßt hat, die den Ablauf und Charakter der geführten Dispute widerspiegeln. Zu den Streitgesprächen im Chasarenreich lesen wir im 10. Kapitel der Vita Kyrills: "Von dem Vielen aber haben wir dieses gekürzt und soweit knapp dargelegt, der Erinnerung wegen (pameti radi). Wer aber diese Reden vollständig suchen will, der wird sie in seinen Büchern finden, soweit sie unser Lehrer, der Erzbischof Method, übersetzt hat, in dem er sie in acht Predigten (im Text "osmъ slovesъ") unterteilte."

In dieser Passage werden einige wichtige Angaben mitgeteilt:

1. Konstantin hat seine Streitgespräche, die er im Chasarenreich geführt hat, schriftlich fixiert.

2. Die Werke sind griechisch geschrieben und von Method ins Slavische übersetzt worden.

3. Der Vitenschreiber bediente sich der slavischen Übersetzung, von der er einige wichtige Momente in gekürzter Fassung übernahm.

4. Bei der Übersetzung hat Method sie nach einem bestimmten Prinzip in acht Teile (osmъ slovesъ) aufgeteilt.

Nur bei der letzten Aussage existiert eine gewisse Unklarheit. Um welche "osmъ slovesъ" geht es hier? Handelt es sich um eine Sammlung mit acht (oder ungefähr acht) Reden, die *nur* den Disput im Chasarenreich wiedergeben, oder um eine Sammlung, das das *gesamte polemische Schaffen* Konstantins beinhaltet und aus acht Teilen besteht? Oder wird hier an einzelne Bücher gedacht, die das *gesamte Schaffen* Kyrills enthalten?

Der darauffolgende Satz im Text gibt die Möglichkeit, uns bis zu einem gewissen Grade zu orientieren. Der Vitenschreiber berichtet über die Schriften Kyrills: "dort wird er (der Leser) auch die Wortgewalt von Gottes Gnaden erkennen wie eine brennende Flamme gegen die Gegner (ako i plamenъ na protivnye)."

Da die "Wortgewalt gegen die Gegner" angesprochen wird, ist es klar, daß der Vitenschreiber an polemische Schriften denkt. In diesem Fall können wir behaupten, daß Konstantin acht polemische "Reden" verfaßt hat. Damit bleibt jedoch die Frage offen, ob diese "Reden" nur die chasarische Mission beinhalten oder auch die Polemiken Konstantins mit den Arabern und der lateinischen Geistlichkeit in Venedig. Es ist glaubhafter, daß sie das

gesamte polemische Wirken Konstantins wiedergeben. Unwahrscheinlich ist, daß er sich ausschließlich den Fragen gewidmet hat, die während der Mission ins Chasarenreich gestellt wurden, ohne als Schriftsteller auf die anderen, nicht weniger wichtigen Fragen aufmerksam zu machen, die während des Ablaufs der übrigen zwei Missionen erörtert wurden. Das Streitgespräch Kyrills mit den Arabern, das in der Vita dargelegt wird, ist so originell, daß der Gedanke schwerfällt, es könne vom Vitenschreiber erdacht und mit Hilfe verschiedener fremder Schriften verfaßt worden sein. Der Disput spiegelt die Atmosphäre der Zeit wider. Das gleiche gilt auch für die Rede Konstantins in Venedig. Sie verrät Kyrills poetische Ausdrucksweise und seine Ideen von den in der Muttersprache verfaßten Schriften.

Seinerzeit zweifelte V. Lamanskij¹ an der Autentizität der Streitgespräche in der Vita; er nahm sogar an, daß es sich bei einigen Passagen um Interpolationen handle. Alle fünfzig bis heute bekannten Abschriften der Vita weisen auf Einheitlichkeit des Textes hin. Deshalb kann man Interpolationen ausschließen. Der uns aus der Vita bekannte Text spiegelt das Original des Autors wider. Ohne die Mission an sich in Frage zu stellen, zweifeln V. Vavřinek² und B. Panzer³ an der Historizität der Dispute und vor allem daran, daß Konstantin Werke, die damit in Zusammenhang stehen, hinterlassen hat, wenn diese Dispute überhaupt geführt wurden. Eines der Argumente ist, daß trotz der ideologischen Wichtigkeit der diskutierten Probleme die Schriften Kyrills weder in slavischer, noch in griechischer Sprache erhalten sind. Diese Überlegung bedarf keines ausführlichen Kommentars. Zahlreich sind die Fälle der geschriebenen, aber nicht erhaltenen Werke. Die Wissenschaftler wurden außerdem auf die unlogischen Zusammenhänge und die Anhäufung vieler Zitate aufmerksam. Das läßt sich jedoch leicht aus dem Umstand heraus erklären, daß der Vitenschreiber *einzelne* Momente der Streitgespräche Kyrills nacherzählt und zitiert und sie nicht als Ganzes wiedergibt.

In den Disputen, wie sie uns aus der Vita bekannt sind, werden vielfach diskutierte Fragen gestellt, die als Probleme jenes Zeitalters gelten. Die Diskussionen berühren grundlegende Haltungen des christlichen Glaubens und ihre Gegenargumente; sie beinhalten die prinzipiellen Stellungnahmen zur Verteidigung des Christentums und der slavischen Kultur; sie berühren nachbarschaftliche Beziehungen. Seit dem siebten

Jahrhundert wird ständig gegen die Juden polemisiert, und zur Zeit Kyrills schreibt Niketas von Byzanz drei Werke gegen die Araber; zwei von ihnen beschäftigen sich mit der Frage der Trinität Gottes anlässlich einer Mission. Außerdem werden die diskutierten Fragen auch in einigen Viten dargestellt. Darum ist es ganz natürlich, daß Kyrills Missionen Anlaß zur Entstehung großer polemischer Werke wurden. Die Schriften Kyrills könnten als Anleitung gedient haben, so wie jahrelang andere polemische Werke diesen Dienst erfüllten. Deshalb übersetzte Method sie. In Mähren verlieren viele der in den verschiedenen Missionen diskutierten Fragen nichts von ihrer Aktualität. Mit der Übersetzung der polemischen Schriften Kyrills gibt Method seinen Schülern ein Beispiel für einen Disput und Material für die Verteidigung des östlichen Christentums und der Interessen der östlichen Kirche.

Der Postulierung von Konstantin-Kyrill als Autor polemischer Werke anlässlich der Missionen ins Chasarenreich, zu den Sarazenen und nach Mähren kann man noch weitere Überlegungen hinzufügen. In den Streitgesprächen, die der Vitenschreiber ausführt, spürt man die Welt der Ideen und Bilder der Gregorios Bogoslov, den Konstantin verehrt und mit Eifer studiert. So findet sich bei Gregorios Bogoslov der Vergleich des christlichen Gottes mit einem tiefen Meer, der von Konstantin zu einem poetischen Vergleich entfaltet wird. Eine noch größere Argumentationskraft bietet das geistige Erbe des Patriarchen Photios in den Streitgesprächen Konstantins. Es ist bekannt, daß Photios ein Lehrer Konstantins war, und daß er ihn als Missionar zu weit entfernten Völkern sandte. Photios schreibt man auch den Gedanken zu, daß alle Wissenschaften aus Griechenland hervorgegangen sind; dieser Gedanke ist ausführlich in seinem Brief an den Armenier Zacharias dargestellt. In der Vorstellung von der großen Rolle der Vernunft bei der Erkenntnis der Wahrheit sowie in der Beziehung zur Dreisprachigkeit ist der Einfluß von Kyrills Lehrer zu spüren. In den Streitgesprächen kann man auch einen Widerhall der philologischen Werke des Photios entdecken.

Daher können wir aufgrund der Informationen aus der ausführlichen Vita Kyrills, untermauert durch logische Überlegungen zum Geist der Zeit, schließen, daß Konstantin-Kyrill die folgende Reihe von polemischen Werken geschrieben hat:

1. Werke gegen die Mohammedanern anläßlich seiner Mission zu den Sarazenen.

2. Polemische Schriften gegen die Juden und gegen die Mohammedaner anläßlich der Chasarenmission.

3. Rede gegen die Vertreter der Dreisprachigkeit, die vor der Versammlung in Venedig ausgetragen wurde.

Damals haben die polemischen Aufsätze Konstantins einen tiefen Eindruck auf seine Schüler hinterlassen. Dies wird unmittelbar von Kyrills Vitenschreiber in seiner schon zitierten hohen Wertschätzung zum Ausdruck gebracht und indirekt durch die vielen Auszüge aus Kyrills Texten. Offensichtlich schätzt sie der Autor sehr positiv ein, sowohl ihrer Form nach, als auch als eine reichhaltige Quelle von Ideen. Er benutzt sie mit einem erkenntnistheoretischen und gleichzeitig mit einem ideologischen Ziel, und er ist sich ihrer Aktualität und Lebendigkeit voll bewußt.

Da die Polemiken Konstantins gekürzt und wahrscheinlich an einigen Stellen nacherzählt sind, kann die Vita keine genaue Vorstellung von der Komposition der originalen Streitgespräche liefern.

F. Grivec, F. Dvornik, E. Georgiev und andere Autoren vermuten, daß Konstantin seine Werke gegen die Araber und Juden in Dialogform geschrieben hat. Das ist möglich, da sich im achten und neunten Jahrhundert eine Reihe von Werken gegen die Ikonoklasten und Araber der Form des Dialogs bedienten. Es ist jedoch nicht ausgeschlossen, daß die Streitgespräche in der gewöhnlichen polemischen Form geschrieben waren und die Meinungen des Gegners mit dem Ziel, ihm eine Antwort zu liefern, miteinbezogen. Um größere Lebendigkeit zu erreichen, paßt der Vitenschreiber das Material dem Vitengenre an. In ihm wird der Dialog als Erzählmittel zu größerer Bildlichkeit angewandt.

Ganz gleich, wie wir uns die schöpferische Verwendung der polemischen Schriften Kyrills in der Vita vorstellen, so wird doch klar, daß wir keine soliden Anhaltspunkte haben, um der Frage nach der Reihenfolge der Themen und deren literarischen Gestaltung nachzugehen. Die Vita gibt aber uns Aufschluß über die *Problematik* der geführten Dispute und dementsprechend auch über die Werke Kyrills. Bei den Sarazenen diskutiert er die Frage der Trinität Gottes. Dieser Frage geht er auch bei der Chasa-

renmission nach, da die Lehre von der Trinität Gottes ein grundsätzliches christliches Dogma ist, das sehr oft von den Mohammedanern angegriffen wird.

Mit den Sarazenen erörtert Konstantin noch die Themen Frieden, Steuern und Künste. Im Chasarenreich diskutiert er über Marienempfangnis, Beschneidung, Ikonenverehrung, die Wiederkunft des Messias und die Propheten, über Christus als Messias und über den Genuß von Fleisch.

Aus den Auszügen des Vitenschreibers bekommt man auch eine Vorstellung von dem großen polemischen Können Konstantins. An ihnen wird der *Charakter der Argumentation*, die er verwendet, sichtbar. Eine der grundlegenden Fragen bei der Schaffung polemischer Werke ist die Frage nach der Argumentation, die für das polemische Resultat von Bedeutung ist. In der Ausführung der in der Vita dargestellten Dispute fällt sofort die vielseitige Bildung Kyrills auf. Er benutzt eine reiche Argumentation: Zitate aus verschiedenen Büchern, historische Fakten, logische Überlegungen, Beispiele aus dem Leben, Gleichnisse.

Die Mehrzahl der Polemiker aus dem Mittelalter bedient sich der Bibel als einer sicheren Waffe. Bei Konstantin ist wichtig zu wissen, daß er sich geschickt der geistigen Welt seines Gegners bedient; dementsprechend ist auch die Wahl seiner Zitate.

So benutzt er zum Beispiel bei den Streitgesprächen mit den Juden das *Neue Testament nicht*. Seine Zitatargumente sind *nur* dem Alten Testament entnommen, da das Alte Testament für die Juden heilig ist. Die neutestamentlichen Schriften sind christlichen Ursprungs und haben für die Juden keine Beweiskraft. Außerdem zitiert er Aquila, der besonders von den Juden verehrt wird. Seine Übersetzung wird, hauptsächlich bei Disputen mit Christen, der Septuaginta vorgezogen.

Bei den Sarazenen benutzt Konstantin nur eine *begrenzte* Anzahl von Zitaten aus dem Alten und Neuen Testament, obwohl die Araber diese Bücher kennen. Wenn die Mohammedaner ihren eigenen Propheten haben, ist es natürlich, daß jüdische und christliche Bücher nicht die überzeugendste Argumentation liefern können. Deshalb sucht Konstantin *andere* Überzeugungsmöglichkeiten, er bedient sich logischer Überlegungen und führt Zitate aus dem Koran an.

In den Streitgesprächen sind *Beispiel* und *Gleichnis* häufig benutzte Mittel, sowohl bei der Sarazenen- als auch bei der Chasarenmission. Durch

das Gleichnis werden komplizierte Gedankengänge veranschaulicht und geklärt; die Philosophie des Christentums wird verständlich.

Das Gleichnis ist kein beständiger Grundzug polemischer Literatur, so wie die Benutzung biblischer Zitate. Die Benutzung des Gleichnisses ist eine Besonderheit in den Disputen Kyrills. Sie ist von der Zuhörerschaft abhängig, die andersgläubig war und keine grundlegenden Kenntnisse von der christlichen Theologie hatte. Demnach hatte sie auch eine andere Denkweise. Dieses Publikum kann das Christentum nicht annehmen und ist ihm obendrein feindlich gesinnt. Um einen Kontakt zwischen Redner und Gegner herzustellen und um ein positives Resultat (aus byzantinischer Perspektive) zu erreichen, mußte man ein überzeugendes Mittel der Erklärung finden. Es ist die kurze allegorische Erzählung, die auf logischen Überlegungen und der Klarheit des Gedankens basiert. Zweitens wird diese Besonderheit in den Disputen Kyrills auch durch die schöpferische Individualität des Autors bestimmt, durch seine Fähigkeit der Veranschaulichung, durch sein Können, theologische Fragen auf dem schöngestigen Wege zu erörtern.

Wir kennen nicht die *Anzahl* der in den Disputen gegen die Mohammedaner und Juden benutzten Gleichnisse. Wenn wir aber annehmen, daß das Verhältnis ungefähr dasselbe war, wie bei den Disputen in der Vita (d.h. bei der Chasarenmission ist die Anzahl der Gleichnisse höher), so hat dies auch einen Grund. Wir entdecken erneut Konstantins feines Gespür als Redner. Er mußte im Chasarenreich vor einem *gemischten* Publikum diskutieren, das aus Juden, Mohammedanern und Heiden bestand. Da ein großer Teil der Chasarenobrigkeit jüdischen Glaubens war, waren die Juden am stärksten vertreten. Die Mohammedaner waren aggressiv, da sie eine Stütze im benachbarten Sarazenenreich hatten. Die Heiden standen zwischen drei Ideologien. Sie hatten ihre eigenen Vertreter in den Organen des Reichs, manchmal auch bei den Streitgesprächen, da sie gesetzlich geschützt im Chasarenreich lebten. Im Chasarenreich wurde Glaubensstoleranz geübt. Manche Wissenschaftler vermuten, daß sogar der Kagan selbst Heide war, andere nehmen an, daß er zum jüdischen Glauben übergetreten sei. Folglich traf Konstantin auf ein *heterogenes* Publikum, das sich auf *verschiedenen* Bildungs- und Ideologiestufen befand. Er mußte eine gemeinsame Sprache finden, damit sein Wort einen jeden erreichte. Diese gemeinsame Sprache ist die Sprache der Gleichnisse. Die leichtverständli-

chen Gleichnisse sind die konfliktärmste, universellste und einfachste Möglichkeit, die gestellten Fragen zu beantworten.

In Venedig hält Konstantin eine Rede, die die slavischen Bücher gegen die Angriffe der Dreisprachler verteidigt. Diese Rede wird heute von den Wissenschaftlern als die "Rede gegen die Dreisprachler" bezeichnet. Wie ihr ursprünglicher Titel lautete, ist nicht mehr bekannt. In der ausführlichen Vita Kyrills ist ein langer Abschnitt davon erhalten geblieben. Nachdem er ihn zitiert hat, erklärt der Autor der Vita: "Mit diesen Worten aber und vielen anderen beschämte er (der Philosoph) sie, ließ sie und ging davon." Daraus ist ersichtlich, daß in der Vita die Rede Kyrills nicht vollständig zitiert worden ist. Da sie als selbständiger Aufsatz nicht erhalten ist, ist der in der Vita angegebene Abschnitt eine unschätzbare Quelle für das tiefergehende Verständnis von Konstantin-Kyrill als Polemiker. In diesem Abschnitt ist die zugrundeliegende Idee und ihre Ausführung abgeschlossen, darum bietet er im Vergleich zu den anderen Vitendisputen Kyrills eine größere Möglichkeit, die Form des Originalwerks Kyrills zu errahnen.

Das entscheidende Argument der Dreisprachler ist, daß die slavische Sprache nicht zu den drei "heiligen" Sprachen gehöre und deshalb nicht das Recht habe, "Gott zu dienen". Konstantin versucht daher zu beweisen, daß die slavische Sprache ein Recht darauf hat, als schriftliche Kirchensprache zu gelten. Er erkennt aber auch, daß seine Position nicht stark genug wäre, würde er nur die slavische Sprache verteidigen. Die Frage ist prinzipieller Natur, und prinzipiell muß auch die Fragestellung sein. Können die Völker Gott in ihrer eigenen Sprache ehren, oder ist es ihnen verboten? Was legitimiert die Praktizierung der Dreisprachigkeit, und hat diese Idee überhaupt eine Begründung? Das Problem der slavischen Bücher und slavischen Gottesdienste stellt Kyrill deshalb auf einer breiteren Ebene dar. In seiner Rede gebraucht er keine Begriffe wie "slavische Sprache" oder "slavische Bücher", sondern er spricht für die *Rechte der Völker überhaupt*. Indem er die slavischen Interessen verteidigt, erweist er sich als Kämpfer für die kulturelle Gleichberechtigung aller Völker. Konstantin beginnt mit einer logischen Überlegung, die auf Naturbeobachtung beruht: "Läßt Gott nicht regnen über alle gleich? Oder scheint nicht ebenso auch die Sonne auf alle? Und atmen wir nicht alle die gleiche Luft?" Es ist kein Zufall, daß der Autor die Worte "alle" und "gleich" *hervorhebt* (im Text "vsi" und

"ravno"). Daraus läßt sich ein Schluß ziehen, den jeder versteht: Wenn Gott die Naturgaben allen überläßt, so teilt er die Völker nicht, sondern er behandelt sie alle gleich. Nach der Hervorhebung dieser Idee (von der Gleichberechtigung aller Völker vor Gott und damit vor aller Welt) stellt Kyrill eine Frage, die gleichzeitig ein *Vorwurf* ist: "Wie schämt ihr euch da nicht, daß ihr nur drei Sprachen anführt und allen übrigen Völkern und Stämmen blind und taub zu sein befiehlt?" (Kap. XVI.)

In der schwer haltbaren Behauptung der Dreisprachler sucht Kyrill nach der Logik und stellt ihnen eine neue und letzte Frage, in der sich eine *große Anklage* verbirgt: "Erklärt mir, haltet ihr Gott für ohnmächtig, daß er dieses nicht gewähren kann, oder für neidisch, daß er es nicht will?" Welcher Geistliche des Mittelalters würde es wagen, Gott als schwach und neidisch hinzustellen? Können denn die Gegner Gott für unvollkommen erklären? Wie wir sehen, hat jede Frage zwischen den Zeilen eine innere Logik. Die Ideen des Gegners werden so gedeutet, daß sie sich gegen ihn selbst wenden. Kyrill beantwortet seine Angriffe so logisch, daß sie sich in Selbstanklagen verwandeln.

Schon am Anfang des Disputes entkräftet Konstantin die Argumente der Dreisprachler; doch das ist nicht genug, um die Rechte der Sprachen zu verteidigen. Die Argumentationskraft ist groß, doch sie rührt von der menschlichen Vernunft her. Konstantin geht zu einer anderen Art der Argumentation über, die objektiv gesehen die größere Überzeugungskraft besitzt. Das sind die historischen Fakten. Sie sind unumstritten, da es viele Völker gibt, "die der Schrift kundig sind und Gott lobpreisen". Konstantin zählt deren mehr als zehn auf: "die Armenier, die Perser, die Abasger, die Iberer, die Sugder, die Goten, die Awaren, die Tursier, die Chasaren, die Araber, die Ägypter und die Syrer". Die Mehrzahl der aufgezählten Völker verfügte über eine eigene Schrift, eigene Bücher und Gottesdienste in ihrer eigenen Sprache. Andere Völker hatten keine eigene Schrift, doch sie bedienten sich einer fremden Schrift, um in ihrer Muttersprache Gott zu ehren. Es ist offensichtlich, daß Kyrill über gute Kenntnisse der schriftlichen Kultur der Völker verfügte. Diese Fakten waren auch seiner Zuhörerschaft in Venedig nicht fremd. Damit ist der Gedanke, der hinter den Kyrills Worten steht, ganz klar – wenn Gott so viele Jahre geduldet hat, da so viele Völker ihren eigenen Gottesdienst haben, so müßte dieser Gottesdienst und die Bücher in der jeweiligen Muttersprache von Gott

anerkannt sein. Somit gibt es für die Theorie der Dreisprachigkeit keinen hinreichenden Grund und für die Slaven keine Hindernisse, Gott in ihrer eigenen Sprache zu verehren.

Für Konstantin reicht dieses Argument nicht aus. Es gibt *noch einen*, für die Christen unumstößlichen Grund – die Heilige Schrift. Darin gibt es Stellen, die den Gottesdienst in der Muttersprache rechtfertigen. Konstantin wendet deshalb ein: "Wenn ihr daraus nichts begreifen wollt, erkennt den Richter wenigstens aus der Schrift..." Es folgt eine Reihe von Zitatargumenten. Der Autor zitiert den Psalter, bringt Auszüge aus zwei Evangelien; danach zitiert er wiederholt den Apostel Paulus. Es reiht ein Argument an das andere und unterstützt so seine eigenen Ideen mit der Reichhaltigkeit des biblischen Zeugnisses.

Besondere Aufmerksamkeit schenkt er dem Apostel Paulus, und auch das ist nicht zufällig. Bei ihm findet Konstantin die klarsten Argumente dafür, daß das einfache Volk das Wort Gottes in einer verständlichen Sprache hören soll, und daß eine Beziehung zwischen Prediger und Hörer hergestellt werden muß. Es ist außerdem bekannt, daß der Apostel Paulus im Westen besonders verehrt wird. Nach der kirchlichen Überlieferung hat er in Rom gepredigt, er wurde in römischen Gefängnissen gefoltert und ist in Rom getötet worden. Man kann sehen, daß Konstantin bei der Wahl der Zitate aus der Heiligen Schrift auch diesmal die Umgebung mit einbezieht. Er bedient sich keiner Gleichnisse, sondern einer Vielzahl biblischer Zitate, insbesondere aus den Schriften des Apostels Paulus, die den Charakter unumstößlicher Autorität in sich tragen, da die Versammlung in Venedig (Opponenten und Zuhörer) christlich und hochgebildet ist und hauptsächlich aus lateinischen Geistlichen besteht. Ohne viele Worte, in einer präzisen Sprache, die keine Doppeldeutigkeit duldet, mit gekonnt ausgesuchten Argumenten, die sich allmählich *steigern*, entwaffnet Konstantin die Dreisprachler. So bahnt er sich den Weg nach Rom, wo das slavische Buch anerkannt werden wird.

Die polemischen Werke Konstantin-Kyrills, die ins Slavische übersetzt wurden, verfügten in ihrer Zeit über eine große öffentliche Bedeutung. Seinen Schülern dienten sie als Muster glänzender Rednerprosa. Es ist kein Zufall, daß auf den Bibliothekar Anastasius die Redegewandtheit Konstantins einen tiefen Eindruck machte. In dem Brief an Gauderik von

Veletri anläßlich anderer Werke Kyrills (für Clemens von Rom) beurteilt er ihn mehrmals als bemerkenswerten Philosophen und Redner. Wir können die begeisterte Bewertung des Vitenschreibers als realistisch einstufen. Der Vergleich der Redegewandtheit Kyrills mit einem Feuerstrahl schafft uns eine Vorstellung von seinem Temperament als Redner, von der unerschütterlichen Logik seiner Argumentation, von der wunderbaren Beherrschung der Sprache und der rethorischen Mittel. Später wirkt in Bulgarien das Werk Kyrills auch auf Černorisec Chrabăr. Er lernt von seinen Ideen der Gleichberechtigung der Völker und der Unhaltbarkeit der Theorie der Dreisprachler, lernt von seinem Mut, von der Beachtung historischer Fakten und gewinnt dadurch an Selbstbewußtsein.

LITERATUR

¹ V. Lamanskij, Slavjanskoe žitie sv. Kirilla kak religiozno-epĭeskoe proizvedenie i kak istoričeskij istočnik. Kritičeskie zametki. ZMNPr., Bd. 346 (1903), April, S. 345–385, Bd. 347 (1903), Juni, S. 350–388.

² V. Vavřínek, Staroslověnské životy Konstantina a Metoděje. Praha, 1963.

³ B. Panzer, Die Disputationen in der aksl. Vita Konstantini. Zeitschrift für slavische Philologie, 1968, Bd. 34, H. 1, S. 66–86.

СТРУКТУРА НА КАЛЕНДАРА В РАННИТЕ СЛАВЯНСКИ ЕВАНГЕЛСКИ РЪКОПИСИ

Екатерина Дограмаджиева

1. Многобройни са изследванията върху календара в ранните славянски евангелия. По-пълни или по-кратки данни по този въпрос има в повечето издания на славянски евангелия – Асем, Бан, Врач, Вук, Григ, Добром, Добрейш, Зогра, Кох, Мир, Мак, Мст, Рад, Сав (вж. списъка на съкращенията и изданията на изворите в края на публикацията). Особено ценни в тази област са проучванията на В.Н. Щепкин,¹ архиеп. Сергей,² Й. Врана,³ О. Неделкович,⁴ И. Бърнс,⁵ Л.П. Жуковская,⁶ Л. Мошински,⁷ Л. Скоморохова-Вентурини и А. Наумов,⁸ Тр. Кръстанов⁹ и др.

Настоящото изследване е ориентирано към структурната страна на календара. Неговата цел е да се определят основните елементи в строежа на календара и взаимоотношенията между тези елементи в старите славянски евангелски ръкописи. Проучването се основава на 18 издадени евангелия и 14 непубликовани ръкописни четвроевангелия: Будапещенското евангелие от Националната библиотека "Сечени" в Будапеща със сигнатура Cod. Man. Slav. № 7;¹⁰ № 22 и 467 от XIII–XIV в., № 31 от 1361 г., № 38 от края на XV в., № 55 от 1558 г., № 58 от 1573 г., № 60 от началото на XVI в., № 421 от началото на XIV в., № 483 от XV–XVI в., № 488 от 1555 г., № 509 от средата на XIV в., № 843 от XIII в., № 1139 от края на XIV в., № 1140 от средата на XV в. от Народната библиотека "Кирил и Методий" в София.

2. Основен фактор в оформянето на евангелския календар е делението на текста на тематично обособени последователно номерирани части. Днешната подялба на глави и стихове се е извършила във връзка с публикуването на първите печатни

евангелия през XVI в. Тя е основана на по-стари деления, но не съвпада напълно с тях. Главната отклика е в това, че днешната подялба е двустепенна – по глави и стихове, докато старите деления са само едностепенни – по глави. Освен това границите на старите и новите фрагменти не винаги съвпадат.

До XVI в. в славянските ръкописи са прилагани 3 типа деления. Най-старата подялба възхожда към III–IV в. и е най-многочислена: Мт е разделен на 355 глави, Мк – на 235, Лк – на 343, Йо – на 232, всичко 1165 глави. Прието е те да се наричат Амониеви глави по името на Амоний Александрийски (III в.), въпреки че в науката се спори дали действително Амоний Александрийски е извършил тази подялба или Евсений Кесарийски.¹¹ Делението започва от началото на всеки от четиримата евангелисти.

Втората подялба също е старинна. Извършена е преди X в. По нея главите в Мт са 68, в Мк – 48, в Лк – 83, в Йо – 18, всичко 217 глави.¹² Прието е те да се наричат Обширни глави. Това деление, за разлика от първото, не започва от началото на всеки евангелист. За Мт то начева от съвременна 2.1, за Мк – 1.23, за Лк – 2.1, за Йо – 2.1. Само при тази подялба всяка глава има свое заглавие. Списък на заглавията със съответната номерация се помещава преди всяко от четирите евангелия. По правило заглавията се изписват още при съответния текст в горното или долното поле.

Третата подялба също е много стара. Тя се е извършвала постепенно във връзка с установяване и уточняване на богослужебната практика. Основна единица в тази подялба е богослужебното четиво (зачало, перикопа). То е основна единица и изобщо в строежа на богослужебния евангелски календар. Обикновено перикопата обхваща един цялостен фрагмент, напр. за Пасха: Йо 1.1–17. По-рядко е съставена от няколко фрагмента с прекъсване, напр. за Нед 1 Петд: Мт 10.32–33, 37–38, 19.27–30 (вж. списъка със съкращенията на календарните наименования в края на публикацията). Още по-сложно е четивото за Четв вел – лит. То е комбинирано последователно от откъси от Мт 26.2–20, Йо 13.3–17, Мт 26.21–39, Лк 22.43–45, Мт 26.40–75, 27.1–2. За всеки ден се

предвижда обикновено по едно четиво, но за големите празници се определя едно за утрenna и едно за литургия. По-голям брой са четивата за Четв вел: за утрenna, На умовение ногу, По умовение ногу, литургия, 12 страстни евангелия. Номерацията на тази подялба навярно е извършена сравнително късно. В проучената литература не съм попаднала на сведения за нея. Тя се прилага последователно в славянските ръкописи от XV и XVI в. Най-ранният ръкопис с такава номерация, който съм намерила досега, е Будапещенското евангелие от XIII в. Последователността в номерацията се определя от реда на фрагментите в четвроевангелието, а не от техния богослужебен хронологически ред. Назовавам я перикопна. От Мт са номерирани 116 перикопи, от Мк – 161, от Лк – 141, от Йо – 167, всичко 585 (по ръкопис № 38 от НБКМ, който е най-прецизен по отношение на богослужебните указания).

И трите типа номерация са предназначени за четвроевангелието. Вторият тип деление няма богослужебна роля и затова остава в рамките на четвроевангелието. Първият и вторият тип се използват за означаване на богослужебните четива и биват пренесени в Изборното евангелие. Прави впечатление, че и при трите подялби главите са неравномерни по обем – има и съвсем кратки глави, и твърде дълги. Очевидно тематичната общност е решаващият критерий за тяхното отделяне.

3. Вторият основен фактор в оформянето на евангелския календар е богослужебната подредба на четивата. Както е известно, богослужебният календар се състои от няколко цикъла.¹³ Основните са 2, всеки от които обхваща пълна година, но с различно начало.

А. Единият започва от Нед Пх (Великден) и завършва в Съб вел. Великден не е фиксиран ден в календара, а се определя различно всяка година в неделен ден, ориентиран по определена формула според пролетното равноденствие и новолунието. Таблиците за изчисления на Пасха са включени в сборници, наречени Пасхалия. Съответно и цикълът, започващ от Великден се мести спрямо фиксирания календар. Затова той обикновено се

нарича *Цикъл на подвижните празници* или *Синаксар*. Този цикъл от своя страна се дели на 4 по-малки цикъла:

А.А. Пасхален. Обхваща 50 дни и носи името Петдесетница. Четат се перикопи от Йо, затова в ръкописите е означен като Йоанов.

А.Б. След Петдесетница. Обхваща 17 седмици. В някои ръкописи са посочени 16 (напр. в Мар). От 1 до 11 седмица всеки ден и от 12 до 17 седмица съботите и неделите се четат перикопи от Мт, в останалите дни – от Мк. В ръкописите цикълът се означава като Матеев, даже когато четивото е от Мк.

А.В. След Ново лето. Обхваща 19 седмици, като 17-ата понякога се означава Преди Месопуст, 18-ата – Месопустна, 19-ата – Сиропустна. Четивата за всички дни от 1–12 седмица, за съботите и неделите на 13–17 седмица, също Съб мес, Вт и Четв сир са от Лк, за Нед мес, Съб сир и Нед сир – от Мт, останалите – от Мк. В ръкописите този цикъл се отбелязва като Лучин даже там, където четивото е от Мт или Мк.

А.Г. На Великия пост и Страстната седмица. Включва 7 седмици: 6 седмици на Великия пост, завършващи с Лазарова събота и Цветна неделя, и седма – Страстна седмица (или света и велика). Четива има и от четиримата евангелисти.

Б. Вторият основен цикъл е Цикълът на неподвижните празници или Месецословът. Започва от началото на Ново лето – 1 септември, и завършва на 31 август. Дели се съответно на 12-те месеца.

4. Третият фактор е типът евангелие. Както е известно, според подредбата на четивата евангелията биват 2 основни типа: 1) без богослужебна подредба, според евангелистите – четвроевангелия; 2) с богослужебна подредба, според календара – Изборни евангелия (апракоси). В зависимост от степента на пълнота на Синаксара Изборните евангелия са 3 типа: пълни, кратки, неделни. Пълните апракоси имат четива за всеки ден от Подвижния цикъл освен за Великия пост, когато има четива само за съботите и неделите. Кратките апракоси имат четива за всеки ден само за Пасхалния цикъл и Страстната седмица, а за останалото време –

само за съботите и неделите. Неделните апракоси имат четива за всеки ден само за Страстната седмица, а за останалата част от годината – само за съботите и неделите.

В апракосите четивата са подредени в календарен ред. Най-напред е представен Синаксарът, сетне Месецословът. Отделни блокове образуват 11-те възкресни неделни евангелия и Евангелия за различни потреби. Мястото им не е строго определено. В едни ръкописи (напр. Остр) 11-те възкресни евангелия се изреждат в края на Синаксара, а в други ръкописи (напр. Асем, Сав, Мст) – след Месецослова. Четивата в апракосите се представят по два начина: или в цялостен текст, или са маркирани с начало и край и препратка към същото четиво, изложено пълно за друг ден. В такъв случай в надслова освен данните за деня се посочват обикновено евангелистът, Амониевата глава, препратката. Надсловите по правило са вътре в текста. В горното или долното поле се дават сведения, ако същото четиво се чете и за друг ден.

Четвероевангелията са поделени от Й. Врана¹⁴ според богослужебния им строеж на 3 основни типа: 1) непредназначени за богослужебна употреба и затова неразделени на четива – боснанските богомилски четвероевангелия; 2) предназначени за богослужебна употреба, разделени на четива без надслови, в края със Синаксар, 11-те възкресни евангелия, Месецослов, четива за различни потреби; 3) предназначени за богослужебна употреба, разделени на четива с надслови за синаксарната част и с Месецослов. Наред с тези три типа Й. Врана установява и преходни случаи.

Трите типа номерация не са използвани по един и същ начин в четвероевангелията. Според този показател четвероевангелията могат да се разделят на 5 класа: 1) само с Амониеви глави, напр. Добрейш от XIII в., Бан от края на XIII в., ръкописи от НБКМ № 843 от XIII в., № 22 и 467 от XIII–XIV в., № 421 от началото на XIV в., № 31 от 1361 г.; 2) само с Обширни глави, напр. ръкописите от НБКМ № 1139 от края на XIV в., № 60 от началото на XVI в.; 3) с Амониеви и Обширни глави, напр. Зогра, Мар, ръкописи от НБКМ № 509 от средата на XIV в., Лондонско евангелие от 1356 г.; особен случай е Добром, в което липсва номерация за Амониевите глави, но те са означени чрез главни

букви; 4) с Амониеви и Перикопни глави, напр. Буд от края на XIII в.; 5) с Обширни и Перикопни глави, напр. ръкописи от НБКМ от XV и XVI в. № 1140, 38, 483, 488, 55, 58.

Значителни различия между четвроевангелията има и според реда на указанията след евангелския текст. При част от ръкописите най-напред се представя Синаксарът, сетне Месецословът (напр. Добрейш, № 1139, № 60, № 483, № 55, № 58 от НБКМ), а при други – обратно (напр. Бан, № 31, № 509, № 1140 от НБКМ, Лонд). Особен случай е ръкопис № 1140 от НБКМ. В него след Месецослова следва Синаксарът, но от Ново лето, т.е. от там, където завършва Месецословът, а не от Пасха, както е в другите ръкописи.

5. Четвърти фактор е необходимостта от разграничителни сигнали за подялбата на текста. Очевидно на тях се е обръщало голямо внимание, тъй като те са улеснявали използването на книгата. Приложена е цяла система от различни по тип разграничители: словесни, цифрови, шрифтови, орнаментни, цветови, пунктуационни. Словесните сигнали се състоят от надсловни, встъпителни формули, инципит и експлицит, думи-препратки (ищи, пѣса), думи-ограничители (ѿа, ꙗко), изградени по определени образци с установени съкращения. Поставят се или в текста между четивата (типично за апракосите), или в полетата (типично за четвроевангелията). Цифровите сигнали са номерата на Амониевите, Обширните или Перикопните глави. Трябва да се отбележи, че четивото се означава само с началната Амониева глава, независимо че то може да съдържа няколко глави подред. Шрифтовите сигнали включват различен размер букви, напр. за четиво и за надслов, за първа буква на четиво.

Орнаментните сигнали включват миниатюри, заставки, концовки, инициали. Концовките бележат само края на по-голям откъс: евангелист в четвроевангелието, цикъл в апракоса, края на целия ръкопис. Останалите художествени елементи бележат началото на определен текст. С миниатюра на евангелист се посочва началото на всяко от четирите евангелия в четвроевангелието или началото на всеки цикъл от апракоса: Йо за Пасхалния,

Мт за цикъла след Петдесетница, Лк за цикъла след Ново лето, Мк за Великия пост (напр. в Остр). Заставките бележат също началото на евангелист в четвроевангелието или цикъл в апракоса. Рисуваните инициали отбелязват началото на евангелист в четвроевангелието или на четиво в апракоса. Цветовите сигнали включват употребата на различни по цвят мастила с функционално предназначение. Най-често с червено мастило за разлика от черното в евангелския текст се отбелязват богослужебните указания. Използува се и цветен фон за богослужебните указания (напр. в Асем).

Пунктуационните сигнали са от най-употребителните разграничителни знаци. Те представляват по правило пунктуационни фигури, явяващи се често в различни варианти. В някои ръкописи има опростена пунктуационна сегментация. Напр. в Мар четири точки, разположени ромбовидно, означават всяка междинна граница. В повечето ръкописи обаче има разграничение между пунктуационните фигури, с които се бележи началото или края.

6. Както разкрива направеният преглед, евангелският календар се изгражда от 4 основни компонента: четива, подредба на четивата, номерирани глави, разграничителни сигнали. Те са взаимно обусловени. Основна организационна единица е богослужебното четиво. За означаване на реда и мястото му се използват номерираните глави – Аманиеви или Перикопни. Обширните глави остават вън от календарното разчленение. Подредбата на четивата се обуславя от типа евангелие – четвроевангелие или апракос. Разграничителните сигнали бележат границите на четивото, предназначението му, реда и мястото му.

СПИСЪК НА СЪКРАЩЕНИЯТА И ИЗДАНИЯТА НА ИЗВОРИТЕ

- Арх = Архангельское евангелие 1092 г. Изд. Румянцевского музея. М., 1912.
 Асем = Kurz J. Evangeliář Assemanův. Kodex Vatikánský 3. slovanský. Díl II. Úvod, text v přepise cyrilském, poznámky textové, seznamy čtení. Praha, 1955.
 Бан = Дограмаджиева Е., Б. Райков. Баннишко евангелие, среднобългарски паметник от XIII в. С., 1981; Скоморохова-Вентурина Л., А. Наумов.

- Баницкое евангелие как богослужебный памятник. – Старобългаристика, 1985, 1, 73–101.
- Буд = *Тот И.* Болгарское четвероевангелие в Будапеште. – Старобългаристика, 1983, 2, 3–13.
- Ват = *Кръстанов Тр.* Български ватикански палимпсест (кирилско кратко изборно евангелие от X в. в Cod. Vat. gr. 2502) – Старобългаристика, 1988, 1, 38–66.
- Врач = *Цонев Б.* Врачанско евангелие. – Български старини, IV, С., 1914.
- Вук = *Врана Ј.* Вуканово еванђеље. Београд, 1967.
- Григ = *Десподова В.* Григоровичево евангелие бр. 9. Прилеп, 1988.
- Добрейш = *Цонев Б.* Добрейшово четвероевангелие. – Български старини, I, С., 1906.
- Добром = *Велчева Б.* Добромирово евангелие, български паметник от началото на XII век. С., 1975.
- Зогр = *Jagić V.* Quattuor evangeliorum Codex glagoliticus olim zographensis nunc petropolitanus. Graz, 1954.
- Кох = *Косек И. В.* Евангелие Кохно, болгарский памятник XIII в. С., 1986.
- Лонд = *Живкова Л.* Четвероевангелието на цар Иван Александър. С., 1980.
- Мак = *Мошин В.* Македонско евангелие на поп Јована. Скопје, 1954.
- Мар = *Ягич И. В.* Памятник глаголической письменности Марининое четвероевангелие. С примечаниями и приложениями. Graz, 1960.
- Мир = *Родић Н., Г. Јовановић.* Мирослављево јеванђеље. Критичко издање. – Зборник за историју, језик и књижевност српског народа. I одељење, XXXIII. Београд, 1986.
- Мст = *Жуковская Л. П., Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова.* Апракос Мстислава Великого. М., 1983.
- Остр = *Востоков А.* Остромирово евангелие 1056–1057 года. СПб, 1843.
- Рад = *Угринова-Скаловска Р., З. Рибарова.* Радомирово евангелие. Скопје, 1988.
- Сав = *Щепкин В. Н.* Саввина книга. – Памятники старославянского языка, I, 2, СПб, 1903.

СПИСЪК НА СЪКРАЩЕНИЯТА НА КАЛЕНДАРНИТЕ НАИМЕНОВАНИЯ

вел = велики

лит = литургия

мес = месопустен

Петд = След Петдесетница

Пх = След Пасха

сир = сирни

Дни на седмицата: Пон, Вт, Ср, Четв, Пет, Съб, Нед.

ЦИТИРАНА ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Щепкин В. Н. Разсуждения о языке Саввиной книги. СПб, 1899.
- ² Архиеп. Сергий. Полный месяцеслов Востока. I. Восточная агиология. Владимир, 1901.
- ³ Vrana J. O odnosu Mirosavljeva evanđelja prema staroslovenskim evanđelistarima i četveroevanđeljima. – Slavia 25, 1956, 306–312; – O tipovima, redakcijama i međusobnom odnosu staroslovenskih evanđelja (Evanđelistari). – Slavia 26, 1957, 321–336; – O tipovima, redakcijama i međusobnom odnosu staroslovenskih evanđelja (Četveroevanđelja). – Slavia 29, 1960, 552–571; – Über das vergleichende Sprach- und Textstudium altkirchenslavischen Evangelien. – Die Welt der Slaven, 1960, V, 4, 418–428; – Postanak i evolucija teksta staroslavenskih dulgih evanđelistara. – Slovo, 35, 1985, 57–76; – O odnosu Vukanova i Mstislavova evanđelja i postanku dulgoga evanđelistara novije redakcije. – Slavia 54, 1985, 141–160.
- ⁴ Nedeljković O. Vukanovo jevanđelje i problem punog aprakosa. – Slovo, 18–19, 1969, 41–90.
- ⁵ Бернс И. Распоред неделних перикопа у Мирослављевом еванђељу. – Зборник Народног музеја у Београду, VI, 1970, 259–286; – Калиникового лесновско евангелје. – Македонски језик, XXVII, 1976, 145–158; – The Numbering of the Johannine Saturdays and Sundays in Early Greek and Slavonic Gospel Lectionaries. – Palaeobulgarica, 1977, 2, 43–56; Some Aspects of Slavonic Gospel Manuscripts and their Greek Counterparts. – Полага књигописаната, 1983, 7, 77–85; – A Close Relative of Jurje's Gospel, Located by Lection System Classification. – The Slavonic and East European Review, vol. 61, Num 1, January 1983, British Contribution to the IX International Congress of Slavists, Kiev 1983, Offprint from 1–17.
- ⁶ Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.
- ⁷ Moszyński L. Kanony Euzebiusza w glagolskim rękopisie Kodeksu Zografskiego. – Slovo, 1976, 25–26, 77–121.
- ⁸ Скоморохова-Вентурини Л., А. Наумов. Баницкое евангелие как богослужебный памятник. – Старобългаристика, 1985, 1, 73–101.
- ⁹ Кръстанов Тр. Български ватикански палимпсест (кирилско кратко изборно евангелие от X в. в Cod. Vat. gr. 2502). – Старобългаристика, 1988, 1, 38–66.
- ¹⁰ Тот И. Болгарское четвероевангелие в Будапеште. – Старобългаристика, 1983, 2, 3–13.
- ¹¹ Вж. по този въпрос Gregory C.R. Textkritik des Neuen Testaments. II Auflage, Leipzig, 1976; Moszyński L. op. cit.
- ¹² Вж. Gregory C.R. op. cit. 859–860.
- ¹³ Вж. Жуковская Л. П. цит. съч.
- ¹⁴ Vrana J. O tipovima, redakcijama i međusobnom odnosu staroslovenskih evanđelja (Četveroevanđelja). – Slavia 29, 1960, 552–571.

НЕКОТОРЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ И ИХ УЧЕНИКОВ

Иштван Феринц

Древнейшим литературам Болгарии и Руси присуща одна общая характерная черта. Это поразительная краткость периода литературного ученичества.¹ Если в отношении Киевской Руси, где первые замечательные произведения появились спустя всего лишь полвека после крещения Руси, есть веские основания полагать, что болгарские книги в достаточном количестве проникали на Русь до крещения Руси, т.е. другими словами, первые древнерусские авторы опирались на более или менее длительную, почти столетнюю болгарскую традицию "скрытого" ученичества, то применительно к болгарской литературе, к болгарской культурной ситуации подобные допущения не имеют смысла. Творения первого поколения болгарских писателей: Климента Охридского, Иоанна Экзарха, Константина Преславского и их современников убеждают нас в том, что именно первое поколение книжников создало большое количество словесных памятников высокой художественной ценности. Это поколение создало "золотой век" словесности, о чем справедливо пишет Д.С. Лихачев: "Появление литературы такого высокого уровня, как литература древнеболгарская, кажется почти чудом. Поражает быстрота ее формирования и глубина ее общечеловеческого содержания, сложность выражаемых ею идей."²

Это "чудо" часто обращало на себя внимание исследователей, и этому "чуду" даются различные объяснения. Справедливо указывают на то, что Болгария восприняла культурные традиции Византии. Вместе с тем сама почва Болгарии была напоена культурными соками античной Греции и Рима, т.е. "чудо" объясняется – помимо гениальности Кирилла и Мефодия – прежде всего тем, что болгарский народ оказался способен воспринять всю эту

богатую традицию. А способность к восприятию сформировалась в болгарском народе потому, что Болгария издавна была территорией великих культур и соседствовала с самыми просвещенными народами тогдашней Европы. Кроме того, указывают и на то, что развитый языческий фольклор подготовил далеко не скудную почву для расцвета христианской письменности.³ Все это, несомненно, верно. Но это является только необходимой предпосылкой для осуществления "чуда", но полностью ею не объясняется. Гениальность Кирилла и Мефодия состояла не только в том, что они создали азбуку, орфографию и на основе болгарского – великолепный тонкий литературный язык, способный выражать самые сложные отвлеченные идеи, но и в том, что они поняли: письменность в культуре Болгарии должна стать доминантой, а не лишь одним из равноправных компонентов культуры. Это же относится затем и к культуре древней Руси. Создание высокохудожественной литературы в Болгарии, естественно, потребовало титанических, подвижнических усилий первых поколений христианизированной интеллигенции, которая, безусловно, в строительстве культуры выделяла прежде всего вербальный аспект. "Словесности" отводилась особая, первенствующая роль. Нет сомнения, – пишет А.М. Панченко, – что эти усилия имели идеологическую подоплеку. Писатель в Болгарии "золотого века" – это апостол.⁴

По источникам, деяния Кирилла и Мефодия находят свое главное оправдание в возвеличении апостольской деятельности, которую они рассматривали как долг и в то же время как необходимость. Крещение славян является не чем иным, как превращением божественного желания в историческую действительность, ибо Бог хочет, "чтобы все люди спаслись и достигли познания истины."⁵ Эта концепция имеет программное значение, и она изложена в начале Проложного Жития Константина (в дальнейшем: ПЖК)⁶ посредством цитат от апостола Павла: "Да быше вѣси сѣни были и въ разоумь истиннии пришли" (I, 1), затем цитата приобретает еще бóльший акцент, так как слова апостола Павла приводятся на этот раз в начале императорского послания великоморавскому князю Ростиславу:

"Бѣ, хотеи въсакоу даби въ разумъ истинныи пришьль" (XIV, 6). Эту концепцию можно открыть и в "Сказании о буквах (о писменехъ)" Черноризца Храбра, в котором она выполняет функцию идеологической предпосылки. Главное желание Провидения – "языковое" спасение человечества посредством апостольской деятельности – еще сильнее подчеркивается в ПЖК, где перефразируется стих пророка Исаии: "...уши глухих отверзутся" (Ис. 35:5) "... и косноязычные будут говорить ясно". (Ис. 32:4): "И ѡ(т)врьзоше се, по пр(о)р(о)чьскомуу словеси, оушеса глоухы(х)" и оуслышаше книжнаа словеса, "и езыкъ ясенъ бы(ст)ь гоугнивыи(х)" (XV, 3). Как указывает профессор Р. Пиккио, эта же концепция используется автором Болгарской легенды ("Пространное греческое житие" Климента Охридского, написанное Феофилактом) (II, 4), чтобы восхвалить воздействие Слова, которое посредством своего конкретного человеческого выражения освобождает людей от "алогии" (αλογία, т.е. бессловесие, бессловесность, духовная неустроенность), как от материального бессловесия, вызываемого отсутствием слов, так и от духовного, т.е. от отдаленности Слова Божьего.⁷

Таким образом, необходимость распространения Слова на родном языке становится доминирующей темой для всех аргументаций, которые приводятся в пользу освобождения славянского языка от духовного бессловесия. "...Доуша безбоуковна мр'тва являється въ чловѣцѣхъ", – писал Кирилл Философ в "Прогласе" к переводу Евангелия.⁸ "Бессловесные" язычники подобны бездушным скотам. Следовательно, главная задача первых поколений болгарских и русских писателей – "освобождение слова". Однако, Рим был озабочен употреблением славянского языка. Папа и кардиналы не возражали против апостольского употребления славянского языка, но отказывались признать за этим языком литургическое достоинство. Поэтому солунским братьям и их последователям приходилось заботиться о новых и новых аргументах, долженствующих подтвердить правомочность литургического употребления славянского языка. Эти аргументы были различного свойства: несомненно, одним из наиболее сильных было само создание высокой литературы.

Авторы первых славянских прозаических и поэтических произведений о солунских братьях рассматривали славянский язык как дар Святого духа.⁹

В "Деяниях святых" апостолов рассказывается, как апостолы, Богородица и другие верующие собрались в Пятидесятницу в "горнице" одного дома. "И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились; И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещавать."¹⁰ Описанное событие в значении Святого Духа и самой Пятидесятницы имеет свои глубокие догматические корни. Перед своим вознесением Христос сказал апостолам: "через несколько дней после сего будете крещены Духом Святым",¹¹ и повелевает им быть его свидетелями и проповедовать Евангелие всем народам и языкам: "... вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой, и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли".¹² С принятием Святого Духа Христова церковь начинает свою полноценную жизнь, и этим объясняется, что Пятидесятница вместе с Пасхой и Рождеством Христовым относится к числу крупнейших праздников Восточной церкви. Этот праздник именно во времена Кирилла и Мефодия и их учеников приобретает свой окончательный облик. Событие, о котором говорится в "Деяниях святых апостолов", может иметь различное толкование. Для солунских братьев и их учеников дар языка (глоссолалия), очевидно, имеет значение, что отдельные языки являются языками отдельных стран, и в соответствии с этим язык любого крещеного народа становится и литургическим языком. Авторы древнейших произведений о Кирилле и Мефодии понимают славянский язык как дар Святого Духа, которым может пользоваться один "нов" и "млад" крещеный народ.¹³ Так, например, в Житии Кирилла император Михаил II пишет князю Ростиславу о новом славянском письме как о новом проявлении дара Святого Духа, ведь Бог не только раньше, но и теперь "въ наша лѣта явль боуквы въ вашъ языкъ, егоже не бѣ испрѣва было, нѣ тъкмо въ прѣваа лѣта, да и вы причѣтете се великихъ языцѣхъ,

иже славе(т) Бѣ свои(м) езику(м).¹⁴ Эти слова императора звучат почти программно: славянский народ, как во времена Христа, когда языки возникают благодаря Святому Духу, может причислиться к великим народам. Равноправие языков перед Святым Духом подчеркивается и в Житии Мефодия. Здесь сам папа Адриан II в своем послании Ростиславу, Святополку и Коцелю признает славянский язык равноправным с латинским, имея в виду и дар Святого Духа: "... да на мѣши пѣрвѣе чѣтоуть ап(с)лъ и евангѣлие римьскы, таче словѣнскы, да са испълнить книжное слово іако: въсхвалать г(с)а вси іазыци" [Псал. 116:1] и дрогоиде: "вси възгѣлтъ іазыки различны величѣа божіа, іакоже дасть имъ сѣи дѣхъ ѡ(т)вѣщавати" [по Деян. 2:4 и 11] (ПЖМ, гл. VIII). Характерно, что первые гимнографы и ученики Кирилла и Мефодия воспевают славянский язык как непосредственный дар Святого Духа. Неизвестный автор в Каноне Кирилла и Мефодия называет Кирилла сокровищницей (сѣкровище) Святого Духа. Именно так, как нетленный божий дар понимает "буковное", т.е. книжное слово на своем родном языке и автор "Прогласа", который так обращается к своим слушателям:

тѣмже оуслышите словѣни вси
даръ бо есть ѡ(т) бога съ дань...
даръ бѣи дѣшамъ николиже тлѣе.¹⁵

Автор "Прогласа" высоко оценивает значение этого "нетленного дара", ибо книжное слово "питает" душу человека, обогащает и укрепляет человеческий ум и сердце:

слышите слово ѡ(т) бѣ бо приде
слово иже крѣмь дѣше члвчскіе
слово еже крѣпитъ ср(д)ца и оумы.¹⁶

Исходя из понимания языков как дара Святого Духа, первые славянские книжники приравнивают Кирилла к ученикам Христа, апостолам. Климент Охридский называет его новым апостолом ("Кирила, новааго ап(с)ла и учителя ... тому бо съ новыи ап(с)лъ

посланъ бы(с)." (ПК, с. 438, 439).¹⁷ В "Похвальном Слове" Кириллу и Мефодию еще ярче выражается апостольство: "бѣ бо ѹмоу данъ даръ дѣховныи языки глѣти, ꙗко и ап(с)лоу" [ПКМ, с. 469]. Характерно, что солунские братья представляются читателю не столько просветителями славян, сколько новыми апостолами вселенского масштаба. Если автор "Похвального Слова Кириллу" говорит о славянах как о "нашем народе", то автор "Похвального Слова Кириллу и Мефодию" – о новом народе, о новом языке, о новых буквах. Кирилл и Мефодий не работают среди своего народа, они уходят в чужую землю. Автор всячески старается подчеркнуть вселенскую значимость деятельности братьев, которых можно сравнить с апостолами Павлом и Петром, также ушедших в чужие страны, чтобы крестить людей не своего народа. Кирилл и Мефодий – новые апостолы, которые обошли все страны, которые показали пример христианской евангельской любви, которые трудились "толико Христа ради въ вѣсточныхъ и западныхъ и сѣверьскихъ странахъ", – вот основной смысл текста.¹⁸ В их деятельности подчеркивается все то, что их делает равными Павлу и Петру и устраняется все частное, исключается все, что навязывает мысль о возможном мирском, политическом фоне деятельности славянских первоучителей. Остается только конфигурация: Христос – новые апостолы – новый народ.

Изучая литературные традиции "Похвального слова Кириллу и Мефодию", Д. Фрайданк обращает наше внимание на то, что сравнение Кирилла и Мефодия с апостолами Павлом и Петром не вербализируется, о Павле и Петре даже упоминания нет. Однако, привлечение греческих текстов показывает, что автор "Похвального слова" в значительной мере придерживается топики похвал апостолам, особенно же похвал Павлу и Петру. Правда, за редкими исключениями текст "Похвального слова" не совпадает полностью с формулировкой греческого текста. Автор, видоизменяя, применяет топосы, – пишет Фрайданк.¹⁹ Но стремление автора ставить своих героев в один ряд с уже известными святыми, очевидно. Об этом свидетельствуют многочисленные совпадающие развернутые сравнения, характеризующие их деятельность. Приведенные Фрайданком примеры показывают, "что автор ПСКМ

располагал текстом, чрезвычайно близким к цитированному, греческому. Но использовал он его как собрание топосов.²⁰

Эти топосы, помимо того, что выделяют духовную близость героев к апостолам, в то же время подчеркивают у них единство слова и дела. Ведь слово звучит не в суете в том случае, когда оно или сопровождается, или предваряется делом: Иисус "аще бы не освѣтил очесу слѣпааго, то не бише ему вѣры ели, глаголюще: "Азъ есмь свѣтъ мира сего." Кто поверил бы рыбалям и мытарям, "грубом сущемъ", что они носители Слова? "Нъ езикъ апостольскъ чюдеса бѣаху, уста апостольска бѣаху въставляюща мртвые, и слѣпы освѣщающа, и хромы твореща ходити."²¹ Эти размышления имеют касательство к кирилло-мефодиевской идее продолжающегося апостольства. Слово Кирилла и Мефодия предварено делом – крещением славянского народа, "языка нова". Кирилл и Мефодий оживили "мертвые безбуковные души", открыли глаза слепцов, косневших во тьме язычества, наставили их на правый путь.

Создание высокой литературы для учеников Кирилла и Мефодия означало возможность присоединения к делу продолжающегося апостольства, ведь создавая новые и новые произведения, они продолжали творить чудо "отнятия бессловесия", "духовной неустроенности". Будучи глубоко убеждены в том, что владение Словом есть жизнь, свою задачу все писатели кирилло-мефодиевского круга видели в "отворении уст" новообращенных славян и в освобождении их от духовной смерти.

Само собой разумеется, что апофеоз и апология писательского труда имеет для этих писателей особое значение. А.М. Панченко подробно рассмотрел проблему апофеоза и апологии писательского труда у Иоанна Экзарха в Шестодневѣ. Вкратце его наблюдения сводятся к тому, что самоуничижительная формула, с которой традиционно для всякого христианского книжника Иоанн начал свое произведение, в сущности имеет отношение не столько к проблеме смирения, сколько к проблеме благочестия. Самоуничижительные формулы удостоверяют именно благочестие автора и, следовательно, авторитетность его труда, ибо писатель, унижающий себя перед богом, тем самым подчеркивает

свою зависимость от него, незримую связь с ним. Иначе говоря, читателю внушается, что он писатель "божьей милостью." Уподобляя литературное творчество строительству храма, а себя как писателя – неимущему зодчему, который принужден одалживать у богачей, Иоанн пишет, что брал "истовая словеса" у разных авторов. В этом уподоблении слово великих предшественников – это мрамор и кирпич, а собственное слово – солома и прутья. Иоанн Экзарх, заявляя о своей "нищете ума", о зависимости от "учителей великих и славных", не унижает себя как писателя, но прославляет, ибо "бес приклада творит" только бог, и тем самым как бы приобщает и свой труд к апостольской традиции: "Въ слѣдъ ниихъ же и мы волимъ грести". Богом дан "приклад", и следовать этому "прикладу" – благочестивая обязанность. Христианский книжник подражает творцу и в известном смысле уподобляется ему.

Как мы видели, древнеболгарские литературные памятники говорят о деятелях Болгарии как о деятелях всего славянства и о просвещении славян как о факте распространения христианства на весь мир. Болгарское самосознание, необычайно интенсивное для народа, только что вышедшего на мировую арену, не отделяло Болгарию от всей вселенной, не замыкало болгарский народ в его узконациональных политических и культурных интересах, а было преисполнено живой уверенностью в общемировом значении Болгарии. Болгария, с точки зрения древнеболгарских писателей – важнейший этап в распространении христианства на весь мир. Именно эта черта характерна не только для памятников письменности, но и для всей деятельности Кирилла и Мефодия. Их проповедь была апостолической. Широта и открытый характер древнеболгарской культуры способствовали ее восприятию в других славянских странах, Древнеболгарская культура легла в основу культур других православных славянских стран и некоторых неславянских стран. В этом ее огромное общеславянское и общеевропейское значение.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ См. Панченко А.М. Некоторые эстетические постулаты в "Шестоднев" Иоанна Экзарха. В кн.: Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. Л., 1976, т. I, с. 32-41.
- ² Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X-XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973, с. 37.
- ³ Динеков П. Български фолклор. Ч. I. Изд. 2-е. София, 1972, с. 188-190.
- ⁴ Панченко А.М. Ук. соч., с. 33.
- ⁵ Павел I Тим., 2:4.
- ⁶ Пространно житие на Константин-Кирилл Философ [ПЖК]. В кн.: Климент Охридски. Събрани съчинения, т. 3. София, 1977, с. 89 и сл. Цитаты даются по этому изданию, однако, надстрочные буквы вносятся в строку в круглых скобках.
- ⁷ Picchio R. Questione della lingua e Slavia cirillometodiana на българском языке: Въпросът за езика и кирило-методиевското славянство. В кн.: Рикардо Пинкио. Православното славянство и старобългарската културна традиция. София, 1993, с. 191-333.
- ⁸ Цит. по Лаврову П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, с. 197.
- ⁹ См. Джордже Трифунович. Дарът на Светия Дух и славянските езици. В кн.: Кирило-Методиевски студии, кн. 4. София, 1987, с. 76-80.
- ¹⁰ Деяния святых апостолов, 2:2-4.
- ¹¹ Там же, 1:5.
- ¹² Там же, 1:8.
- ¹³ Джордже Трифунович. Ук. соч., с. 78.
- ¹⁴ ПЖК, с. 104.
- ¹⁵ П. Динеков, К. Куев, Д. Петканова. Хрестоматия по старобългарска литература. , София, 1978.
- ¹⁶ Там же, с. 54.
- ¹⁷ Похвала за Кирил Философ [ПК]. В кн.: Климент Охридски. Събрани съчинения, т. 1. София, 1970.
- ¹⁸ Фрайданк Д. Литературные традиции "Похвального слова Кириллу и Мефодию". В кн.: Кирило-Методиевски студии, кн. 4. София, 1987, с. 91-95.
- ¹⁹ Там же, с. 93.
- ²⁰ Там же, с. 94.
- ²¹ Панченко А.М. См. сноску 1, с. 37.

К КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЙ ТРАДИЦИИ В ВЕНГРИИ

Имре Х.Тот

Вопрос кирилло-мефодиевской традиции в исторической Венгрии издавна привлекает внимание исследователей. В этом отношении важным моментом в истории изучения вопроса являлась дискуссия между Яном Станиславом и Иштваном Книежей о возможности существования непосредственных кирилло-мефодиевских традиций в Словакии и частично на территории, прилегавшей до 1918 года к Венгрии.

Как известно, Ян Станислав пытался доказать наличие таких традиций прежде всего лингвистическими аргументами. Однако, его аргументы были отвергнуты И. Книежей.¹ Венгерский ученый в одной из своих статей, вышедшей в 1963 году, опровергает теорию Станислава о существовании непосредственных кирилло-мефодиевских традиций в Словакии и Венгрии. Однако, в конце своей статьи он указывает на ту возможность, что церковь поселка Лелле (Balatonlelle) может восходить непосредственно к деятельности Кирилла и Мефодия в Венгрии.² Ученый не считает свою гипотезу доказанной, а только лишь возможной. Книежа в пользу вероятности своей гипотезы приводит следующие факты:

1. Церковь на берегу озера Балатон впервые упоминается в дарственной грамоте венгерского короля Андраша I-го монастырю в Тихани (1055 г.).

2. Патроном церкви до турецких времен был Св. Климент.

И всё же Книежа добавляет, что этот патроциний сам по себе не может доказать, что церковь была основана в IX в. потому, что в XI в. культ этого святого был довольно интенсивным у венгров.

Вопросом распространения культа Св. Климента Римского занимался И. Книежа и в своей статье "Die Slawenapostel und die

Slowaken", вышедшей и на венгерском языке. Приводя данные из исторических источников (грамот, записей), кроме церкви в Лелле он перечисляет еще 12 церквей и приходов с патроном Св. Климентом.³ Ученый из этого факта делает заключение о том, что культ Св. Климента был распространен в Венгрии, поэтому его патrocинии не могут быть приняты как аргументы о кирилло-мефодиевском происхождении культа Святого. Всё же Книежа, по всей вероятности, не исключает возможности того, что храм Св. Климента в Лелле может восходить к деятельности Кирилла и Мефодия в Венгрии.⁴ Сравнивая между собой указанные выше высказывания И. Книежи, мы можем обнаружить в них определенный отход от его прежних взглядов. В статье, вышедшей в 1963 году, он считает возможным отнесение возникновения церкви Св. Климента ко времени кирилло-мефодиевской миссии в Паннонии, хотя он не доказывает свое положение. Однако, в статье, вышедшей в 1942 году, он еще опровергал эту возможность.

И. Книежа не мог больше заниматься этой проблематикой. Преждевременная смерть не дала ему возможность возвратиться к этой теме. Однако вопрос остался открытым и нуждается в пересмотре.

В нашем сообщении мы попытаемся привести некоторые соображения в пользу возможного воздвижения церкви Св. Климента в IX в.

Природные условия поселка Лелле напоминают природные условия Залавара (Блатънъ градъ), центра имений Прибины и Коцела. Поселок находился на самом берегу озера. Здесь уровень воды – по данным картографии конца XVIII в. – был совсем низким. Поселение было окружено с юга и с севера непроходимыми болотами, трясинами и топью. С юга трясина Надьберек (Nagyberék) распространялась непосредственно до берегов Балатона и отделяла Лелле от южных прибалатонских побережных районов. На карте, выполненной в конце XVIII века, относительно этой топи отмечается, что она была непроходимой. С севера поселок был окружен трясинами Кишберек (Kisberék), глубина которой, – согласно той же карте – больше 10 саженой. Поселок, окруженный болотами и трясинами, находился действительно в глуши. Рас-

сматривая карту римских дорог в Паннонии, мы убеждаемся в том, что в римскую эпоху сюда дорога не вела. Берега Балатона от Валкума (Valcum) до Трицианы (Triciāna) в ту пору не были связаны дорогами.⁵ Однако это положение к XI в. изменилось. В дарственной грамоте короля Андраша I-го тиханьскому монастырю (1055 г.) отмечается, что храм Св. Климента встречается на пересечении двух дорог. Первая из них называется Большой дорогой (Nagyút). Она была военной дорогой, которая в юго-восточном направлении вела к крепости в Каниже (Kanizsa). Другая же дорога, которая называлась Сигет-Сад (Sziget-Szad), поворачиваясь у храма Св. Климента к северу-востоку, шла на Секешфехервар. Во время написания дарственной грамоты на берегу Балатона уже стоял храм Св. Климента. Неизвестно, однако, кем он был построен. Несомненным является только то, что храм в честь Св. Климента был построен ранее 1055 г.

Важнейшие источники о храме Св. Климента составляют следующие памятники.

1. Дарственная грамота короля Андраша I-го монастырю в Тихани. Здесь о храме и его окрестности читается следующая информация: "*villa, que vocatur Gamaz, in qua habet prefata ecclesia terram, que duabus continetur viis, quarum una vocatur Zigetsadu, altera Magna, que simul ad sanctum Clementem terminantur*".⁶ (Там находится село, которое называется Гамаш, в котором вышеназванная церковь имеет землю, окруженную двумя дорогами: первая из которых называется Сигет-Сад, а другую называют Надьут, эти же дороги кончаются у Св. Климента).

2. Список имений и служилых людей Тиханьского аббатства, составленный 1211 г. В нем о храме говорится как о базилике: "*...ad Basilicam*"⁷ *Beati Clementis*" (к базилике Св. Климента).

3. Официальный документ об имениях монастыря 1275 г.: "*...tenissent ad sanctuarium Sancti Clementi*",⁸ (... члены комиссии... пришли к святыне Св. Климента.).

В списке церковной десятины 1413 г. говорится о церковной общине (приходе) при храме Св. Климента: "*ecclesia S. Clementis de villa Leye*"⁹ (церковь у села Лелле).

Эти данные позволяют сделать несколько выводов относительно храма Св. Климента. По всей вероятности, церковное здание было значительного размера, оно было расположено на видном месте. На этот факт указывает употребление слова "базилика" в 1211 г. Храм был виден издалека, он господствовал над окружающей природой и соседними поселками.¹⁰

Однако, бросается в глаза тот факт, что наши источники ничего не говорят о постройке храма. В грамоте 1055 г. сообщается только о его существовании. Неизвестным остается, кто был основателем храма. Й. Хорват, написавший историю поселка Лелле, по этому поводу высказывается следующим образом: "предположительно, храм был построен при короле Св. Стефана".¹¹ Аргументацией для этого предположения является тот факт, что по повелению Св. Стефана каждые десять поселений были обязаны воздвигнуть церковное здание, сооружение церкви было долгом короля.¹² На этом основании принято, что храм Св. Климента был воздвигнут по приказу Св. Стефана.

Однако, несмотря на это, можно привести два момента, которые вызывают сомнение относительно этого предположения.

1. Св. Стефан после победы над Коппанем основал бенедиктинский монастырь в Паннонхальме (Pannonhalma). Новосозданному монастырю король подарил церковную десятину из комитата Шомодь,¹³ в котором находились, по всей вероятности, село Лелле и храм Св. Климента. Однако ни этот поселок, ни его храм не упоминаются в жалованной грамоте Св. Стефана.¹⁴

2. В дарственной грамоте монастырю в Тихани упоминается храм Св. Климента, но ничего не говорится о его основании. Если основателем храма был бы Св. Стефан, то король Андраш I-ый указал бы на то, что здание этого храма было воздвигнуто его предком, королем Стефаном.

Эти соображения должны быть учтены, когда решается вопрос о создателе церкви.

3. Особую проблематику представляет собой патроциний храма. С территории средневековой Венгрии известны патроцинии, которые были связаны с восточным обрядом христианства. Св. Николай (Мирликийский), Св. Георгий, Св. Дмитрий, Св. Козьма

и Демьян, Св. Пантелей были теми святыми-покровителями, которые были особенно чтимы византийской церковью.¹⁵ Однако Св. Климент не принадлежит к тем святым, которые были чтимы исключительно православной церковью. Доказывая этот факт, И. Книежа собрал с территории средневековой Венгрии 12 данных с патроцинием Св. Климента. Из них только один патроциний находился в Паннонии в комитете "Ваш". Однако, этот патроциний впервые упоминается только в источниках XIX в. (1837 г.).¹⁶ По всей вероятности, он возник сравнительно недавно. Остальные же патроцинии – за исключением патроциния из Лелле – датируются только позднейшим периодом, XIII–XIV веками. Храм Св. Климента в селе Лелле выделяется тем, что его патроциний является древнейшим на территории Венгрии. Культ Св. Климента, несомненно, был известным в Венгрии уже на рубеже X–XI веков. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что на королевском плаще, сделанном женой Св. Стефана, находятся и изображения мучеников, чтимых в восточной церковью: Козьмы и Демьяна, Пантелея, Георгия, Климента и пр. Однако, по мнению Д. Дьерфи, за культом этих святых не скрывается влияние восточной церкви. Возможно, что король располагал мощами этих святых, поэтому их образа были вышиты на плаще.¹⁷ Конечно, как распространенность культа Св. Климента в Венгрии в XII–XIV вв., так и наличие его мощей в коллекции короля еще не доказывают позднего происхождения храма Св. Климента на берегу Балатона, т.е. предположения, согласно которому храм был основан не в X в., а в XI в.

Патроциний храма в Лелле с течением времени исчез. Причина этого скрывается в судьбе храма Св. Климента: он был разрушен во время турецкого владычества. На руинах бывшего храма в 1720 г. было построено новое здание. Новый храм получил титул Св. Духа. Однако, жители поселка еще в период воздвижения нового храма помнили о том, что древний храм был посвящен Св. Клименту.¹⁸

Рассматривая патроцинии Паннонии, исследователи указывали на то, что здесь в прошлом насчитывалось около 350 патроциниев, из которых живыми оказываются около 240 патроци-

ниев. Среди них самыми известными являются патроциний Св. Николая (34 раза), Св. Мартина (31 раз), Св. Георгия (25 раз), Св. Михаила (25 раз), Св. Петра (24 раза), Св. Стефана и Св. Короля (по 15 раз), Св. Владислава (т.е. Ласло, 16 раз), Всех святых (10 раз), Богородицы и Св. Марии (16 раз).¹⁹ Хотя в этом списке исследователями не показан патроциний "Св. Климента", возможно, что титул Св. Климента кроме единичных случаев (напр., в комитате Ваш) - не был широко распространен в Задунайской области.

В изучении патроциния Св. Климента мы исходим из двух обстоятельств:

1. Титул Св. Климента впервые проявляется в источнике в 1055 г. в поселке Лелле. Только в XIII–XIV вв. этот титул становится более частым.

2. В Паннонии титул Св. Климента не принадлежал к известным патроциниям (кроме Лелле он упоминается только раз). Эти обстоятельства наводят нас на предположение о том, что культ Св. Климента проявился в Паннонии раньше XI в., а именно, в IX в. – как результат деятельности солунских братьев среди славян. Наша мысль подтверждается некоторыми данными. Из них мы приведем следующие.

Как известно для создания храма, посвященного какому-либо святому, с конца VIII в. необходимым условием было наличие мощей святого в алтаре новосозданного храма.²⁰ Кирилл во время своей хазарской миссии после тщательной предварительной работы в Херсоне нашел мощи Св. Климента Римского.²¹ Когда он возвратился из миссии, оставив одну часть мощей в Херсоне, он взял с собой в Византию, другую часть потом в Моравию, а из Моравии – через Паннонию – в Рим, где торжественно передал их римскому папе Андриану II. Важным обстоятельством культа Св. Климента служил факт, что Св. Климент считался патроном славянской литургии.

3. Заслуживает интерес и то, что в Чехии в городе Леви Градец (Levý Hradec) была освящена ротонда в честь Св. Климента чешским князем Боривоем и его дружиной. Чешский князь Боривой был крещен архиепископом Моравии, Св. Мефодием.

Моравская хроника Христиана рассказывает, что Мефодий, покрестив Боривоя, послал с ним в Чехию священника Каиха. Боривой, вернувшись в Чехию, в город Леви Градец (*Levý Hradec*) основал церковь в честь Св. Климента. Руины ротонды Св. Климента были найдены археологами. Исследования доказали, что руины, найденные археологами, действительно восходят ко времени правления Боривоя.²²

О создании храма в честь Св. Климента Христиан пишет следующее: "*Quique reversi in sua, in castello, cui vocabulum inerat Gradic, supradictum sacerdotem statuunt, fundantes ecclesiam in honore beati Clementis pape et martyris,...*"²³ (Они возвратившись в свои (земли), в свою крепость, имя которой было Градец, помещают вышеназванного священника, основывая церковь в честь Блаженного Климента, папы, мученика).

Эти же сведения об обстоятельствах создания церкви в честь Св. Климента повторяются хроникой, известной под названием Чешской легенды (*Diffundente solis*).²⁴

Следует указать и на то, что на расстоянии в 17-и километрах от Старого места (*Staré Mesto*) в поселке *Osvětimany* также была создана церковь Св. Климента.²⁵ Основание этого храма исследователями относится к кирилло-мефодиевской эпохе.²⁶ В Киеве в последние годы правления Св. Владимира им также был построен храм в честь Св. Климента, где и похоронили князя.²⁷

По аналогии с чешской ротондой, основанной Боривоем и его дружиной, можно высказать гипотезу о том, что возникновение, постройка храма Св. Климента может связываться с деятельностью славянских первоучителей в Паннонии, а точнее в Мосабурге (то есть) в теперешнем Залаваре (*Zalavár*).

Известно, что Константин-Кирилл и Мефодий, отправившись в Рим, 6 месяцев провели во дворе князя Коцела. Коцел назначил 50 учеников, чтобы они выучили славянское, глаголическое письмо. После смерти своего брата Мефодий вернулся в центр княжества Коцела. Однако блатенский князь отправил в Рим посольство с просьбой об освящении Мефодия в епископы. По просьбе Коцела, Мефодий был назначен римским папой епископом

Паннонии и одновременно сремским архиепископом. По всей вероятности, епископская кафедра находилась в Мосабурге.²⁸

И так Мефодий как сремский архиепископ, вернувшись в свою диоцезию, находился в Мосабурге вплоть до того времени, когда он был взят в плен баварской церковью.²⁹

В окрестности Залавара, на острове Кёвечеш (Kövecses) археолог А. Шош открыла руины маленькой церквушки. Постройку здания археолог связывает опосредственно с деятельностью Мефодия в Паннонии и относит ее воздвижение приблизительно к 871 году, когда представитель зальцбургского клира Рихвальд временно оставил Мосабург. По мнению исследователя, церковь была построена одним из славянских учеников Мефодия на имени, которым Коцел пожаловал своего дружинника.³⁰

Аналогия с церковью в Мосабурге позволяет сделать заключение о том, что кроме храма в центре владений Коцела во время пребывания Мефодия в Паннонии могли возникать церкви и в других местностях со славянским населением. Основание храма в Лелле можно отнести к этому периоду деятельности Мефодия.

Хотя мощи Климента были возвращены в Рим Кириллом, возможно, что часть реликвий осталась в собственности Мефодия, который положил их в основу созданной в Лелле церкви. Не исключено предположение о том, что храм Св. Климента был основан Мефодием в память своего младшего брата, чтившего Св. Климента и похороненного в базилике Св. Климента в Риме. Для этой цели он подарил храму мощи Святого, которые были найдены его покойным братом.

Касаясь мнения о том, что храм в Лелле был построен в честь Св. Климента, следует указать на то, что Агнеш Ч. Шош не считает возможным предположение Книежи о постройке церкви в Лелле во второй половине IX в.³¹

Несмотря на отрицательное мнение о раннем возникновении храма Св. Климента в Лелле, существуют соображения, которые мы должны учесть в решении этого вопроса. В этой проблеме важнейшим аргументом служат топонимические и археологические данные о том, что в окрестности храма Св. Климента во второй половине IX в. было налицо славянское население. О наличии

славянского населения свидетельствуют выводы Книежи. Рассматривая характер населения окрестности озера Балатона в XI в., И. Книежа устанавливает, что в комитате Зала (Zala) имелось значительное славянское население. Еще гуще было оно в окрестностях современного города Надьканижа (Nagykanizsa) и в южных районах т. наз. Малого Балатона (Kisbalaton), – как об этом можно судить по данным славянской гидронимики этих местностей. На севере от Балатона, в его горных районах, число славянских поселений уменьшается после села Сепезд (Szepezd). Их невозможно доказать вплоть до села Балатонкенеше (Balatonkenese). Славянское население указанных мест было очень древним. Подобным образом, заметным было славянское население в комитате Шомодь, а именно во Внешнем Шомоде (Külső Somogy) и в т. наз. Желицком районе (Zselicség), где наличие древнего славянского населения доказывается и грамотами. Несомненным аргументом древности славянского населения здесь служат топонимы со следами носовых гласных, как например, Домборо, Домбовар, Дёбрёнтэ (Domboró, Dombóvár, Döbrönte) и гидроним Думбул (Dumbul < славянское * dabl'ь), в которых отражение гласного (о) свидетельствует о том, что славянское население в этих местностях было очень древним, и заимствование этих топонимов произошло до конца X в.³²

Наличие славян в указанных выше районах, то есть в окрестностях Балатона, особенно в его юго- и юго-восточных районах доказывается и макро- и микротопонимией.

К макротопонимии относятся топонимы Балатон, Канижа, Кенеше, Кестхей. Из микротопонимии выделим гидронимы: Валицка (Valicka), Пёлёшке (Pölöske), Пилишке (Piliske), Лендва (Lendva), Торна (Torna), речка Канижа (Kanizsa), Запойа (Zapolja), Бёрзёнце (Börzönse), Камар (Kamar), Галамбок (Galambok), Йелешнек (Jelesnek), Лешенце (Lesence) – на севере от Балатона и т. п.³³

Топонимические данные делают несомненным вывод о наличии славян в окрестностях поселка Лелле, хотя сам топоним Лелле является по своему происхождению венгерским.

Археологические данные также свидетельствуют о наличии славян в рассмотренных выше районах. В комитате Зала (Zal:

археологи открыли в Покасепетке (Pokaszepetk) самое значительное в Паннонии славянское кладбище. Кроме Залавара наличие славян было установлено в Пече (Pécs), в Фенекпусте (Fenekpuszta) и в Кестхее (Keszthely). На берегу Балатона славянский материал был найден археологами в Балатонберене (Balatonberény) и в Богларе (Boglár) – в 5-ти километрах от Лелле. В северных районах Балатона славянские находки были обнаружены в Лешенцеиштванде (Lesenceistvánd) и в Шомловаре (Somlóvár).³⁴ Из этих местностей особенно выделяется село Лешенцеиштванд (Lesenceistvánd), расположенное возле речки Лешенце (Lesence). Гидроним Лешенце (< слав. *lěsnica), несомненно считается славянским.³⁵ В этом случае археологические и языковые аргументы совпадают.

Эти археологические и топонимические данные позволяют предположить, что в окрестности Лелле во второй половине IX в. имелось славянское население. Следует добавить, что в микротопонимике окрестности Лелле также присутствует славянский слой, однако о его происхождении ничего определенного сказать невозможно, так как неизвестно, насколько древними оказываются эти топонимические данные.

Следует указать еще и на то обстоятельство, что поселок Лелле находился в такой области Балатона, которая долгие столетия была закрыта, оторвана от других населенных мест. Мы видели, что в позднеримскую эпоху из-за недоступности прибрежных местностей в южной части Балатона римские дороги не касались ни южного, ни северного побережья. В более выгодном положении оказался Мосабург, к которому вела римская дорога, ведущая из Сопианэ (Sopianae, Pécs) к Валкуму (Valcum, Fenekpuszta). Однако, в 1055 г. храм Св. Климента уже находился в центре пересечения двух значительных военных дорог, ведущих из Надьканижи (Nagykanizsa) на Секешфехервар (Székesfehérvár). Эти дороги возникли позднее римской эпохи – по всей вероятности, до X в. Они обеспечивали доступ к прибрежным местностям Балатона для миссионеров из Мосабурга. Таким образом, миссионерская деятельность Мефодия или его учеников могла распространяться и на славянское население южного побережья Балатона. Вообще,

славянское поселение на месте Покасепетка (Pókaszepetk) не находилось далеко от села Лелле.

В старой венгерской исторической литературе существовала традиция, согласно которой в ротонде Св. Георгия в городе Веспреме (Veszprém) служили первоучители славян.³⁶ Если археологическое изучение ротонды подтверждает древность ее существования, то эта традиция окажется правомочной. Однако, в настоящее время можно сказать только лишь то, что ротонда была построена не раньше IX в. и не позднее середины XII в.³⁷ Она имеет аналогию с Моравией. В этой связи следует указать и на то, что культ Св. Георгия может восходить к миссионерской деятельности византийской церкви, ведь Великомученик Св. Георгий был особенно чтимым восточной церковью. Существует мнение, что патроциний Св. Георгия связан с кирилло-мефодиевской традицией в Паннонии.³⁸

Если древность ротонды в Веспреме (Veszprém) вызывает сомнение со стороны археологов, то все же можно предположить, – с определенной долей вероятности, – что маленькая церковь в Залаваре и храм Св. Климента в Лелле сохраняют память о миссионерской деятельности Мефодия в Паннонии.

Возможно и другое предположение относительно воздвижения храма Св. Климента. Вероятно, первоначальное здание церкви было построено во время миссионерской деятельности Мефодия в Паннонии. Однако, позднее здание церкви было разрушено и только по повелению Св. Стефана оно было восстановлено. Конечно, церковь сохранила свой прежний патроциний, как это обыкновенно происходило и в других случаях, когда маленькие деревенские церквушки XI-XII вв. сохраняли свои прежние патроцинии и построенные на их месте новые храмы получали эти же патроцинии.

Предположение о раннем происхождении храма в честь Св. Климента подтверждается и тем обстоятельством, что – по данным, собранным И. Книежей, – церковь и приходы с патроцинием Св. Климента в Паннонии становятся более частыми только с XIII вв.³⁹ Конечно, позднее распространение этих патроциниев уже невозможно связать с происхождением храма Св. Климента в

Лелле. Новые церковные учреждения в честь Климента в Венгрии возникали уже в результате деятельности римской церкви.

Целью нашего сообщения было высказать некоторые соображения в пользу той гипотезы, согласно которой древний храм в поселке Лелле был основан в 70-е годы IX в., во время миссионерской деятельности Мефодия среди паннонских славян. Мы не ставили перед собой задачу решить эту сложную проблему. Мы хотели привести только некоторые соображения различного характера, чтобы сделать вероятным указание И. Книежи на раннее происхождение бывшего храма в честь Климента Римского в Лелле. Мы надеемся на то, что специалисты найдут необходимые аргументы для верификации предположения замечательного венгерского ученого или приведут веские аргументы в пользу доказанного противоположного мнения.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Некоторые подробности дискуссии И. Книежи и Я. Станислава были рассмотрены и оценены Т. Лером-Сплавинским (T. Lehr-Splawiński. *Działalność Konstantyna i Metodego a słowacyzna*; T. Lehr-Splawiński. *Konstantyn i Metody*. Warszawa, 1967. 279–307.).
- ² István Kniezsa. Zur Frage der auf Kyrill und Method bezüglichen Traditionen auf dem Gebiete des alten Ungarn. In *Cyryllo-Methodiana*. Herausgegeben von M. Hellmann, R. Olesch, B. Stasiński, F. Zagiba. Köln–Graz, 1964. 202, 209.
- ³ István Kniezsa. Die Slawenapostel und die Slowaken. Bp., 1942. 18.
- ⁴ István Kniezsa. Zur Frage... 202, 209.
- ⁵ Kogutowicz Manó. Dunántúl és Kisalföld frásban és képben. Szeged, 1930. 91.
- ⁶ Bárczi Géza. A tihanyi apátság alapítóleve mint nyelvi emlék. Bp., 1951. 10.
- ⁷ Békefi Remig. A Balaton környékének egyházai és várai a középkorban. Bp., 1907. 103.
- ⁸ Békefi Remig. Ук. соч. 103.; Horváth József. Balatonlelle története. Veszprém, 1943. 11.
- ⁹ Csánki Dezső. Magyarország történeti földrajza a Hunyadiak korában. T. II. Bp., 1894. 525.
- ¹⁰ Horváth József. Ук. соч. 24.
- ¹¹ Horváth József. Ук. соч. 7.
- ¹² Karácsonyi János. Magyarország egyháztörténete. Bp., 1985. 8.
- ¹³ Tamás Bogay. Stephanus rex. Bp., 1988. 57.
- ¹⁴ Györffy György. István király és műve. Bp., 1977. 181.
- ¹⁵ Mesterházi Károly. Adatok a bizánci kereszténység elterjedéséhez a Árpád-kori Magyarországon. Debrecen, 1970. 160.
- ¹⁶ István Kniezsa. Die Slawenapostel... 19.

- ¹⁷ Györfly György. Ук. соч. 328.
- ¹⁸ Horváth József. Ук. соч. 31.
- ¹⁹ Kogutowicz Manó. Ук. соч. 102.
- ²⁰ Tamás Bogyay. Ук. соч. 91.
- ²¹ F. Grivec – F. Tomšič. *Constantinus et Methodius Thessalonicensis. Fontes.* Zagreb, 1960. 64–66.
- ²² Václav Richter. *Die Anfänge der grossmährischer Architektur. In Magna Moravia.* Praha, 1965. 136, 173.
- ²³ *Magnae Moraviae Fontes Historici. II. Textus Biographici, Hagiographici, Liturgici.* Brno, 1967. 195.
- ²⁴ *Magnae Moraviae...* 281.; Alexander Avenarius. *Byzantská kultúra v slovanskom prostredí v VI.–XII. storočí.* Bratislava, 1992. 98.
- ²⁵ Václav Richter. Ук. соч. 179.
- ²⁶ Michal Lacko. *Sv. Cyril a Metod. Rim, 1971.* 56.; Alexander Avenarius. Ук. соч. 98.
- ²⁷ Francis Dvorník. *The Slavs.* 1953. 226–228.
- ²⁸ Balics Lajos. *A kereszténység története hazánk mai területén a magyarok letelepedéséig.* Bp., 1901. 271–272.
- ²⁹ Агнеш Чемицки Шош. *К проблеме истории паннонских славян в IX в. Часть II. Задунайская территория во время Прибины и Коцела.* Slavica IX (1969). Debrecen. 162.
- ³⁰ Cs.Sós Ágnes. *Zalavár a középkorban.* Keszthely, 1985. 8.
- ³¹ Ágnes Cs.Sós. *Die slavische Bevölkerung Westungarns im 9. Jahrhundert.* München, 1973. 47.
- ³² Kniezsa István. *Magyarország népei a XI. században. Emlékkönyv Szt. István halálának kilencszázadik évfordulójára. T. II.* Bp., 1938. 428–430.
- ³³ Kniezsa István. *Magyarország népei...* 421, 429, 439.
- ³⁴ Ágnes Cs.Sós. *Die slavische Bevölkerung...* 127, 140.
- ³⁵ Kiss Lajos. *Földrajzi nevek etimológiai szótára. T. I.* Bp., 1988. 29.
- ³⁶ Gutheil Jenő. *Az Árpád-kori Veszprém. Veszprém,* 1979. 84.
- ³⁷ Ágnes Cs.Sós. *Die slavische Bevölkerung...* 149, 151.
- ³⁸ Gutheil Jenő. Ук. соч. 84.
- ³⁹ István Kniezsa. *Die Slawenapostel...* 18–19.

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА
ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
В БОЛГАРСКОМ, РУССКОМ И ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКАХ**

Иштван Пете

1. Пространственные отношения, их элементы и средства обозначения. Пространственные отношения выражают локализацию предмета, действия или признака в определённом фрагменте действительности. При анализе пространственных отношений выделяются: а) локализуемое (локализуемый предмет, действие или признак), б) локальные отношения и в) локализатор. Отдельные элементы пространственных отношений могут обозначаться отдельно, совместно или могут отсутствовать. Ср.:

локализуемый предмет	локализуемое действие	локальное отношение	локализатор
Иван	отива	в	университета.
Него	заведоха	в	болницата.
Ще слезем		тук.	
Иван	прекоси		улицата.
Пътувахме		по	море.
Той	излезе.	-	-

Средствами обозначения пространственных отношений являются: (1) предложно-падежные словосочетания, (2) наречия места, (3) приставочные глаголы, (4) придаточные предложения места. В венгерском языке болгарским и русским предложно-

падежным словосочетаниям соответствуют падежные формы существительных без послелогов или с послелогоми.

В русском языке локальные отношения могут обозначаться и беспредложным творительным падежом (5). Относительные прилагательные (6) также могут иметь пространственное значение. Ср.:

- (1) На масата има книги.
На столе лежат книги.
Az asztalon könyvek vannak.
- (2) Иван стоеше отзад.
Иван стоял позади.
Iván hátul állt.
- (3) Иван излезе.
Иван вышел.
Iván kiment.
- (4) Иван отиде, където трябваше.
Иван пошёл, куда нужно было.
Iván odament, ahová kellett.
- (5) Вървахме по полето.
Мы ехали по л е м.
A mezőn át mentünk.
- (6) Как се отива до Киевската гара?
Как проехать к Киевскому вокзалу?
Hogyan juthatok el a Kievi pályaudvarra?

2. Статические и динамические пространственные отношения. Локализуемый предмет может находиться в состоянии покоя или в состоянии движения. Соответственно этому пространственные отношения делятся на статические и динамические.

С т а т и ч е с к и е пространственные отношения обозначают местонахождение локализуемого предмета по отношению к локализатору. Они отвечают, как правило, на вопрос где? В венгерском языке иногда можно употреблять и местоимение *merre?* 'накъде', 'куда?' (7). Ср.:

- (7) Къде се намира университетът?
Где находится университет?
Hol/Merre van az egyetem?

Динамические пространственные отношения обозначают место движения или направление движения (удаление или приближение) локализуемого предмета по отношению к локализатору, то есть для них характерными являются так называемые **тройственные отношения**, отвечающие на вопросы куда? - где? - откуда? Тройственные отношения проявляются не только в соотношении вопросов, но и в параллелизме отдельных конструкций, обозначающих локальные отношения. Статическое местонахождение и динамическое местодвижение отвечают не только на общий вопрос где?, но они, как правило, обозначаются одними и теми же средствами. Ср.:

Пространственные отношения по состоянию локализуемого предмета

статические	динамические		
кѐде? где? hol?/merre?	накѐде?/докѐде? куда?/докуда? hová?/merre?med dig?	кѐде? где? hol?	откѐде? откуда? honnan?
Децата бѐха в гората. Дети были в лесу. A gyerekek az erdőben voltak.	Децата отидоха в гората. Дети пошли в лес. A gyerekek elmen- tek az erdőbe.	Разхождаха се из гората. Они гуляли в лесу. Ők az erdőben sétáltak.	Прибраха се от гората. Они пришли из леса. Megjőttek az erdőből.

Средства обозначения статических и динамических пространственных отношений, отвечающих на вопрос где?, в венгерском языке всегда совпадают. В болгарском и русском языках имеются такие типы пространственных отношений, в которых обнаруживается различие не только в содержании, но и в системе средств обозначения локальных отношений, выражающих статическое где? и динамическое где? Ср.:

статическое где?	динамическое где?
Иван стои на улицата/седи в парка. Иван стои на улице/сидит в парке. Iván az utcán áll/a parkban ül.	Иван върви по улицата/из парка. Иван идёт по улице/по парку, ходит по парку/в парке. Iván megy/járkál az utcán, a parkban.
Иван стоеше до мене. Иван стоял возле меня. Iván mellettem állt.	Той мина покрай мене. Он прошёл мимо меня. Elment mellettem.
Живеем срещу църквата. Мы живём против/напротив церк- ви. A templommal szemben lakunk.	Те вървят един срещу друг. Они идут навстречу друг другу. Egymás elébe mentek. Тя тичаше срещу вятъра. Она бежала против ветра. Széllel szemben futott.

В русском языке при выражении динамических пространственных отношений поверхностные и внутренние локальные отношения нейтрализуются в случае употребления глаголов однонаправленного движения: *идти, бежать по саду, по площади, плыть по морю/в море*. В конструкциях с глаголами неоднаправленного движения можно употреблять предлоги *по, на, в: ходить, гулять, бегать в саду/по саду, на/по площади*. В болгарском же языке предлог *по* обозначает "движение, разпръснато положение върху повърхност": *Тичам по полето. Книгите бяха безредно разпръснати по пода*. (Ср. в русском: *Книги разбросаны по всему полу*.) Предлог *из* употребляется с глаголами неоднаправленного движения при обозначении динамических внутренних локальных отношений: *Разнесе се слух из селото. Ходя из града. Можем да се разходим из парка или из София. Пътувал ли си из България?* В болгарском языке предлог *из* может обозначать также "разпръснато разположение вътре в границите на предмета": *Из тази гора има много високи дървета*.

В венгерском языке почти все типы пространственных отношений чётко отличаются друг от друга по средствам выражения. В болгарском языке конструкции, отвечающие на вопросы *куда?* и *где?*, различаются только глаголами. Ср.:

(7)	Башата отива в завода.
Отец идёт на завод.
Ара a gyárba megy. | Башата работи в завода.
Отец работает на заводе.
Ара a gyárban dolgozik. |
|-----|--|---|

В русском языке также имеются случаи, когда пространственные отношения, отвечающие на вопросы *куда?* и *где?*, в системе обозначения локальных отношений не различаются. Ср.:

(8)	Мать поставила блюдо перед ребёнком.
Майката сложи яденето пред детето.
Az anya a gyerek elé tette az ételt.	Блюдо стоит перед ребёнком
Яденето е пред детето.
Az étel a gyerek előtt van.
(9)	Врач наклонился над больным.
Лекарят се наведе над болния.
Az orvos a beteg fölé hajolt.	Над больным висит лампа.
Над болния виси лампа.
A beteg fölött lámpa függ.

При определённых глаголах в русском и венгерском языках наблюдается **н е й т р а л и з а ц и я** динамических пространственных отношений, отвечающих на вопросы *где?* и *куда?* (см. Блажев Блажо, Употребление конструкций направления и места в совр. русском языке. София, 1975):

(10)	Самолёт приземлился на лужайке/на лужайку .
A repülőgép leszállt a tisztáson/a tisztásra .
Самолетът кацна на поляната .
(11)	Садись здесь/сюда .
Ülj le itt/ide!
Седни тук/насам .
(12)	Он скрылся в роще/в рошу .
Elbújt a ligetben/a ligetbe .
Той се скри в горичката .

Синонимические конструкции в русском языке, иногда и в венгерском (14), могут различаться в обозначении направления и

места движения. Ср.:

- (13) Они пошли в эту сторону/в этом направлении.
 Ebbe az irányba/Ebben az irányban mentek.
 Отидоха на тази страна/в тази посока.
- (14) Мама поставила цветы на подоконник/расставила цветы на подоконнике.
 Az anya az ablakpárkányra tette/szét rakta az ablakpárkányon a virágokat.
 Майката сложи/постави цветята на перваза на прозореца.

В русском языке редко встречаются и случаи нейтрализации локальных отношений, отвечающих на вопросы где? и откуда? Ср.:

куда?	где?	откуда?
Он сел возле меня. Mellém ült. Тя седна до мене.	Он сидит возле меня. Mellettem ült. Тя седи до мене.	Он встал возле меня и ушёл. Felállt mellőlem. Тя стана от мене.
Стань же сбоку. Állj oldalra! Застани отстрани.	Хлеб заплесневел сбоку. Oldalt a kenyér megpenészedett. Хлябът мухляса отстрани.	Я смотрел на него сбоку. Oldalról néztem őt. Гледах го отстрана/отстрани.
Садись справа/слева от меня. Tőlem jobbra/balra ülj. Седни надясно/наляво от мене.	Дом находится слева от дороги. A ház az úttól balra van. Къщата се намира от лявата страна на пътя.	Ветер дул справа/слева. A szél jobbról/balról fújt. Вятърът духаше отдясно/отляво.
Он положил бумагу сверху. Felülre tette a papírt. Той сложи хартията отгоре.	Вода замёрзла только сверху. A víz csak felül fagyott be. Водата беше замръзнала отгоре.	Мы смотрели сверху вниз. Felülről lefelé néztünk. Гледахме отгоре надолу.

Резкой границы нет не только между разными направлениями динамических пространственных отношений, но и между динамическими и статическими пространственными отношениям. В квази-динамических конструкциях употребляются средства обозначения динамических локальных отношений, которые однако реально никакого движения не обозначают. Ср.:

- (15) Эта лестница ведёт на крышу.
Тази стълба извежда на покрива.
Ez a lépcső a tetőre vezet.

При обозначении динамических пространственных отношений в разных языках могут быть расхождения в обозначении направлений движения. Ср.:

(16)	Да не закъснете за обед/за урока.	(Куда?)
	Не опоздайте к обеду/на урок.	(Куда?)
	Nehogy elkéssetek az ebédről/az óráról!	(Откуда?)
(17)	Трябва да се явя в съда.	(Куда?)
	Мне надо явиться в суд.	(Куда?)
	Meg kell jelennem a bíróságon.	(Где?)
(18)	Иван живет близко до магазина.	(Где?)
	Иван живёт близко от магазина.	(От чего близко?)
	Iván közel lakik a boltához.	(К чему близко? где?)

3. Ориентировочное подразделение пространственных отношений. Статическое и динамическое положение локализуемого относительно локализатора конкретизируется средствами выражения локальных отношений, от которых зависит ориентировочное подразделение пространственных отношений. Оно может быть представлено в виде точки, линии или окружности, то есть характер проявления локальных отношений может быть точечным, линейным или окружным. Тройственные отношения характерны только для точечных локальных отношений. Локализатором, т. е. ориентиром в пространстве, может быть какой-н. предмет (19), говорящий (20) или ситуация (21):

- (19) Детето стои на сянка.
Ребёнок находится в тени.
A gyerek árnyékban van.
- (20) Не иска да си отиде оттук.
Он не хочет уходить отсюда.
Nem akar innen elmenni.
- (21) Отиде, където трябваше.
Он пошёл, куда нужно было.
Odament, ahová kellett.

Внутри точечных, линейных и окружных локальных отношений выделяются более частные типы, представляющие конкретное место и характер локализуемого относительно локализатора.
Ср.:

Ориентировочные типы локальных отношений

точечные ЛО	линейные ЛО	окружные ЛО
1. внутренние ЛО	1. параллельные ЛО	1. круговые ЛО
2. внешние ЛО	2. диагональные ЛО	2. обходные ЛО
3. поверхностные ЛО	3. перпендикулярные ЛО	
4. верхние ЛО	4. предельные ЛО	
5. нижние ЛО	5. транспозиционные ЛО	
6. передние ЛО		
7. задние ЛО		
8. противоположные ЛО		

9. околонаходящиеся ЛО - непосредственный контакт - наибольшая степень близости - средняя степень близости - наименьшая степень близости		
10. боковые ЛО		
11. срединные ЛО		
12. интерпозиционные ЛО		

3.1. Точечные локальные отношения. Точечные локальные отношения связаны с определённым пунктом в пространстве. Выделяются 12 типов точечных локальных отношений (ЛО):

3.1.1. Внутренние ЛО, указывающие на местонахождение предмета в п р е д е л а х локализатора, а также направление движения в пределы или из пределов локализатора. Ср.:

куда?	где?	откуда?
Влязохме в къщата/въ- тре в къщата. Мы вошли в дом/ внутрь дома. Bementünk a házba/a ház belsejébe.	Всички се намираха в къщата/вътре в къ- щата. Все находились в до- ме/внутри дома. Mindenki a házban/a ház belsejében volt.	Той излезе от къщи. Вратата е заключена отвътре. Он вышел из дома. Дверь заперта изну- три. Kiment a házból. Az ajtó belülről van bezárva.

Предлоги в – от в болгарском языке, в + вин. п. – в + предл. п. в русском языке и прилепы -ba/-be, -ban/-ben, -ból/-ből в

венгерском языке являются главными средствами обозначения пространственных отношений. Они употребляются с именами-локализаторами, обозначающими: 1) замкнутые со всех сторон предметы, помещения, постройки, которые могут быть вместилищем чего-л., кого-л., 2) географические понятия, 3) разные сферы деятельности, организации. Ср.:

- (22) Живея в общежитие.
Я живу в общежитии.
Kollégiumban lakom.
- (23) Пловдив е древен град в България.
Пловдив - древний город в Болгарии.
Plovdiv régi város Bulgáriában.
- (24) Иван работи в промишлеността.
Иван работает в промышленности.
Iván az iparban dolgozik.

Второстепенными средствами обозначения внутренних пространственных отношений в болгарском языке является предлог на, в русском языке предлоги на + вин. п., на + предл. п., с + род. п., в венгерском языке прилепы -ra/-re, -on/-en/ön, -ról/-ről. Страны света, названия островов и полуостровов, например, в этих трёх языках употребляются с этими средствами. Ср.:

- (25) Иван живее на изток/източно от Москва (в Далечния Изток).
Иван живёт на восток от Москвы, на Дальнем Востоке.
Iván Moszkvától keletre, a Távol-Keleten lakik.
- (26) България се намира на Балканския полуостров.
Болгария находится на Балканском полуострове.
Bulgária a Balkán félszigeten található.

В русском языке названия островов, оканчивающиеся на -ия, обычно употребляются с предлогами в – в – из. Ср.: на Кипре, на Крите – в Гренландии, в Исландии. В русском языке названия некоторых гор употребляются с предлогами на – на – с: жить на Урале (на Кавказе, на Алтае, на Памире, в/на Карпатах) ‘живея на Урал, на Кавказ, на Алтай, на Памир’, az Uralban (a Kaukázusban, az Altáj hegységben, a Pamir fennsíkon) lakik.

В русском языке названия некоторых промышленных предприятий и учреждений употребляются с предлогами **на** – **на** – **с**: *работать на фабрике (на заводе, на комбинате, на авторемонтном предприятии, на мельнице, на шахте, на руднике, на карьере, на складе, на элеваторе, на холодильнике, на транспорте, на производстве, на строительстве, на железной дороге, на почте, на почтамте, на радио, на телевидении и др.)*. В болгарских эквивалентах обычно употребляются предлоги **на** – **с**, в венгерских же прилепы **-ba/-be, -ban/-ben, -ból/-ből**, реже **-hoz/-hez/-höz, -nál/-nél, -tól/-től**. Ср.: *работя в фабрика (в завода, в комбинат за месо, в авторемонтно предприятие, в мелница, в мините, в рудник, в карьера за камън, пясък, в склад, в зърнохранилище, в хладилник, в транспорта, в производството, на строежа, на железниците, в пощата, в централната поща, в радиото, в телевизията и др.)* – *gyárban (üzemben, textilkombinátban, autójavító vállalatnál, malomban, bányában, ércbányában, kőfejtőben, raktárban, magtárban, hűtőházban, közlekedésben, a termelésben, építkezésnél, a vasútnál, a postán/a postánál, a főpostán, a rádiónál, a televíziónál и др.) dolgozik*. Болгары ‘отиват на гробища’, русские ‘идут на кладбище’, венгры же *ki/mennek a temetőbe*. Болгары живут в родината или в чужбина, венгры также *hazájukban/ idegenben élnek*, русские же живут на родине или на чужбине. С названиями учреждений в венгерском языке обычно употребляются прилепы **-ra/-re, -n, -ról/-ről**, в болгарском и русском языках – чаще всего предлоги **в** – **от**, **в** – **в** – **из**. Ср.: *megyek az egyetemre (főiskolára, akadémiára, a bölcsészkarra, klinikára, rendőrségre, bíróságra и др.)* – *отивам в университета (в института, в академията, в историко-филологически факултет, в клиниката, в милицията, в съда и т. п.)* – *идти в университет (в институт, в академию, на историко-филологический факултет, в клинику, в милицию, в суд и т. п.)*. Русские ученики учатся в школе, ходят в школу, венгерские ученики *iskolába járnak*, болгарские же ходят на училище. В болгарском и венгерском языках говорим ‘в съседство с’ (27), в русском же языке *по соседству с* чем-л. Ср.:

- (27) В съседство с манастира е построен голям хотел.
A kolostor szomszédságában egy nagy szállodát építettek.

По соседству с манастиръм построена голяма гостиница.

В българском языке при обозначении направления движения, сопряжённого целевой семантикой, часто употребляется предлог **на**:

- (28) Искаш ли да отидем **на ресторант** (на цирк, на театър, на кино)?
 НО: Отивам в киното да купя билети. Искаш ли да срещнем в ресторанта?

При обозначении конечного пункта движения в болгарском языке с некоторыми глаголами при географических названиях употребляется предлог **за**: *пътувам за София* – ехать в Софию – *Szófiába megy*.

Открытые сверху сосуды, спортивные сооружения, части зданий, огороженные чем-н. пространства в венгерском языке всегда употребляются с прилепами **-ba/-be, -ban/-ben, -ból/-ből**, в болгарском языке чаще с предлогами **в** – от, в русском же языке чаще с предлогами **на** – на – с. Ср.: *Картофите пържим в тиган*. ‘A krumpelit serpenyőben sütjük’. – *Картофель жарим на сковороде*. *Баницы печем в тава*. – ‘A rétest tepsiben sütjük’. – *Баницу пекут на противне*. *Да играя на стадиона* – ‘stadionban játszik’ – *играть на стадионе*. *Да се изкача в кулата* – ‘felmegy a toronyba’ – *подняться на башню*.

3.1.2. Внешние локальные отношения, обозначающие место за пределами или на внешней стороне чего-л. Ср.:

куда?	где?	откуда?
Къртицата изпъзля от дупката си навън . Крот вылез из норки наружу . A vakondok kimászott a lyukából.	Днес вън/навън е горещо. Сегодня наружи жарко. Kint hőség van.	Трябва да се заключи вратата отвън . Нужно запереть дверь снаружи . Kívülről kell bezárni az ajtót.

Обърни кожата с вълната наиз. Выверни шубу мехом наружу. Fordítsd ki a subát szőrével kifelé.	В това време Иван е винаги вън от града. В это время Иван всегда вне города. Ebben az időben Iván a városon kívül van mindig.	Отвън се чува музика. Извне слышится музыка. Kívülről/Kintről zeneszó hallatszik.
---	---	---

3.1.3. Поверхностные локальные отношения, указывающие на место на поверхности, на наружной стороне локализатора. Ср.:

куда?	где?	откуда?
Той сложи книгата на масата. Он положил книгу на стол. Az asztalra tette a könyvet.	Книгата се намира на масата. Книга лежит на столе. A könyv az asztalon van.	Вземи книгата от масата. Возьми книгу со стола. Vedd el a könyvet az asztalról.

С названиями мероприятий в болгарском и русском языках употребляются средства обозначения поверхностных пространственных отношений. В венгерских эквивалентах иногда встречаются средства внутренних пространственных отношений (например, со словами 'бал', 'война', 'свадьба', 'ярмарка', 'дуэль'. Ср.:

куда?	где?	откуда?
Отивам на лекция. Я иду на лекцию. Előadásra megyek.	Бях на лекции. Я была на лекции. Előadáson voltam.	Той си дойде от лекцията. Он пришёл с лекции. Megjött az előadásról.

NO: Лермонтов бе убит на дуел. – Лермонтов был убит на дуэли. – Lermontovot párbajban ölték meg.

3.1.4. Верхние локальные отношения, обозначающие место:

1) на некотором расстоянии над поверхностью локализатора, 2) в верхней части локализатора, 3) в направлении к истоку реки или в различной степени удалённости от экватора к северу.

куда?	где?	откуда?
Окачих си лампата над леглото. Он повесил лампу над постелью. Az ágy fölé akasztotta a lámpát.	Лампата виси над леглото. Лампа висит над постелью. Az ágy fölött lámpa függ.	Взemi лампата от леглото. Возьми лампу над постелью. Vedd el a lámpát az ágy fölül.
Асансьорът отива нагоре. Лифт идёт вверх. A lift felfelé megy.	Асансьорът се намира горе. Лифт наверху/вверху. A lift fent van.	Асансьорът идва горе. Лифт идёт сверху. A lift fölülről jön.
Параходът отива нагоре по Дунав. Пароход идёт вверх по Дунаю. A hajó a Dunán felfelé megy.	Дунав е плавателен над Виепа. Дунай судоходен выше Вены. A Duna Bécs fölött hajózható.	Параходът идва отгоре по Дунав. Пароход идёт сверху по Дунаю. A hajó a Dunán felülről jön.

3.1.5. Нижние локальные отношения, указывающие место:

1) ниже локализатора, под его поверхностью, 2) по направлению к устью реки или в различной степени удалённости от экватора к югу. Ср.:

куда?	где?	откуда?
<p>Шофьорът пропълзя под колата.</p> <p>Шофър подлез под машину.</p> <p>A sofőr a gépkocsi alá mászott.</p>	<p>Шофьорът лежи под колата.</p> <p>Шофър лежит под машиной.</p> <p>A sofőr a gépkocsi alatt fekszik.</p>	<p>Шофьорът изпълзя изпод колата.</p> <p>Шофър вылез из-под машины.</p> <p>A sofőr kimászott a gépkocsi alól.</p>
<p>Асансорът отива надолу.</p> <p>Лифт идёт вниз.</p> <p>A lift lefelé megy.</p>	<p>Асансьорът е долу.</p> <p>Лифт внизу.</p> <p>A lift lent van.</p>	<p>Асансьорът идва от долу.</p> <p>Лифт идёт снизу.</p> <p>A lift lentől jön.</p>
<p>Параходът плува надолу по Дунав.</p> <p>Пароход плывёт вниз по Дунаю.</p> <p>A hajó a Dunán lefelé megy.</p>	<p>Тиса е плавателна под Солнок/по-долу от Солнок.</p> <p>Тисса судоходна ниже Сольнока.</p> <p>Szolnoktól lefelé a T. hajózható.</p>	<p>Параходът плува от долу по Дунав.</p> <p>Пароход плывёт снизу по Дунаю.</p> <p>Alulról a Dunán hajó jön.</p>

3.1.6. Передние локальные отношения, обозначающие место в некотором расстоянии от лицевой стороны локализатора. Ср.:

куда?	где?	откуда?
<p>Учителят сложи книгата пред ученика.</p> <p>Учитель положил книгу перед учеником/впереди ученика.</p> <p>A tanár a diák elé tette a könyvet.</p>	<p>Книгата е пред ученика.</p> <p>Книга лежит перед учеником/впереди ученика.</p> <p>A könyv a diák előtt van.</p>	<p>Учителят взе книгата от ученика.</p> <p>Учитель взял книгу у ученика.</p> <p>A tanár elvette a könyvet a diák elől.</p>

Оставете децата да минат напред. Пропустите детей вперёд. Engedjétek előre a gyerekeket.	Той вървеше далеч отпред/напред. Он шёл далеко впереди. Messze elől ment.	Вятърът духа от-пред/настреща. Ветер дует спереди. A szél előlről fúj.
--	---	--

Передним локальным отношениям венгерского языка могут соответствовать в болгарском и русском языках нижние локальные отношения. Ср.: *Anna a vonat e l é vetette magát.* – *Ана се хвърли под влака.* – *Анна бросилась под поезд.*

3.1.7. Задние локальные отношения, обозначающие место позади локализатора. Ср.:

куда?	где?	откуда?
Той застана зад дървото. Он стал за дерево. A fa mögé állt.	Той стоеше зад дървото. Он стоял за деревом. A fa mögött állt.	Той изскочи иззад дървото. Он выскочил из-за дерева. Kiugrott a fa mögül.
Той сложи ръце зад гърба. Он заложил руки назад. Hátrатette a kezét.	Той стоеше отзад. Он стоял позади. Hátul állt.	Той я приближи изотзад. Он подошёл к ней сзади. Hátulról ment oda hozzá.

Задним локальным отношениям одних языков могут соответствовать в других языках другие типы локальных отношений. Ср.:

- (29) Он сунул пистолет за пазуху.
Той пъхна пистолета си в пазвата.
Kehlébe dugta a pisztolyt.
- (30) Я еду за границу.

Отивам в странство/в чужбина.

Külföldre megyek.

- (31) За другим столом сидели матросы.

На/около другата маса бяха насядали моряци.

A másik asztalnál matrózok ültek.

- (32) Мальчишка завернул за угол и исчез.

Хлапето сви зад ъгъла и изчезна.

A fiú befordult a sarkon és eltűnt.

- (33) В Швеции мы были за полярным кругом.

Швеция бяхме отъд полярния кръг.

Svédországban a sarkkörön túl voltunk.

3.1. 8. Противоположные локальные отношения, обозначающие место прямо перед локализатором, на противоположной стороне. Ср.:

- (34) Тя седеше срещу мен.

Она сидела против/напротив меня.

Szemben ült velem.

Предлог **напротив** в сочетаниях с глаголами движения не употребляется. Ср.:

- (35) а. Она жила напротив.

Тя живееше отсреща.

Szemben lakott.

- б. Будем плыть против течения.

Ще плаваме срещу течението.

A folyó folyásával szemben fogunk úszni.

Значение предложений с предлогами **перед** и **против/напротив** может быть синонимичным и несинонимичным. Ср.:

- (36) а. Перед домом стоит машина.

Против/Напротив дома находится сад (на более отдалённом расстоянии).

- б. Он сидел передо мной (неясно, лицом или спиной).

В театре он сидел передо мной (спиной ко мне).

В автобусе он сидел против/напротив меня (лицом ко мне).

3.1.9. Околонаходящиеся локальные отношения, указывающие на разные степени близости/отдалённости локализуемого предмета от локализатора.

а) Непосредственный контакт между локализуемым и локализатором обозначается с помощью следующих конструкций:

куда?	где?	откуда?
Отивам при лекаря/на лекар. Я иду к врачу. Megyek az orvoshoz.	Бях при лекаря. Я была у врача. Voltam az orvosnál.	Върнах се от лекаря. Я пришёл от врача. Megjöttem az orvostól.

б) Наибольшая степень близости между локализуемым и локализатором обозначается с помощью следующих конструкций:

куда?	где?	откуда?
Камен сяда при/до мен. Камен сел возле/подле меня, рядом со мной. Kamen mellém ült.	Камен седеше при/до мен, от дясната ми страна. Камен сидел возле/подле меня, рядом со мной, по правую руку от меня. Kamen mellettem/jobbról mellettem ült.	Камен стана и си отиде (от мен). Камен встал возле меня и ушёл. Kamen felállt mellőlem.
Камен сяда до прозореца. Камен сел к окну. Kamen az ablakhoz ült.	Камен седи до прозореца. Камен сидел у окна. Kamen az ablaknál ült.	Камен стана и се отдалечи от прозореца. Камен встал и отошёл от окна. Kamen felállt és elment az ablaktól.

В русском языке предлог у не употребляется для обозначе-

ния наибольшей степени близости с одушевлёнными предметами, с названиями мелких предметов, с относительным местоимением который. Ср.:

- (37) Саша остановилась **возле** (подле, около) Кости (не: *у Кости).
Саша се задържа **до/при** Костя.
Szása megállt Kosztya mellett.
- (38) **Около** (возле, подле) тарелки лежат нож и вилка (не: *у тарелки).
До чинията лежат нож и вилица.
A tányér mellett kés és villa van.
- (39) Валя подошла к забору, **около** (возле, подле) которого разросся бурьян (не: *у которого).
Валя отиде **при/към** оградата, около която растеше бурен.
Valja odament a kerítéshez, amely mellett megnőtt a gaz.

В русском языке словосочетания с предлогами **у** и **при** употребляются с существительными **ворота, вход, выход, въезд, впадение, слияние, дом**. В болгарском языке могут соответствовать им словосочетания с предлогами **пред, на, в** венгерском языке прилепа **-nál/-nél (y)**, послелог **előtt**. Ср.:

- (40) **У** ворот остановилась машина.
Пред вратата спря една кола.
A kapu előtt megállt egy gépkocsi.
- (41) Не стойте **у** входа/**у** выхода.
Не стойте **на** входа/**на** изхода!
Ne álljatok a bejáratnál/a kijáratnál!
- (42) **У** впадения/**при** впадении Оки в Волгу расположен город Нижний Новгород.
Там, където Ока се влива във Волга, е разположен град Нижни Новгород.
Nyizsnyij Novgorod az Oka-folyónak a Volgába történő torkollásánál fekszik.

С названиями **рек, озёр и морей** в болгарском и русском языках обычно предлог **на** обозначает наибольшую степень близости. Ср.: *Ростов-на-Дону – Ростов на Дон* 'a Don menti Rosztov', *Бургас е голямо пристанище на Черно море. – Бургас большой порт на Чёрном море.* 'Burgasz nagy kikötő a Fekete-tenger partján'. *Мы были на Балатоне. – Бяхме на Балатон. – A Balatonon*

voltunk.

в) Средняя степень близости обозначается с помощью следующих конструкций:

- (43) Я живу около (близ, возле, недалеко от, близко от) школы.
Живея около (край, към, до, близо до, недалеко от) училището.
Az iskola mellett (az iskolától nem messze, az iskolához közel) lakom.

г) Наименьшая степень близости обозначается при помощи наречий (часто в сочетании с предлогом) и фразеологизмами. Ср.:

- (44) Живеехме далече от града.
Мы жили далеко/вдали от города.
A várostól messze laktunk.
- (45) Тя живее някъде на края на света.
Она живёт у чѐрта на куличках/на краю света.
Isten háta mögötti helyen/a világ végén lakik.

3.1.10. Боковые локальные отношения, указывающие на одной из сторон локализатора, кроме верха и низа, передней и задней его сторон. Они обозначаются с помощью следующих средств:

куда?	где?	откуда?
Трябва да завия наляво (вляво, надясно, вдясно). Нужно свернуть налево (влево, направо, вправо). Balra/jobbra kell fordulni.	Отстрани (наляво, надясно) от къщата се намира гора. Сбоку дома (налево, направо от дома) находится лес. A háztól oldalt (balra, jobbra) erdő van.	Вятърът духаше отстрани (отляво, отдясно). Ветер дул сбоку (слева, справа). A szél oldalról (balról, jobbról) fújt.
	От дясната му страна седеше дъщеря му. По правую руку от него сидела дочь. Jobb oldalán a lánya ült.	

3.1.11. Серединные локальные отношения, указывающие на место в средней части локализатора. Они обозначаются с помощью следующих средств:

куда?	где?	откуда?
Сложи/Постави масата сред стаята. Поставь стол посреди компаты. Tedd az asztalt a szoba közepére.	Масата се намира в средата на стаята. Стол стоит посреди/посередине компаты. Az asztal a szoba közepén van.	Да преместим масата от средата на стаята до прозореца. Переставим стол с середины компаты к окну. Tegyük át az asztalt a szoba közepéről az ablakhoz.

3.1.12. Интерпозиционные локальные отношения, указывающие на место между двумя предметами или посреди локализатора. Ср.:

куда?	где?	откуда?
Иван постави тоягата между коленете си. Иван поставил палку между колен. A térdé közé tette a pálcát.	Тоягата е между неговите колена. Палка стоит между его коленами. A bot a térdé között van.	Той отмести тоягата от коленате си. Он отставил палку из колен. Kitette a botot a térdé közül.
Настаниха го сред децата. Его посадили посреди/между детей. A gyerekek közé ültették.	Бащата седи сред (между, посред) децата. Отец сидел между/среди детей. Az apa a gyerekek közt ült.	Бащата се премести към/при нас от децата. Отец, сидевший среди детей, пересел к нам. A gyerekek közül átült hozzánk.

3.2. Линейные локальные отношения. Линейные локальные отношения указывают на место, имеющее вид линии, расположенное по линии локализатора. Выделяются 5 типов локальных отношений. Они не характеризуются тройственностью отношений.

3.2.1. Параллельные локальные отношения, указывающие на линейное место, параллельное локализатору. Ср.:

- (46) Вървях край брега.
Я шёл вдоль берега.
A paert mentén mentem.
- (47) Пътищата вървяха успоредно.
Дороги шли параллельно.
Az utak párhuzamosan haladtak.

3.2.2. Диагональные локальные отношения, указывающие на место по косой линии. Ср.:

- (48) Насреща по диагонал от нашата къща се намира зданието на театъра.
Наискось от нашего дома находится здание театра.
A színház a házunkkal rézsut szemben van.
- (49) Да минем косо (изкосо, по диагонал).
Пойдём наискось (вкось, по диагонали).
Menjünk rézsut(osan)!

3.2.3. Перпендикулярные локальные отношения, указывающие на линейное место, расположенное по перёк локализатора. Ср.:

- (50) Ще сложим гредата напреки на пътя.
Положим бревно поперёк дороги.
Fektessük a gerendát keresztbe az úton.

3.2.4. Транспозиционные локальные отношения, указывающие на пересекаемое место, на трассу движения. Ср.:

- (51) Пътят минава през гората.
Дорога тянется через лес.
Az út az erdőn át vezet.

- (52) Момичето се страхува да прекоси улицата.
 Девочка боится перейти улицу/через улицу.
 A kislány fél átmenni az utcán.
- (53) Катя вървеше по пътекката.
 Катя шла по дорожке.
 Katya az ösvényen ment.
- (54) Той гледаше през цепнатината.
 Он смотрел сквозь щель.
 A résen át nézett.
- (55) Бомба проби напълно покрива.
 Бомба пробила крышу насквозь.
 A bomba teljesen áttörte a tetőt.
- (56) През едното ухо влиза, през другото излиза.
 В одно ухо вошло, в другое вышло.
 Az egyik fülén bement, a másikon kiment.
- (57) Гледах през прозореца.
 Я смотрел в окно.
 Kinéztem/Benéztem az ablakon.

3.2.5. Предельные локальные отношения, указывающие на предельное место распространения локализуемого. Ср.:

- (58) Той ни закара до града.
 Он довёз нас до города.
 Elvitt minket a városig.
- (59) Тя стоеше до шията във вода.
 Она стояла по горло в воде (с названиями частей тела и предметов).
 Nyakig állt a vízben.

3.3. Окружные локальные отношения. Окружные локальные отношения указывают на к р у г о о б р а з н о е место. Выделяются 2 типа окружных локальных отношений:

3.3.1. Круговые локальные отношения, указывающие на место, ограниченное окружностью. Ср.:

- (60) Около къщата има градина.
 Кругом/вокруг дома сад.
 A ház körül kert van.
- (61) Обиколихме заедно къщата.

Мы обошли вместе дом (кругом дома, вокруг дома).

Körbejártuk együtt a házat.

(62) Тихо е наоколо.

Кругом/Вокруг всё тихо.

3.3.2. Обходные локальные отношения, указывающие на движение в обход локализатора. Ср.:

(63) По пътя те заобиколиха едно блато.

По пути они объехали болото.

Útközben megkerültük/kikerültük a mocsárt.

(64) Пътят е лош, ни икма обиколни пътища.

Дорога плохая, но объезды есть.

Az út rossz, de van kerülőút.

(65) Ловецът мина по обиколен път.

Охотник прошёл обходным путём.

A vadász kerülőúton ment.

(66) Ще изпреваря всеки с коня си.

Я на своём коне объеду каждого.

Mindenkit megelőzők a lovammal.

(67) Автомобилът задмина някакви конници.

Машина перегнала каких-то всадников.

Az autó megelőzött valamilyen lovasokat.

МЕТОДОЛОГИЧНИ ПРОБЛЕМИ НА ДИАХРОННАТА МОРФОЛОГИЯ

Габор Балаж

На пръв поглед може да звучи малко неочаквано, но славянската диахронна морфология вече има своя история. Вместо известната монотония, толкова дълго време господствувала в историческото езикознание, в наши дни се появяват все повече нови тенденции. Тяхната заслуга се появява, разбира се, преди всичко не в това, че те са нови, а в това, че отразяват този напредък, който е бил достигнат в езикознанието през последните десетилетия. Като една от лингвистичните дисциплини, сравнително-историческото езикознание не може да игнорира резултатите на съвременната лингвистика. Поради това, споменатите промени заслужават много повече внимание, от колкото им е било обърнато до сега. Именно тези промени ни дават основание, да говорим за история и в диахронната морфология.

Без да проследяваме изчерпателно процесите, които са протекли от времето на младограматиците, ще се спрем само на някои теории, според нас, особено важни за дадената област.

В сравнение с другите дисциплини на славистиката, историческата морфология винаги е имала своеобразно положение, за което академик Вл. Георгиев пише следното: "През последните десетилетия главните усилия на славистите бяха посочени към проблемите на синхронното проучване на славянските езици и в това отношение вече доста е направено. Има известни постижения и в проучванията относно диахронната фонетика и фонология. В областта на диахронната морфология (и морфонология) обаче все още няма съществен напредък" (Георгиев 1978:5).

Вследствие на такава ситуация все повече ставаше ясно, че традиционното тълкуване, основано главно на възгледите на

младограматизма, трябва да се замени от едно ново тълкуване, което използва резултатите на структурното езикознание. Понеже структурализмът в началото съществуваше само в рамките на синхронната лингвистика, преди всичко трябваше да се изясни от една страна отношението между синхронията и диахронията, а от друга страна – употребимостта на описателни принципи и методи за историческите изследвания. Преодолявайки дихотомията на Сосюр, Р. Якобсон посочва, че няма преграда между двата аспекта: структурният подход е еднакво важен из синхронията, и за диахронията. Той не само разработи теорията за приложението на резултатите на структурализма в диахронията, но и я използваше на практика, главно в историческата фонология (Якобсон 1929, 1931, 1953). Многобройни негови идеи, обаче, оказаха значително влияние и на представителите на структурната диахронна морфология, в това число на В. Барнет, Р.В. Мареш, Вл. Георгиев, В.К. Журавльов и др. Осъзнаването и изследването на тясната връзка между фонологията и морфологията доведоха до развитието на историческата морфонология, докато дисциплината, занимаваща се със взаимодействието на граматичната система и синтаксиса – до развоя на историческия синтаксис.

Следвайки наблюденията на Якобсон, в 1962 г. Йосип Хам издава една много важна от методологична гледна точка статия за историята на славянската флексия (Хам 1962). Той преглежда падежната флексия на старобългарския език, въз основа на т.н. синкретизми. Подробно анализирайки всички синкретизми на старобългарски, Хам не само представя системата на падежните опозиции, но и установява възможното им възникване и различни начини на тяхното изразяване. Споменатата работа е служела като отправна точка на известната теория за "ентропията" в славянската морфология (Хам 1966). Под "ентропия" Хам разбира превръщането на фонетични признаци в дистинктивни морфологични единици. Като пример той споменава въвеждането на съгласната *-m-* в падежната система, където тя е станала отличителен знак на за вин. пад. ед. ч., значи един звук, който в началото не е имал морфологично значение, е влизал в граматичната система. Освен вин. пад. ед. ч. обаче същата фонема (*-m*) постепенно се проявява

и в окончанията за род. пад. мн. ч., дат. пад. мн. ч., дат.-твор. пад. дв. ч., и дори в местоименното склонение. По такъв начин се създава една 'ентропична верига', която може да се съпровожда и от други фонетични промени. Правото на съществуване на понятието 'ентропия' Хам се опитва да докаже с някои проблематични случаи в славянското склонение. Неговата теория, и особено идеите, относно ентропията, заслужават по-нататъшен анализ, като несъмнено перспективен морфологичен метод в диахронията.

На V-ия международен конгрес на славистите в София в 1963 г. чешкият езиковед Ф.В. Мареш представя интересна работа за възникването и ранния развой на славянското склонение (Мареш 1963). Той, подобно на Хам, основава концепцията си върху теорията на падежни опозиции и синкретизми. Мареш смята, че падежите представляват кръстосването на две категории, а именно на *ptosis* и на *aspectus*. С помощта на тези морфологични категории може да се представи цялата система на опозиции и падежни синкретизми. Където такива синкретизми са възможни, там произлизат фонетични промени. Според Мареш, те съответствуват на един специфичен фонетичен закон, закона на съхраняването на моричната стойност в сричката. Това значи, че моричната стойност (т.е. дължината) на отделни компоненти в сричката може да се променя, докато количествената стойност на сричката, като цяло, си остава неизменна. Поради това, че вместо срички много по-правилно е да се говори за флексии и някои негови изводи и особено изключенията, възпрепятствуваха тази теория да стане популярна сред славистите. И все-пак, въпреки фонетичните ѝ недостатъци, работата на Мареш привлече вниманието на изследователите върху обстоятелството, че без структурния подход много явления в историята на славянската граматична система остават скрити. Той подчертава, че там, където фонетичните промени могат да доведат до нежелателна хомофония, произлиза модификация на морфологичната структура.

Характерът и механизмът на морфологичните закони е най-основателно и най-обширно описан от Вл. Георгиев в неговата монография "Основни проблеми на славянската диахронна морфология" (Георгиев 1969). Тази книга заема изтъкнатото място

сред работите, които бяха създадени на почвата на структурализма и са посветени на историята на славянската флексия. Понеже изследването на Вл. Георгиев е добре известно на специалистите, няма нужда да го представяме тук. Следователно, ще припомним само няколко идеи, които оказаха значително влияние върху развитието на диахронната морфология. Една от изходните теореми на дадения модел е следната: фонетичните закони в повечето случаи не обясняват морфологичните особености. Морфологичните закономерности могат да неутрализират действието на фонетичните закони, ако последните могат да предизвикат разстройството на системата. В иерархията на езиковата структура морфемите ('морфонемите') представляват по-висока категория, отколкото фонемите, които значение не носят. Предвид на това, че флексивните морфеми се състоят обикновено от малко фонemi, често се проявява омонимия, която може да бъде търпима или нетърпима. В последния случай разбираемостта на речта се застрашава, затова омонимията трябва да се отстранява чрез въвеждането на изосемни или контаминирани морфеми. Според Георгиев, причините на морфологичните промени могат да бъдат чисто морфологични, морфосинтактични или морфосемантични по характер. Следователно, в края сметка и равнището на синтаксиса, и сферата на семантиката могат да действуват на произлизането на морфологичните промени, в резултат на които славянските езици не са създали почти никакви свършено нови флексивни морфеми.*

Ще се отнася до въпроса на аналогията и на т.н. изгласни срички, от една страна, и до произхода на някои падежни флексии, от друга, усилията на Георгиев не се увенчаха с успех. Обаче грижливият теоретичен увод, прегледността и структуралното мислене означават важен напредък в посоката на създаването на теорията и практиката на съвременната диахронна морфология.

* Сумирането на теоретичните възгледи на Вл. Георгиев беше издадено през 1978 г. под заглавието "Принципи на славянската диахронна морфология" (Георгиев 1978).

Докато Вл. Георгиев търси преди всичко специфични морфологични закономерности за обяснението на граматичните промени, В.К. Журавльов се старее да посочи взаимоотношението на принципите и методите, които се приемат в диахронната фонология и тези, които могат да се приемат в диахронната морфология (Журавльов 1976а, 1976б, 1977). Идеите на съветския славист свидетелствуват за силното влияние на пражката лингвистична школа, което личи и по това, че за два основни постулата той взема системността и функционалността. Журавльов смята, че съвременната теория се основава на тези два постулата, и историческата морфология също трябва да изходи от тях. Развоят на отделни елементи в която и да е езикова система (или подсистема) се определя от промените в опозиционните отношения между тези елементи. Причините на езиковите промени трябва да се търсят главно в системата на езика, а не в адстратни или субстратни явления. Вътрешният развой на системата е резултат на постоянни взаимодействия, които се появяват между единиците на плана на израза и единиците на плана на съдържанието, а от друга страна – между парадигматичната и синтагматичната оси на езика. Единиците на плана на израза се намират във взаимоотношение с фонологичното ниво, докато единиците на плана на съдържанието – с нивото на синтаксиса. Журавльов установява следната обща закономерност за развой на граматичната система: на хоризонталната ос на парадигмите се наблюдава максимално унифициране, а на вертикалната ос – максимална диференциация. (Под хоризонталната ос се разбира единството на граматичните категории, а под вертикалната – формалните различия на дадена дума.) Развой на морфологичните опозиции Журавльов сумира по следния начин: отслабването на една опозиция води до укрепването на друга, и обратно. Както във фонологията, когато една опозиция чрез постепенна неутрализация показва конвергентна тенденция (т.е. тя се деморфологизира), тогава се появява и един нов дивергентен процес (морфологизация), и обратно.

В работите си Журавльов приема средствата и методите на съвременното структурно езикознание, включително и математични прийоми. Главната му заслуга е в това, че с прилагането на

резултатите на диахронната фонология той създаде една консистентна теория за диахронната морфология, приемлемостта на която той доказва и в практиката на съвременните славянски езици. Обаче този модел едва ли може да обясни явленията, които са станали в най-ранния период на славянската флексия.

В отличие от Журавльов, който подчертава взаимодействието на фонологичното и морфологичното равнища, българските слависти М. Деянова и Д. Станишева в своята книга изтъкват връзката между морфологията и синтаксиса (Деянова и Станишева 1976). Понеже сред диахронните студии има твърде малко работи, посветени на тази проблематика, дадената книга е особено ценна. Авторките изказват мнението, че и този аспект на историческата морфология трябва да се изследва в рамките на структурната диахрония. Целта на техния анализ е да се намерят стимулите, които предизвикват промените на морфологични системи, допиращи се до явленията на синтаксиса. Главните въпроси, които се възникват в течение на този анализ са следните: 1) синтагматичните и парадигматичните взаимодействия на езиковите елементи; 2) закономерностите на възникването, съществуването и прекратяването на опозициите. (Очевидно е сходството с току-що споменатите работи на Журавльов.) Относно първия въпрос Деянова и Станишева установяват, че синтагматичните отношения само създават условията за промените, в протичането на които определящата роля принадлежи на парадигматичните отношения. Основата на всички разгледани от тях промени авторките виждат в модификациите на опозиционните отношения, а именно в морфологизацията, деморфологизацията и реморфологизацията. Според Деянова и Станишева, техните изследвания подкрепват правилността на тезата, съгласно която езиковите промени могат да се оценяват само въз основа на промените, извършващи се в синхронните системи.

Макар че авторките докосват само някои определени проблеми на диахронната морфология, те доставят нови доказателства за успешната употребимост на структуралните методи, особено в по-късната история на славянските езици.

Ще припомним още една важна работа, която търси отговорите на историческите проблеми на морфологията също в областта на морфосинтаксиса. Става дума за монографията на Х. Шелезникер "Beiträge zur historischen Kasusentwicklung des Slavischen" (Шелезникер 1964).

Шелезникер е недоволен от старите обяснения за отделните падежни форми чрез хипотетични реконструкции и произволни фонетични предположения. Анализирайки старобългарските флексии на род. пад. ед. ч. *-ā* и *-jā* основи, род. пад. мн. ч., вин. пад. мн. ч. на *-у*, *-je/-ě* и няколко други явления в славянското склонение, той стига до заключението, че споменатите флексии са възникнали в резултат на функционалното преобразование на системата на падежите. Например, окончанието на род. пад. ед. ч. на *-а* авторът смята за старата флексия на локатив, въз основа на такива изрази като: дома, вьчера, оу гроба, оу отьца, на бога и др., в които наистина е очевидно локативното значение. Но въпреки това, че някои решения на Шелезникер действително могат да се приемат, при него все-пак липсва един общ модел, който би могъл да даде структурно обяснение за промените в склонитбената система като цяло.

Много силна връзка със съвременната лингвистика гарантира студията на У.С. Хемилтън, публикувана през 1974 г. в списанието *Linguistics* (Хемилтън 1974). В работата си авторът анализира 'дълбоки' и 'повърхностни' промени в структурата на славянските езици в рамките на генеративната лингвистика. Той се опитва да представи един модел, с помощта на който е възможно да се поразжат формите на повърхностната структура в днешните славянски езици от дълбоката структура на праславянското склонение. Като илюстрация Хемилтън използва деклинационните системи на съвременните чешки, полски, руски и сръбохърватски литературни езици. В центъра на вниманието му са т.н. синкретични образци ('syncpsats') на падежната система. Въз основа на данни от четирите езици авторът стига до заключението, че формата и субстанцията на отделните структурни компоненти макар че значително променили в съвременните славянски езици, то почти

съвършено са се съхранили типовете и количеството на компонентите, наследени от праславянските системи на ед. и мн. число. В своя експлицитно синхронен и генеративен анализ Хемилтън типологизира отделните дълбоки и повърхностни промени и споменава техните възможни функции и някои моменти на техния механизъм. Такъв подход несъмнено обещава още повече резултати на специалистите по диахронната морфология.

Освен споменатите статии и монографии има още една работа, която несъмнено заслужава много повече внимание, отколкото ѝ беше отделено. Става дума за статията на Лорънс Файнбърг, публикувана във втори том на списанието *Folia Slavica* (Файнбърг 1978). Цитираната работа не може да се смята за общеизвестна, но идеите, изложени в нея, са много интересни и оригинални, и затова си струва да се спрем малко и върху нея.

Позовавайки се на Якобсон и Андерсен, Файнбърг заявява, че разликите в тембъра, съпровождащи опозицията на праславянските дълги и кратки гласни стават отличителни чак в навечерието на историческия период. А отпадането на съгласни в крайните срички зависи от тяхната сонорност: преградните съгласни са загубени преди пропускните, а пропускните – преди сонорните. Елиминирането на крайния *-N* е, по всяка вероятност, последното в поредицата от изменения. Въз основа на тези принципи той критично разглежда предложените в литературата решения за старобългарските окончания за им. и вин. пад. ед. ч. *-ǫ* основи. Във втората част на статията си авторът разглежда промяната *o > u* в рамките на цялата именна парадигма при *-ǫ* и *-ǫ̃* основи, и установява, че е много важно да се види, че вътре в този морфологичен модел аналогията между *-ǫ* и *-ǫ̃* основи е невъзможна, тъй като славянското склонение се основавало на тематичен принцип. Съвпадането на някои окончания в двете парадигми трябва да се приема като повърхностно явление. При *-ǫ̃* основите звукът *-u* представлява основната форма на тематичната гласна, която може да се редува с *-oi*, а при местоименията и *-ǫ* основите *-u* е само вариант на морфемата *-o*. Случайното съвпадение става структурна идентичност само след преосмислянето на границата между корен

и флексия. С предположението, че тематичните гласни са запазили своята идентичност почти до края на славянската праистория, Файнбърг дава ново обяснение и за окончанието [-y/-e] – род. пад. ед. ч. и вин. пад. мн. ч. -*ǫ*- основи.

Макар че американският славист се занимава само с окончанията и склонитбената система на съществителните от -*ǫ*- и -*ǫ*- основи, неговият морфологичен модел – както опитахме да докажем на V-ия Колоквиум по старобългаристика – може да хвърли светлина върху историята на славянските флексии и в по-широка перспектива.

Разбира се, в тази работа не може да се занимаваме с всичките работи, които са написани в последното време в областта на диахронната морфология. Представихме само няколко от тях, с убеждението, че заслужават това и с надеждата, че в бъдеще ще им бъде оказано достойно внимание.

ЛИТЕРАТУРА

- Георгиев, Вл.И.
 1969 *Основни проблеми на славянската диахронна морфология* (София: БАН).
 1978 "Принципи на славянската диахронна морфология," *Славянска филология* XV, 5–16.
- Якобсон, Р.
 1929 *Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves* (= *TCLP2*)(= *Selected Writings. I.: Phonological Studies*, 1962, The Hague: Mouton, 7–116).
 1931 "Principes de phonologie historique," (= *TCLP 4*)(= *Selected Writings. I.*, 202–220).
 1953 "Patterns in Linguistics. Contribution to Debates with Anthropologists," (= *Selected Writings II.: Word and Language*, 223–228).
- Хам, Й.
 1962 "Iz prošlosti slavenske fleksije," *Slavica Pragensia* IV, 157–169.
 1966 "Entropy in Slavic Morphology," *IJSLP* 10, 39–51.

Mareš, F.V.

1963

"Vznik a raný vývoj slovanské deklinace," *Československé přednášky pro V. Mezinárodní sjezd slavistů v Sofii*, B. Havránek, ed. (Prague: Nakl. ČSAV), 51–69.

Журавльов, В.К.

1976a

"Введение в диахроническую морфологию," *Linguistique Balkanique/ Балканско езикознание* 19.2, 49–71.

1976b

"Введение в диахроническую морфологию," *Linguistique Balkanique/ Балканско езикознание* 19.3, 23–47.

1977

"Die Dynamik baltoslavischer morphologischer Oppositionen," *Indogermanische Forschungen* 82, 191–225.

Деянова, М. & Станишева, Д.

1976

"Изменения на морфологическом уровне, обусловленные явлениями синтаксиса," (= *Славянско езикознание* 1, София: БАН).

Schelesniker, H.

1964

Beiträge zur historischen Kasusentwicklung des Slavischen (Graz--Vienna: Böhlau Nachf.).

Hamilton, Jr., W.S.

1974

"Deep and Surface Changes in Four Slavic Noun Systems," *Linguistics* 127, 27–73.

Feinberg, L.E.

1978

"Thematic Vowel Alternation in Common Slavic Declension," *Folia Slavica* 2, 107–121.

**ДУБЛЕТЫ ЧРѢВО – ЖТРОБА
В ПРЯМОМ И ПЕРЕНОСНОМ ЗНАЧЕНИЯХ
В ПАМЯТНИКАХ РУССКОЙ РЕДАКЦИИ
ДРЕВНЕБОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА XI–XII ВВ.**

Еден Хоргоши

Уже первый исследователь лексики церковных книг Й. Добровский живо интересовался словарными соответствиями старославянских текстов, его интересовали и лексические варианты изученных им памятников. Из этих вариантов в дальнейшем исследователи как древнеболгарской, так и древнерусской лексики особое внимание обращали на так называемые дублеты, на лексические пары слов, на синонимы, передающие одно и то же греческое слово, и пытались найти то слово, которое можно считать первичным из них, то слово, которое употребляли первые переводчики. Например, А.С. Львов, исследователь последнего времени, посвятил этой теме даже целую монографию под заглавием "Очерки по лексике памятников старославянской письменности" (Москва, 1966). Он рассматривает такие слова-дублеты, как пастухъ – пастырь, часъ – година, храмъ – домъ, ложе – одръ и мн. др., в том числе и выбранный нами дублет: чрѣво – жтроба. В названной монографии А.С. Львов анализирует 52 такие пары. Интересующий нас дублет находится в указанном сочинении на с. 272.

Сегедские исследователи изучали 11 памятников русской редакции древнеболгарского языка, в которых также наблюдаются некоторые из вышеперечисленных дублетов. Наши наблюдения по этим памятникам вносят ценный вклад в эту проблематику лексики. Дублеты чрѣво – жтроба по памятникам русской редакции древнеболгарского языка употребляются как в прямом, так и в переносном значениях.

Слово *чрѣво* в 11-и памятниках употребляется 9 раз, обозначая 'живот', 'брюхо', 'органы человеческого тела', и прежде всего – 'женскую утробу': *бисть срѣце моею ѿко воскъ | таю по срѣ чрѣва моего БПс 5а20, Ищрева прѣка показавъшася бѣина МД 15 об2, ищрѣва его потек[оуть во]ды живы: ЛВ 1 об4, въ чревѣ РЕ 4в17, 4в18, прѣже | даже не зачатъса въ чревѣ РЕ 5г10, 9а4–5, дондеже чрѣва | има хотѣхъ испасти | на землю. ЖК 2в8.*

Слово *жтроба* употребляется всего два раза, обозначая 'внутренние органы', 'желудок' и, конечно, и 'женскую (материнскую) утробу', например: *ѿ оубоаса || жтроба моя: сирѣчь | дѣна моею съвѣсть ЕПс 17в1, отъ оутробы мѣре моею Бѣ мои юси ты. БПс 5а10 (Пс 21, 11).* В большинстве случаев в широком смысле оба слова можно толковать как 'вместилище'. Здесь в нашем коротком анализе мы намерены остановиться на тех редких случаях, когда эти слова употребляются в переносном значении или без сомнения обозначают определенные части человеческого тела как "внутренности". Ими очень подробно занимается Ягич, когда излагает следующее мнение: (они) уже в старших текстах употребляются друг возле друга, однако в них определенно преобладает *чрѣво*, которое в *Мар* встречается 12 раз, а *жтроба* – только 2 раза (Лук. I, 42, 44). Это преобладание первого слова подтверждают и наши данные. В дальнейшем цитата продолжается так: "Полагаю, что *чрѣво* является первоначальным, а слово *жтроба*, хоть оно встречается уже в старших текстах, получено из вторых рук (Ягич, ук. соч. с. 421 – русский перевод по А.С. Львову, ук. соч. с. 272). Они употребляются как синонимы. Но, вот, в Житии Кондрата (памятник описывает Имре Тот) читаем следующее: *толикою повелѣ стрѣгати но | гты. дондеже чрѣва има хотѣхъ испасти | на землю. ЖК 2в8.* Это же место в Супральской рукописи выглядит так: *дондеже чрѣва начѣнжтъ хѣтѣти ѿвалитиса на земьж.* (ук. соч. с. 114). Здесь слово *чрѣво* не обозначает вообще "внутренности", не 'материнскую утробу', а 'желудок', точнее, 'кишки' (см. Львов, ук. соч. с. 276 – автор, однако, не цитирует

Житие Кондрата). В Бычковской псалтыри имеется следующее место: бисть срѣце мое ѡко воскъ тае по срѣ чрѣва моего БПс 5а20. Здесь, т.е. в Пс 21,15 чрѣво употреблено в неопределенном значении 'внутренности вообще' (этот пример цитирует и А.С. Львов без обозначения памятника, указывая только на его место в Псалтыри – ук. соч. с. 274).

Мы наблюдали, что слово жтроба в переносном значении обозначает не только внутреннюю часть чего-нибудь вообще. В Евгеньевской псалтыри, например, читаем следующее: ѡ оубоѡ са || жтроба моѡ. сирѣчь | дѣла моѡѡ съвѣсть ЕПс 17в1. Здесь слово жтроба обозначает не вообще "внутренность", не конкретную часть человека в известных уже значениях, а обозначает 'сердце'. На это возможное толкование обращает наше внимание и В.В. Колесов, занимавшийся подробным описанием ЕПс. Этот наш пример присоединяется к тому кругу значения слова, когда жтроба обозначает даже и 'душевное состояние' (см. примеры А.С. Львова, ук. соч. с. 275). Также И.И. Срезневский (III. 1315) по другим памятникам приводит примеры на значение 'сердце'.

И еще одно, последнее замечание: в связи с перечисленными словами вместо термина *дублеты* лучше было бы употреблять название *синонимы*, или *синонимический ряд*, потому что часто наряду с дублетами-парами слов наблюдаются три, даже четыре слова. Вот, например, по нашим памятникам наблюдается не только ряд *живот-жизнь-житие*, но по Епс к этому ряду надо присоединить и старое существительное с основой на -і *жить* (об этом подробнее см. Колесов, ук. соч. с. 68). Таким же образом к нашему дублету *чрѣво - жтроба* согласно нашим данным относится и слово *ложесно*; в наших рукописях слово *ложесно* употребляется 4 раза, как и в тексте Евангелия, так и в Псалтыри: †ано въ законе гѣи | ако въсаѣ младенець | моужьска полоу. разврѣ | заѡ ложесна. сѣо гѣи наречетьсѡ. РЕ 5г19, 14г7, къ тебе привържень есмь из ложеснѣ- БПс 5а9, играѡ же въ ложеснѣхъ мѣрнихъ. МД 15 об10. Последний наш пример мы находим в таком же употребле-

нии и у А.С. Львова: къ тебѣ прѣврѣженъ есмъ из ложеснѣ: отъ (р)жтробы матері моѣ бѣ моі есі ты (XXI, 11), без указания местонахождения (Львов, ук. соч. 274). Как мы наблюдали, слово ложесно несомненно обозначает только 'женскую утробу' (об этом см. еще словарь М. Фасмера).

ИСТОЧНИКИ

- ЕПс: Евгениевская псалтырь (изд. В.В. Колесовым в *Dissertationes Slavicae* VIII, Szeged, 1972.)
 БПс: Бычковская псалтырь (изд. Имре Х.Тотом в *Dissertationes Slavicae* VIII, Szeged, 1972.)
 РЕ: Реймское евангелие (по фотокопиям)
 МД: Миней Дубровского (изд. Имре Х.Тотом в *Dissertationes Slavicae* XVII, Szeged, 1985.)
 ЛВ: Листок Викторова (изд. Имре Х.Тотом в *Studia Slavica Hung.* XXIII, Budapest, 1977.)
 ЖК: Житие Кондрата (изд. Имре Х.Тотом в *Studia Slavica Hung.* XXI, Budapest, 1975.)

ЛИТЕРАТУРА

- Ангел Давидов, Речник-индекс на Презвитер Козма. София, 1976.
 Л.П. Жуковская, Реймское евангелие. История его изучения и текст. Предварительные публикации, вып. 114. М., 1978.
 А.С. Львов, Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966.
 Н.Г. Михайловская, Некоторые вопросы лексико-семантической вариантности. Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М., 1969.
 И.И. Срезневский, Маретналы для Словаря древнерусского языка. Санктпетербург, 1903.
 Супралски или Ретков сборник 1. София, 1982.
 М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка I-IV. М., 1964-1973.
 Р.М. Цейтлин, Лексика древнеболгарских рукописей XI-XII. София, 1986.
 V. Jagić, Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913.
 L. Sadnik und R. Aizetmüller, Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.

СРЕДНЕБОЛГАРСКИЕ ЧЕРТЫ В ОРФОГРАФИИ СЕГЕДСКОЙ МИНЕИ

Михай Кочиш

Целью настоящей работы является выяснение некоторых особенностей орфографической системы, а именно закономерностей употребления букв, передающих одинаковые звуки, характерной для Сегедской минеи (в дальнейшем: СМ), рукописи XVI-XVII в.¹ При этом особое внимание будет уделено считающимся по происхождению среднеболгарским явлениям правописания. Для анализа нами выбрано чтение на 25 мая с лл. 276б-282б. В этот день отмечается "третье обретение честных главы святаго славнаго пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна".²

В СМ применяются оба юса. Вместо этимологически правильного юса малого часто выступают буквы **ѧ** или **ѧ** (и наоборот), а на месте юса большого – **оу** или **ю** (и наоборот): **чада** 277б, **оублѣжати** 277б, **ѧзыци** 277б и др.; **сѣщеннаѧ** 276б и **твоѧ** 276б (обе формы – им.п. ед.ч. ж.р.), **покланѧющеса** 277а и др.; **нескѣноу** (вин.п. ед.ч. ж.р.) 276б, **истачающеи** 276б, **въроу** 276б и др.; **показжетсѧ** 276б, **сѣщенникѣ** (дат.п. ед.ч.) 276б, **разжмѣѣ** 278а и др. Кроме этого, юсы смешиваются и между собой (об этом подробнее см. ниже).

Исходя из всего этого, мы будем заниматься следующими вопросами, касающимися орфографической системы СМ: закономерностями в употреблении 1) букв **ѧ**, **ѧ** и **ѧ**; 2) букв **оу**, **ю** и **ѣ**; 3) букв **ѣ** и **ѣ**; 4) букв **е** и **ѣ**; 5) букв **о** и **ѣ**; 6) букв **и**, **ѣ** и **ѣ**; 7) букв **з** и **ѣ**. Нами будет затронута также проблематика смешения юсов.

1. Употребление букв а, ѡ и ѡ

а) В начале слова общеупотребительным кажется написание буквы ѡ: ѡко 276б, ѡзыци 277б, ѡдрь 279а, ѡвленноу 279б, ѡ 282б и др. – всего 74 раз. Начальная а наблюдается лишь в некоторых словах, но в них она выступает последовательно: аггѡ 277б, аггѡ 278б, 281б, аггѡ 282а и т.д.; азъ 277а(2х), 277б(5х), 279а; аще 277а, 278а, 278б; агнець 279а, агньца 281б(2х), 282б; а также: аплѡ 277а, антѡ 279а и адѡ 281а – всего 25 раз. Буква ѡ в подобной позиции нами не обнаружена.

б) После букв гласных пишется то а, то ѡ: ѡѡанне 276б, вѡѡавши 276б, бѡхранимаа 277а и др.; вѡрныѡ 276б, сѡценнаѡ 276б, прѡать 277а и др. Буква ѡ в подобной позиции встречается 1 раз после приставки, а 2 раза – в сложных словах: оуѡяснилъ 282а, свѡѡѡавленно 280а, свѡѡѡавленное 282б.

в) После букв не исконно мягких согласных ѡ не обнаружена нами, а написание букв а и ѡ отражает этимологию обозначаемых ими звуков: главы 276б, пѡ 276б, тѡлеса 276б и др.; видащи 276б, та 276б, ма 282а и др. (Мы читаем без каких-либо исключений букву ѡ также в частице са и в слове вѡсак-: вѡсакж 279а, вѡсакоу 280а, вѡсакъ 281б и др.) Отклонения от этой нормы вызваны смешением юсов, явлением, отражению которого будет посвящен отдельный подраздел.

г) После букв ж, жд, щ, ц, ч, ш буквы а, ѡ и ѡ пишутся по следующим нормам:

Вслед за буквой ж выступает, как правило, а: оубѡжаемъ 276б, мжжа 277б, оужасни 278а, лежа 279б, слоужащж 282а и др. – всего 14 раз. Единственное исключение представляет собой форма стажа 279а.

За жд следует только буква а, однако, в малом количестве примеров: оутврѡжащи 276б и ражащиѡ 277б.

После щ наблюдается закономерное написание буквы а: потѡщавса 276б, клѡноуцааса 277б, сѡсаюцаго 278б, неистоцаема 280а, пощади 282а и др. – всего 29 раз.

Буква а читается также после ц: конца 279а, слѡнца 280а, трѡца (род.п. ед.ч.) 281б, срѡца 282а, агньца 282б и др. – всего 13 раз.

За буквой ч следует иногда а, но большей частью мы встречаем а: прѣтча (вин.п. ед.ч.) 278а, прѣтча (им.п. ед.ч.) 279а, прѣтча (род.п. ед.ч.) 280а, начати 281а – всего 4 раза; прѣтча (род.п. ед.ч.) 276б, истачающи 276б, чада 277б, вѣнчати 281а, пастырона-чалникоу 282а и др. – всего 13 раз. По перечисленным примерам видно, с одной стороны, что написание а или а происходило не по правильным во время существования в языке обоих носовых гласных формам (прѣтча читается и в им.п., и в род.п. ед.ч., к тому же в этом последнем падеже налицо также форма прѣтча), а, с другой стороны, что проблематика употребления а или а осложняется влиянием смешивания юсов (см. форму прѣтча в вин.п. ед.ч.).

После ш встречается только буква а: оуслышано 277а, пожившаго 280б, джша (вин.п. мн.ч.) 280б, оукрашаема 282а, бывша 282б и др. – всего 27 раз.

Вслед за ж, жд, щ, ц, ч, ш буква я нами не обнаружена.

д) После л, н и р, стоящих на месте исконно мягких согласных, ни а, ни я не читаются, а употребляется буква а: земля (им.п. ед.ч.) 277а, пола (род.п. ед.ч.) 277а, крѣла (род.п. ед.ч.) 280б, явлае 281б, въземлащаго 281б и др. – всего 15 раз; покланяющеса 277а, поустыня (вин.п. мн.ч.) 277а, соломона (род.п. ед.ч. ж.р.) 277б, измѣнаема 279а, гѣа (род.п. ед.ч. ср.р.) 281а и др. – всего 9 раз; сътвори (1 л. ед.ч. буд.вр.) 277а, 277б, зара (вин.п. мн.ч.) 278б, цѣа (род.п. ед.ч.) 281б – всего 4 раза. В подобной позиции нередко выступает не а, а ѣ: крѣлѣ 279б и крѣстителѣ 282б (обе формы – род.п. ед.ч.), явлѣса 280а, землѣ (им.п. ед.ч.) 282а; послѣднѣго 278а, покланѣжще 279а, 280а, покланѣше 281б, прѣвыспрѣнѣа (им.п.) 282б; съматрѣж 277б, въдварѣжса 279а, затворѣе 279б, прѣварѣе 280а – всего 13 раз.

2. Употребление букв оу, ю и ж

а) В начале слова пишется всегда оу: оубѣжаемъ 276б, оуѣчена 277а, оубо 277б, оутро 279а, оуже 280а и др.

б) После букв гласных читаются и ю, и ж: истачающи 276б, вѣроу 276б, вѣпѣющаго 277а и др.; ошѣжще 276б, блѣтѣж 276б, тобож 277а и др.

в) После букв *не* исконно мягких согласных в одинаковой мере употребляются *оу* и *ж*: *моу* 276б, *поустыни* 277а, *на гороу* 277а и др.; *лжчъ* 276б, *ржкы* 277а, *сиѡнж* (дат.п. ед.ч.) 277а и др.

г) После букв *ж*, *жд*, *щ*, *ц*, *ч*, *ш* буквы *оу*, *ю* и *ж* встречаются следующим образом:

Вслед за *ж* и *жд* налицо только буква *ж*: *лѣжж* 277б, *поражж* 277б – всего 2 раза; *жажѣщжа* 277а, *въжажѣтса* 277а – всего 2 раза.

За буквой *щ* следует, как правило, *ж*: *жажѣщжа* 277а, *ѡбращж* 277б, *възвѣщж* 278а, *желащж* 281а и *слоужащж* 282а (обе формы – дат.п. ед.ч. м.р.) и др. – всего 7 раз. Слово *възрацоу* 279а, в котором после *щ* выступает *оу*, представляет собой единственное в этом отношении исключение.

Вслед за *ц* мы читаем и *ю*, и *ж*: *ѡцю* 279б, *творцю* 279б, 281б, *бѣоноско* 280б – всего 4 раза (и все – формы дат.п. ед.ч.); *трѣж* (правильно: род.п. ед.ч., но, под влиянием предыдущего слова, может и вин.п. ед.ч.) 279б, *бѣж* (вин.п. ед.ч.) 279б, 280б, 281б – всего 4 раза.

После *ч* выступает только *ю*, но все примеры относятся к одному и тому же корню: *чюдо* 276б, *чюдодѣанїи* 278б, *досточюдне* 280а и др. – всего 8 раз.

За *ш* следует, за одним исключением, буква *ж*: *дѣшж* 276б, *познавшжа* 279б, *чапшж* 281б, *рожышжа* 282б, *дѣшѣ* (дат.п. мн.ч.) 282б – всего 5 раз. В форме *дѣю* 280а мы видим сочетание букв *шю*.

д) После *л*, *н* и *р*, стоящих на месте исконно мягких согласных, читается лишь буква *ю*: *прѣлюбодѣиствьныа* 278а, *любовїю* 279б, *крѣлю* (зв. форма) 280а, *избавителю* (дат.п. ед.ч.) 281б, *люди* 282а и др. – всего 23 раз; имея в виду историю своего возникновения, мы сюда же относим и вторичную форму *дню* (род.п. ед.ч.) 277а, 278б, 279б, 282б – всего 4 раза; *црю* (дат.п. ед.ч.) 280б и *црю* (зв. форма) 281б, *пастырю* (дат.п. ед.ч.) 281а – всего 3 раза.

3. В рукописи писцом употреблены буквы и ѣ, и ъ.

Буква ѣ пишется, как правило, в приставках и префиксах въ-, въз- (въс-), съ- и в предлогах въ, къ, съ: въсѣа 277а, възнеси 277а, съкоупленіе 277а, въ поустыни 277а, къ ва̃ 277б, съ веселіемъ 281б и др., а также в корне местоимений въс-: въси 277а, 277б, 278б и т.д., въсѣга̃ 277а, 281а, въседръжитель 277б(4х), въсачьскомоу 281б, въсакъ 281б и др. Кроме этого, мы читаем ѣ и в некоторых других корнях: потыщавса 276б, тыплѣ 276б, лѣжж 277б, стѣсь 278а, тѣмоу 281а и др. – всего 21 раз. Несколько раз мы находим ѣ и в суффиксах: бѣтъвное (так!) 276б, бѣтъвными 280б, свѣтъства 281а и др. – всего 9 раз.

Характерной для орфографии, наблюдаемой в СМ, чертой является последовательное написание сочетаний букв рѣ и лѣ. Подобные сочетания букв встречаются:

а) на месте праславянских *trьt, *tьlt, *tьrt, *tьlt: трѣствоужце 276б, растрѣгни 277б, ѡскрѣблѣши 278а, почрѣпаѣ 276б, сътрѣпить 277б, прѣвѣ 279а, длѣжно 279б, наплѣнь 281б и др. – всего 44 раз;

б) на месте праславянских *trь, *tь, *trь, *tь: клѣноущаа 277б, крѣви 281а, плѣти 281б, крѣстителѣ 282б и др., а также прѣвыспрѣнѣа 282б – всего 9 раз;

в) на месте звуко сочетаний or, ol: грѣнихъ 280б и грѣкоуж 280б, млѣбами 282а и млѣбж 282б – всего 4 раза;

г) в отдельных, отчасти уже упомянутых выше, словах (в корнях и суффиксах): лѣжж 277б, лѣжа 280б и нелѣжными 281а, лѣсти 281а, свѣтъства 281а – всего 5 раз.

(Здесь же заметим, что сочетания букв рѣ и лѣ в положении не в конце слова встречаются лишь в формах мыслѣно 278б, сребрѣнѣ 280а и сребрѣны 281б, в которых ѣ является составной частью суффикса -ѣн, а также в формах, производных от причастной основы ѣвль- – всего 7 раз.)

В конце слова, не принимая во внимание предлогов въ, къ, съ, буква ѣ наблюдается редко: бѣ̃ 277а(3х), 277б(2х), 282а, формы род.п. мн.ч. злѣ̃ (= зълѣ̃) 280б и ѡцѣ̃ 281а(3х), союз ибѣ̃ (= ибо) 281а – всего 11 раз.

Буква **ь** выступает преимущественно в конце слова, где ее употребление можно считать закономерным: бл^жень 276б, оубл^жаемь 276б, бо^кь 278б, чр^ѣсль 278б, бывь 281б и др. Часто мы находим **ь** в суффиксе -**ьн**: б^жествное 278б, св^ѣщ^никъ 279а, сребр^ны 281б – всего 20 раз; также в формах причастия прошлого времени действительного залога от глаголов с основой на -**и**: ро^жьши 280б, оутвр^ѣж^ѣши 282б, явл^ѣши 282б и др. – всего 12 раз. 9 раз **ь** встречается в других суффиксах и окончаниях: дв^ѣство 281а, в^ѣсач^ѣскомоу 281б, п^ѣсн^ѣми 281б и др.

4. Наряду с буквой **е** (ее начертание в рукописи: **є**) в СМ читается и буква **ѣ** (ее начертание в рукописи: **ѣ**). Буква **ѣ** находится в первую очередь, в начале слова, где она выступает вместе с **е**: **ѣ** 277а, 278а, 278б и т.д., еже 277б, **ѣ**дина 279а и др.; **ѣ**го 277а(3х), 277б(2х) и т.д., **ѣ**гоже 278а, **ѣ**си 278б и др. **ѣ**е в начале слова **ѣ** наблюдается лишь в формах ч^ѣт^ѣе 277б, ч^ѣт^ѣеніе 277б и в^ѣзываетъ 279а.

5. Буква **о** в начале слова пишется редко: ос^ѣща^ѣще 276б, о бра^ѣцъ 278а, обр^ѣт^ѣеніе 281а и др. – всего 11 раз; вместо нее, как правило, выступает **ѡ**: ѡбр^ѣт^ѣеніе 276б, ѡставла 277а, ѡбла^ѣци 277а и т.д. Буква **ѡ** не в начале слова употреблена также широко, к тому же не только в словах иноязычного происхождения: явл^ѣеннѡ(наречие) 276б, вѡда 277б, ѡванне 278б, п^ѡ(= пость) 278б, грѣхѡ (тв.п. ед.ч.) 279а и др. – всего 24 раз.

6. Вместо буквы **и** мы находим **ї** в тех случаях, в которых за ней следуют буквы гласных: помышлен^їа 276б, бл^їт^їж 276б, явл^їеніе 276б и др. Исключение представляют собой лишь формы сиѡн^ж 277а, полиелеѡ 278б, илиино^ж 280а – всего 3 раза, в которых перед буквами гласных выступает **и**. Буква **і** встречается, как правило, в иноязычных словах: іванне 276б, іса^іна 277а, іакова 277а, іл^ію 277б, іко 281а и др., в союзе **і** 277а, 278б, 279а(2х) и т.д. – в инструкциях для священника, а также в форме црт^івоужщи 279б – всего 32 раз.

После к, г, х мы читаем только букву ы, а не и: ржкы 277а, рѣкы 277а, погыбѣли 278а, многыа 280а, грѣхы 280а и др. – всего 21 раз.

7. Вместо общеупотребительной з выступает довольно часто буква s: стъсж 277а, мносѣ 278а, сквосѣ 278а, просабль 279б, симоу 280б и др. – всего 10 раз.

8. Смешение юсов в тексте СМ проявляется в следующем виде:

а) Буква ж на месте этимологических *е* и *је*: дѣшж 276б и стъсж 277а (обе формы – вин.п. мн.ч.), твоеж 276б и сеж 281б (обе формы – род.п. ед.ч. ж.р.), блѣговѣствоуж 277а и въдварѣжса 279а (обе формы – им.п. ед.ч. м.р. прич. наст.вр. действ.зал.) – всего 6 раз.

б) Буква ж на месте этимологического *а*: дѣшж (дат.п. мн.ч.) 282б.

в) Буква л на месте этимологических *о* и *јо*: прѣмлаще 277а, земля (вин.п. ед.ч.) 277а, измѣнаса (1 л. ед.ч. буд.вр.) 277б, чѣнжа 279б и прчѣоуа 281б (обе формы – вин.п. ед.ч. ж.р.) и др. – всего 25 раз.

г) Буква а на месте этимологического *о*: азъ оусдыша 277а и азъ посла 277б (обе формы – 1 л. ед.ч. буд.вр.), истающа 280а, ѡгонаща 280а, принесшаа 280б, явльшаса 282б (все 4 формы – вин.п. ед.ч. ж.р.), лѣжа (вин.п. ед.ч.) 280б – всего 7 раз.

Кроме перечисленных примеров существуют и формы, которые мы считаем сомнительными, возникшими, по всей вероятности, либо под влиянием соседнего слова, либо в результате неточного понимания писцом текста (см. напр. форму молащжа 282б, которая должна быть им.п. мн.ч. м.р.). Подобные примеры остались вне нашего внимания.

Наши наблюдения подытоживаются следующим образом:

Текст выбранного для орфографического анализа чтения изобилует среднеболгарскими особенностями. Из среднеболгарских правописных черт, перечисленных Е.Ф. Карским в своей настольной палеографии, в СМ мы наблюдаем а) смешение юсов, б) смешение букв ѣ и ъ с преобладающим употреблением ъ, в) смешение а и ж, г) отсутствие ј между двумя гласными (см. приведенные нами примеры с а после букв гласных).³

Характеризуя евфимиевскую орфографию, В.Н. Щепкин выделяет, между прочим, написание окончания -жа на месте древнего -жж (см. нашу форму вин.п. ед.ч. ж.р. чѣнѣж 279б), последовательное выступление буквы ъ в конце самостоятельных слов и употребление з.⁴ Сюда же относится и закономерное написание сочетаний букв рѣ и лѣ.

Смещение юсов в СМ проявляется не только в употреблении этих букв друг вместо друга, но и в нередком написании а на месте древнего ж и ѣж. Подобные случаи могут свидетельствовать о сходном произнесении а и звука на месте этимологического носового заднего ряда.⁵ Это предположение подкрепляется и наличием формы дѣѣж (дат.п. мн.ч.) 282б, в которой наблюдается обратное явление: буква ж на месте этимологического а. Однако, нельзя забывать и о том, что в наших примерах с буквами а на месте ѣ, за одним исключением, а стоит после ж, щ или ш, т.е. букв, за которыми, как правило, следует буква а, а не ѣ – независимо от происхождения обозначаемого ею звука. Таким образом, написание в подобных случаях буквы а можно считать также следствием одновременного отражения смешения юсов и правописного правила в употреблении букв а, ѣ и ѣ.

По всему этому, мы пришли к выводу, что изучение явления смешения юсов неотделимо от детального орфографического анализа любой рукописи.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Сегедской минеей (СМ) мы называем церковнославянскую рукопись, хранящуюся в Центральной библиотеке Университета им. Аттилы Йожефа в г. Сегед под шифром Ms. № 1. С лингвистической точки зрения СМ является неизвестным языковым памятником, ибо публикаций о ее содержании и языке пока не появилось. На V Международных днях славистики, прошедших в г. Сомбатхей (Венгрия) в мае 1994 г., автор данной статьи занимался историей изучения СМ и ее фонетическим характером. Отмечалось, что в сегедской университетской библиотеке существует предварительное палеографическое описание СМ и, что несколько лет тому назад проф. сегедского университета Имре Х.Тот прочитал доклад о ее графико-орфографической системе, но оба документа остались пока не опубликованными. Тезисы нашего же доклада, текст которого будет входить в сборник под предварительным названием *Nemzetközi szlavisztikai napok V.* (г. Сомбатхей, время вероятного появления: не позднее 1995 г.) подытоживаются в следующем:

СМ представляет собой праздничную минею, чтения которой следуют с 1 октября по 31 августа. Она состоит из 362 листов. Судя по водяному знаку, текст написан на бумаге от 1557 г. Письмо СМ – каллиграфический полуустав, большинство листов списано одним и тем же писцом. Названные в СМ святые указывают на восточнославянский, а именно украинский культурный ареал. Это предположение подтверждается и приписками на полях рукописи, по которым место использования СМ – северо-восточная часть исторической Венгрии. Восточнославянизмы обнаружены также при фонетическом описании СМ. Однако, по употреблению некоторых букв, Имре Х.Тотом подчеркивается южнославянский характер графико-орфографической системы рукописи.

² Минел. Май. О. Часть третья. М., 1987. С. 120.

³ Е.Ф. Карский: Славянская кирилловская палеография. Ленинград, 1928. (Переизд.: М., 1979.) С. 316–317.

⁴ В.Н. Щепкин: Русская палеография. М., 1967. С. 129.

⁵ Кирил Мирчев: Историческа граматика на българския език. София, 1978. С. 112.

БЪЛГАРИСТИКАТА В СЕГЕДСКИЯ УНИВЕРСИТЕТ

Имре Х.Тот

Днес празнуваме десет години от изучаването на български език в Катедрата по руска филология, т.е. в Катедрата по славянски филологии в Сегедския университет "Атила Йожеф".

Целта на моето кратко съобщение е да направя обзор на изучаването и проучването на българския език и литература в нашия университет.

I. В началото трябва да се спра на някои моменти от "външната" история на българистиката в нашия университет. След това ще премина на въпросите от нейната "вътрешна" история. Трябва да подчертая, че изучаването на така наречения "староцърковнославянски" или "старославянски" език представлява органична част от българистиката, тъй като този език има основно значение за изучаването на всички славянски езици. Затова аз гледам на староцърковнославянския език като на неотделима част от българистичните занимания и ще започна моя обзор с преглед на старобългарския език в нашия университет.

Не е точно известен фактът, че в Сегед началото на славистиката е сложено през четиридесетте години. От преподавателите през този период споменаваме дейността на *Агоштон Павел* и *Ласло Хадрович*.

Основателят на научната славистика в Унгария Агоштон Павел е защитил своя хабилитационен труд из областта на южнославянско-унгарските връзки на 12 април 1941 година в нашия университет. Павел, който е бил известен представител на школата на Ашбот е бил добре осведомен по въпросите на старобългарския език. Този факт е добре отразен в неговата монография, посветена на словенските диалекти в околностите на

Вашхидегкут. За неговия интерес към българската литература свидетелствува кратката му поетична и съдържателна статия за Елин Пелин.

Академик Ласло Хадрович, който тогава е бил приват-доцент в университета "Петер Пазмани" в Будапеща е преподавател в нашия университет от 12 декември 1942 година. Ласло Хадрович е чел лекции не само по сърбохърватска литература, но е въвел и изучаването на старобългарския език като базова дисциплина за цялата славистика.

През втория семестър на 1942–43 учебна година той обявява лекции за произхода и изворите на "староцърковнославянския" език. През този семестър Хадрович чете курса "Южнославянските народи и езици", в който говори и за българския народ и неговия език. През първия семестър на 1943–44 година той чете фонетика на "староцърковнославянския" език, а през втория семестър обявява лекции по "староцърковнославянска" морфология. Ласло Хадрович е основател на изследването на старобългарския език в нашия университет.

Изучаването на този предмет е зависело от много условия, поради което често е липсвало в нашия факултет. Показателен е фактът, че в Катедрата по руска филология, основана през 1949 година, няколко години не се е изучавало старобългарски език. Едва през 1952–53 учебна година курс по старобългарски език започва да чете главен асистент Имре Ботош. През 1954 година лекциите по старобългарски език продължава проф. С.М. Мартянова, която гостува в нашия университет. По-късно Йожеф Юхас и Михай Петер четат този курс за студентите. Трябва да отбележим, че доцент Силвестер Патаки в своите лекции по описателна граматика на руския език редовно прави сравнение между старобългарските данни с техните руски еквиваленти.

Изучаването на *съвременния български език* започва през втория семестър на 1946–47 учебна година, когато *Ерен Хасан* води практически занимания по съвременен български език и обявява курс "Увод в славянското езикознание".

След това дълги години няма данни за изучаване на съвременен български език.

Но преподаването на старобългарски език продължава. В края на 60-те години по препоръка на известната руска славистка М.А. Соколова ние започнахме да проучваме руската редакция на старобългарския език. Когато изучавахме паметниците по руската редакция, неведнъж чувствахме липсата на знания по съвременен български език. Изучаването на старобългарски език наложи и потребност от изучаване на живия български език.

Тази потребност намери подкрепа и от ръководството на нашия университет, и от Центъра по българистика в София. От началото на 70-те години ръководителите на центъра (Е. Георгиев, К. Куев, П. Славчев, Д. Ангелов, Ст. Радев) оказват все по-голяма помощ на нашата катедра – изпращат книги, канят сътрудници на специализация в България, изпращат докладчици на нашите мероприятия, посещават нашите конференции по русистика и т.н. Ръководството на центъра повдигна въпроса за български лекторат в Сегед. Центърът беше готов да изпрати лектор по български език в нашия университет. Това желание на Центъра намери положителен отклик и от страна на нашия университет.

В резултат на преговорите въпросът за български лекторат беше решен положително. От 1 септември 1980–81 учебна година беше учреден български лекторат в нашия университет. Първият български лектор в Сегед бе *Иван Харалампиев*, тогава главен асистент в университета "Кирил и Методий" (Велико Търново). Той е специалист по историческа граматика на българския език и наскоро беше защитил своята кандидатска дисертация. И. Харалампиев заяви, че неговата задача се състои в това да събуди интерес към българския език, към българската литература и фолклор. Като своя по-далечна цел той постави Сегед да стане център на българистичните проучвания и на изучаването на унгаро-българските взаимоотношения.

И. Харалампиев обяви курс по български език за начинаещи и същевременно четеше курс по историческа граматика на българския език. Харалампиев участвуваше плодотворно в научния живот на катедрата, няколко пъти беше докладчик на конференциите, организирани от нашата катедра. Неговата научна дейност има значение също и за научната ориентация на катедрата ни.

Приемник на И. Харалампиев стана *Константин Босилков*. Той бе многостранен и оригинален учен. В центъра на неговите научни интереси беше историята на новобългарския книжовен език. Той успешно се включи в живота на катедрата, придоби популярност и сред своите студенти и сред колегите си. Той водеше курсове по съвременен български език за начинаещи и напреднали. Освен това той обяви курс по история на новобългарския книжовен език. Неговите лекции по история на езика бяха издадени като учебно помагало от нашата катедра с помощта на Българския културно-информационен център в Будапеща.

Константин Босилков също се включи в научната дейност на катедрата. Той взе дейно участие в подготовката на речника-индекс по руската редакция на старобългарския език, който е съставен от единадесет паметника от XI-XII век.

От първия семестър на 1988-89 учебна година длъжността на български лектор успешно изпълнява *Лиля Мончева*, доцент в Педагогическия институт в град Шумен. Тя е известен специалист по староруска литература. Лиля Мончева успя да спечели голяма популярност като човек и уважение като отличен специалист.

II. В рамките на тези десет години ние успяхме да организираме различни научни мероприятия по българистика: срещи, беседи, конференции. От тях най-голямо значение имат нашите конференции, подкрепени от Центъра по българистика в София.

Искам да се спра само на няколко от тях.

На 14-15 май 1981 година беше организирана научна конференция, посветена на 1300-годишнината на Българската държава. В работата на конференцията участваха не само сътрудниците на нашата катедра, но и преподаватели от другите катедри и учреждения, които се занимават с българска тематика. В организацията на конференцията взе участие сегедския филиал на Унгарската академия на науките. Материалите от конференцията бяха издадени в специален том от Годишника на нашата катедра.

На 5 май 1983 година ние празнувахме Деня на българската култура. Тогава проф. К. Куев прочете своя интересен доклад за дейността на Кирил и Методий.

На 4 октомври 1984 година беше организирано научно заседание, в което взеха участие и унгарски, и български изследователи.

На 8–9 октомври 1985 година ние чествувахме 1100-годишнината от смъртта на св. Методий. На конференцията, организирана от нашата катедра, се срещнаха както чуждестранни българисти, така и унгарските им колеги. Материалите от това мероприятие бяха издадени под заглавие: "Славяни – прабългари – Византия". Изданието бе подкрепено от Българския културно-информационен център в Будапеща.

Най-важната заслуга на нашите мероприятия аз виждам в това, че тук участваха и колеги, които не са сътрудници на нашата катедра. Те ни запознаха със своите научни издирвания, с резултатите от своите изследвания. Тези мероприятия дадоха възможност за поява на младо поколение българисти в Унгария. С голяма радост можем да заявим, че в нашите конференции участваха и известни български изследователи – Е. Дограмаджиева, А. Джурова, К. Куев, Д. Ангелов, Д. Петканова, Р. Павлова, Бл. Шклифов, А. Минчева и др., които споделиха с нас резултатите от своята изследователска работа. Участието на българските колеги в нашите конференции несъмнено повдигна научното ниво и значението на нашите скромни мероприятия.

III. През изтеклите десетина години се определи и профилът на българистичните изследвания в нашата катедра. В изграждането на нашия научен профил, разбира се, имат определени заслуги българските лектори, работили в нашата катедра, които несъмнено разшириха кръгозора на своите унгарски колеги.

Без подробна детайлизация можем да установим, че в областта на българистичните изследвания на нашата катедра влизат следните проблеми:

1. Проучване на руската редакция на старобългарския език, който е част от нашата колективна научно-изследователска работа.

Ние издадохме няколко интересни паметника на тази редакция от XI–XII век. В тази работа взе участие и проф. В. В. Колесов (Ленинград). Съставихме речника–индекс от 11 ръкописа руска редакция по старобългарски език. Досега излезе първият том на този речник–индекс, в момента подготвяме и втория том за печат.

2. Проучване на среднобългарския език и историята на българския език.

3. Изследване историята на съвременния български книжовен език.

4. Унгаро–българските езикови връзки.

5. Кирило–методиевската проблематика.

6. Проучване на старобългарската литература в нейната тясна връзка със староруската.

7. Контрастивна граматика на унгарския и българския език.

Сътрудниците на нашата катедра, както и българските лектори, публикуваха свои работи в тези области.

В края на моето съобщение трябва да кажа и няколко думи за перспективите в изучаването на български език в нашия университет. Досега български език се преподаваше като лекторат, лекторски предмет. Тъй като в нашата катедра от есента на следващата година ще стане възможен изборът на "специалност Б" – Славянска филология, нашите бъдещи студенти, които ще изберат специалността Българска филология ще получат диплом "преподавател по български език и литература". Обаче аз смятам, че не е далечен и този празничен ден, когато нашите студенти–българисти ще могат да следват българска филология като "специалност А" и получавайки своя диплом, ще могат да станат учители по български език и литература.

Завършвайки моето съобщение, моля да ми позволите да изразя дълбока благодарност от името на сегедските българисти на всички, които поддържаха и продължават да поддържат българистичните ни изследвания. Между тях са Центърът по българистика към БАН, Българският културно–информационен център в Будапеща, Министерството на народната просвета (София) и всички наши драги български приятели тук и там, в България.

TARTALOM / СЪДЪРЖАНИЕ

Имре Х.Тот: Предговор	3
Samuel Szádeczky-Kardoss: Die Onoguren und Menandros Protektor	5
Gyula Kristó: Les Kean dans le bassin carpatique	11
Ferenc Makk: Relations hungaro-bulgares au temps du prince Géza et du roi Etienne I ^{er}	25
Ласло Сегфю: Заметки об истории венгерского Алфеля IX-го века	35
Sándor László Tóth: Hungarian-Bulgarian Contacts in the Ninth Century	71
Терезия Л. Олайош: "Чешские" наемные войска короля Матяша	79
Donka Petkanova: Die polemischen Schriften Konstantin-Kyrills	91
Екатерина Дограмаджиева: Структура на календара в ранните славянски евангелски ръкописи	103
Иштван Феринц: Некоторые идеологические установки Кирилла и Мефодия и их учеников	113
Имре Х.Тот: К кирилло-мефодиевской традиции в Венгрии	123
Иштван Пете: Семантическая система пространственных отношений в болгарском, русском и венгерском языках	137
Габор Балаж: Методологични проблеми на диахронната морфология	161
Еден Хоргоши: Дублеты чръво – жтроба в прямом и переносном значениях в памятниках русской редакции древнеболгарского языка XI–XII вв.	171
Михай Кочиш: Среднеболгарские черты в орфографии Сегедской минеи	175
Имре Х.Тот: Българистиката в Сегедския университет	185

ISBN 963 482 023 9

Kiadja a JATEPress
6722 Szeged, Petőfi Sándor sugárút 30—34.
Felelős kiadó: H. Tóth Imre
Felelős vezető: Szőnyi Etelka
Méret: B/5, példányszám: 200.